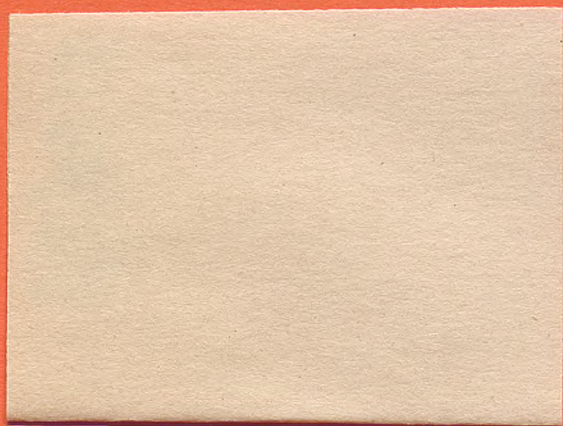

II 2049979

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ
ПЕРМСКОГО
КРАЯ

Р
У С С К И Е
Н А Р О Д Н Ы Е
С К А З К И
П Е Р М С К О Г О
К Р А Я

Пермское книжное издательство
2004

УДК 882-93
ББК 84. 4Р
Р 88

*Научные консультанты и рецензенты:
доктор филологических наук **И. А. Подюков**,
доктор исторических наук **Г. Н. Чагин**,
кандидат филологических наук **К. Э. Шумов***

Составитель и автор вступительной статьи **А. В. Черных**
Примечания **В. А. Базанова, А. В. Черных**

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
в рамках федеральной целевой программы
«Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

Организационная и финансовая поддержка в издании книги
оказана управлением внутренней политики
и взаимодействия с территориями администрации
Пермской области в рамках реализации областной
целевой Программы развития и гармонизации
национальных отношений народов Пермской области

**В книге использованы рисунки З. И. Трубниковой,
предоставленные Куединским краеведческим музеем**

Р 88 Русские народные сказки Пермского края / Сост.
А. В. Черных. – Пермское кн. изд-во, 2004. – 280 с.

ISBN 5-93683-024-1

Представленные в этом сборнике тексты были записаны пермскими этнографами, фольклористами и краеведами за сто с лишним лет – с конца XIX века до наших дней – и публикуются впервые. Они отражают все жанровое и сюжетное многообразие сказочной прозы русского населения Пермского Прикамья.

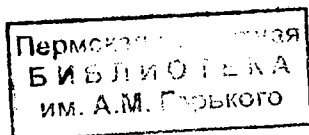
Книга адресована самому широкому кругу читателей: от детей младшего школьного возраста до серьезных исследователей фольклора.

УДК 882-93
ББК 84. 4Р

- © Черных А. В., составление, 2004
- © Данилова О. О., литературная обработка, 2004
- © Пермское книжное издательство, 2004

ISBN 5-93683-024-1

И 2049979

ВСТУПЛЕНИЕ

Богатые традиции устного народного творчества русских, проживающих в Пермском крае, неоднократно привлекали внимание фольклористов. Прикамье было и остается богатейшей сокровищницей устного народного творчества, не последнее место в котором занимает сказка. Собираение и изучение пермской сказки имеет почти двухвековую историю.

Первым, кто познакомился со сказочной прозой Северного Прикамья, можно считать В. Н. Берха. Им были организованы три экспедиции на север Прикамья (1815, 1818, 1819), в ходе которых он изучал археологические памятники, собирал письменные документы, записывал народные предания¹. В д. Ветлан Чердынского уезда В. Н. Берх встречался с Н. Т. Девятовой, знатоком местной прозаической традиции. В. Н. Берх так описывает эту встречу: «Усмотря между моими посетительницами одну пожилую и умную женщину, спросил я ее, не может ли она в вознаграждение рассказать мне несколько старинных повестей или сказок? Настасья Тимофеевна Девятова отвечала, что она готова удовлетворить

любопытство мое и надеется успеть в сем более потому, что в целой округе нет женщины, которая бы так искусно повивала и рассказывала повести, как она. Обрадованный такою счастливою находкою, приготовился я слушать ее со всевозможным вниманием... Г-жа Девятова предлагала мне Илью Муромца, Ивашку белую рубашку, Царя Соломона, Данила безчастного, Соловья разбойника, Ивана царевича и, услышав, что все сии сказки мне известны, сказала: «Постой же, я расскажу тебе о Перяной кикиморе, которую ты верно не знаешь...» Я выслушал еще и другую: о Пелиторском короле и дочери его Мангалете, но не нашел в этом ничего нужного»². К сожалению, так как В. Н. Берх стремился услышать новые, неизвестные произведения, ни один из былинных или сказочных текстов не был им записан. Однако сообщение В. Н. Берха остается первым свидетельством активного бытования в крае былинных и сказочных текстов, а Н. Т. Девятову из д. Ветлан можно считать первой из известных фольклористам пермских сказительниц.

Началом активного и целенаправленного собирания и изучения пермских сказок следует считать конец 1840-х – начало 1850-х гг. Фольклористы отмечают, что в России именно к середине XIX в. определяется широкий общественный и научный интерес к народной сказке³. Собрание сказок в этот период происходило в рамках программы по сбору материала по традиционной культуре народов, осуществляемой Русским географическим обществом. Известно, что ответы на программу прислали и пермские корреспонденты. Среди других материалов по народной культуре были присланы и сказочные тексты из Кунгурского, Осинского, Чердынского, Соликамского уездов. Среди собирателей этих материалов известны Д. Петухов из Соликамского уезда и А. Сергачев⁴.

По решению совета Русского географического общества сказочные материалы архива были переданы в распоряжение А. Н. Афанасьева, готовившего издание русских народных

сказок. Именно так некоторые пермские сказки попали в самый известный и самый большой сборник русских народных сказок. В сборнике А. Н. Афанасьева опубликовано около двадцати пермских сказок, в том числе присказки, докучные сказки, сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. А. Н. Афанасьев использовал и некоторые ранее опубликованные тексты, так в его сборник попала сказка «Лиса-исповедница», записанная Л. Питерским со слов рабочего Мотовилихинского завода и опубликованная в «Пермском сборнике»⁵.

Другая часть пермских материалов была помещена А. Н. Афанасьевым в сборнике «Народные русские легенды»⁶.

Сборник А. Н. Афанасьева состоял из восьми выпусков, вышедших в 1855–1866 гг., в XIX–XX вв. он неоднократно переиздавался⁷. Выход «Народных русских сказок» был замечен общественностью Прикамья и активизировал собирание сказочного фольклора.

Одним из интересных собраний пермских сказок середины XIX в. являются сказки, записанные братьями П. А. и А. А. Вологдиными и опубликованные П. А. Вологдиным в 1863 г. в нескольких номерах газеты «Пермские губернские ведомости»⁸. Всего в публикации приводится двадцать сказочных текстов, в числе которых сказки о животных, волшебные, бытовые и докучные сказки. Далеко не все тексты сказочной прозы в публикации П. А. Вологодина сопровождаются указанием места записи. Автор лишь отмечает, что тексты к публикации собирались в Соликамском и Оханском уездах, среди населенных пунктов приводятся также г. Усолье, завод Добрянка и с. Кудымкар. К собранию сказок братьев Вологдиных неоднократно обращались фольклористы при публикации пермских сказок. Так, например, Д. К. Зеленин отмечает, что «записанные братьями Вологдиными сказки перепечатываются мною все полностью»⁹. Несколько сказок из этого собрания вошло и в сборник А. Спешилова¹⁰.

Новое пробуждение активного интереса к народным сказкам приходится на конец XIX – начало XX вв. Сказочная

комиссия Русского географического общества поставила перед собой задачу «привести в известность все вообще русские сказки». Предполагалось опубликовать не менее двенадцати региональных сборников сказок, собранных в разных губерниях страны¹¹. Программа сказочной комиссии активизировала собирательскую работу в регионах.

Летом 1900 г. в деревнях Чердынского уезда побывал фольклорист Н. Е. Ончуков. Целью его приезда был поиск былин и былинных сюжетов в Северном Прикамье. Однако записей былин Н. Е. Ончукову в Чердынском уезде сделать не удалось, за исключением нескольких небольших фрагментов. По этой причине, видимо, собирательская деятельность его в Северном Прикамье не была продолжена¹². В то же время Н. Е. Ончуков записал несколько сказочных текстов. Три сказки, записанные в Чердынском уезде, собиратель поместил в сборнике «Северные сказки» (Архангельская и Олонецкая губернии)¹³.

В 1914 г. в Петрограде вышел сборник известного русского этнографа Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии»¹⁴. Этот сборник включал около ста сказочных текстов, подробные комментарии и характеристику сказочников, а также аналитическую статью, в которой автор останавливается на особенностях пермской сказочной прозы и возможных причинах их появления. Д. К. Зеленин отмечает, что «Пермская губерния... очень богата сказками и сказочниками... По всей Пермской губернии записано около двухсот сказок. Таким количеством записанных сказок могут похвалиться только весьма немногие великорусские губернии»¹⁵. Сборник Д. К. Зеленина составлен из материалов, собранных им самим, а также из пермских сказок, опубликованных прежде. Сам автор записывал сказки только в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, они и составили основу собрания. В сборник вошли также сказки, записанные другими авторами в Шадринском и Верхотурском уездах. Сказки западной части Пермской губернии,

территории современной Пермской области, представлены в сборнике по известной уже публикации братьев Вологдиных. Д. К. Зеленин приводит четыре сказки из с. Козьмодемьянского Соликамского уезда (современный Карагайский район), присланные в Отделение русского языка и словесности Академии наук учителем начального земского училища с. Козьмодемьянского В. П. Паламожных¹⁶. Сборник Д. К. Зеленина получил высокую оценку научной общественности¹⁷. До сих пор «Великорусские сказки Пермской губернии» считаются наиболее полным, «классическим» собранием уральских сказок. К настоящему времени сборник стал библиографической редкостью, хотя он неоднократно переиздавался.

Кроме того, Д. К. Зелениным был подготовлен сборник «Великорусские сказки Вятской губернии».

Таким образом, из двенадцати задуманных Сказочной комиссией сборников вышло лишь три: «Северные сказки» Н. Е. Ончукова (сказки Архангельской и Олонецкой губерний), «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии» Д. К. Зеленина. При этом в двух первых сборниках был помещен материал, относящийся к сказочной традиции Прикамья.

В конце XIX – начале XX вв. собиранием сказок занимались и пермские любители народной старины и фольклористы. Однако большинство из собранных сказок того времени не было опубликовано и осело на архивных полках. Некоторые из собранных в тот период текстов хранятся в фондах Государственного архива Пермской области¹⁸.

К 1900-м гг. относится начало творческой деятельности известного пермского фольклориста В. Н. Серебренникова. Собирая малые жанры фольклора, песенный фольклор Прикамья, В. Н. Серебренников тем не менее не обошел вниманием и сказку. В 1928 г. он публикует одну из интересных сказок «О Пехтимке», записанную им на родине, в с. Андреевка Оханского уезда¹⁹. Подготовленные В. Н. Серебренниковым накануне Великой Отечественной

войны фольклорные сборники, включавшие и пермские сказки, так и не увидели света. Они остались в рукописном собрании фольклориста, которое хранится сейчас в библиотеке Пермского государственного педагогического университета. На основе этого рукописного собрания был подготовлен сборник «Меткое слово. Песни. Сказки»: Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебренников (составитель Т. И. Вершинин, Пермское книжное издательство)²⁰. В сборник вошло около тридцати сказочных сюжетов, в том числе сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, анекдоты. К сожалению, не все сказки снабжены указанием на место записи, но можно утверждать, что большая их часть собрана в Оханском уезде Пермской губернии.

В 1920–1950 гг. собиранием пермского фольклора занимался известный пермский ученый П. С. Богословский. В его фольклорное собрание входили и сказочные тексты. Опубликованы они не были и в настоящее время хранятся в личном фонде ученого²¹.

В 1962 г. в Перми выходит сборник сказок А. Спешилова²². В нем около двадцати сказочных текстов. Часть сказок при этом была заимствована из опубликованных сборников А. Н. Афанасьева и Д. К. Зеленина, из рукописей В. Н. Серебренникова, несколько сказок было записано самим А. Спешиловым в деревнях Пермской области. Сборник переиздавался Пермским книжным издательством в 1971 г.²³. Ориентация книги на детскую аудиторию, большой тираж и красочное оформление способствовали тому, что выход его стал значимым событием в культурной жизни Прикамья.

Сборник сказок «Старикова тайна» (1981) стал итогом многолетнего собирания сказочной прозы Прикамья известным пермским фольклористом И. В. Зыряновым²⁴. В него вошли тексты, записанные от русских в Красновишерском, Чердынском, Березовском, Оханском, Кунгурском, Чайковском районах, в Суксуне и Перми, а также от коми-пермяков в Кочевском районе и п. Гайны. Главная особенность

сборника состояла в том, что все тексты, помещенные в нем, были собраны самим И. Зыряновым в ходе экспедиций в разные районы Прикамья. Большую часть сборника составляли волшебные и бытовые сказки. Своей задачей автор ставил публикацию неизвестных текстов и новых вариантов широко распространенных русских сказок. Исследователи фольклора высоко оценили сборник И. В. Зырянова, охарактеризовав его как один из самых интересных²⁵.

В конце XX в. полевая собирательская работа в Прикамье вновь активизировалась. Экспедиционные отряды фольклористов и этнографов Пермского государственного университета (К. Э. Шумов, А. В. Черных) и Пермского государственного педагогического университета (И. А. Подюков) обследовали большую часть территории Прикамья и значительно дополнили фонд фольклорных материалов, собранных их предшественниками. Неоднократно записывались и тексты сказочной прозы, большая часть из которых к настоящему времени опубликована.

На основе экспедиционных записей последних лет был подготовлен сборник «Ореховая веточка» (1999)²⁶. Он включает около двадцати сказочных текстов, в том числе сказки о животных, волшебные и социально-бытовые сказки, и раскрывает репертуар одной сказочницы – Евдокии Никитичны Трясциной (1922 г. р.) из с. Русский Сарс Октябрьского района. Этот сборник первая для Прикамья попытка публикации сказочного репертуара одного сказителя. Однако после его выхода от Е. Н. Трясциной было записано еще около сорока текстов, помещенных в настоящем сборнике.

В 2000 г. пермский фольклорист И. А. Подюков издает сборник «Пермские сказки»²⁷. В него вошло пятьдесят сказочных текстов, записанных в ходе экспедиций последних лет, в основном в районах Северного Прикамья (Карагайский, Чердынский, Соликамский, Усольский и другие районы).

Оглядываясь на многолетнюю историю собирания пермской сказки, можно выявить некоторые сложившиеся

традиции. Во-первых, сказочную традицию не обходил ни один из фольклористов, работавших в Прикамье. Во-вторых, собиранием сказок в регионе занимались преимущественно сами пермяки, пермские фольклористы. За два века собрано значительное количество сказочных текстов, в том числе уникальных, неизвестных в других русских регионах.

Возможно, в будущем будет подготовлена и антология пермской сказки, так как сегодня тексты сказочной прозы Прикамья разбросаны по разным изданиям.

Говорить о пермской сказке нельзя только в прошедшем времени. Сказки еще живут в пермских деревнях. Из фольклорно-этнографических экспедиций в разные районы Прикамья и сегодня привозятся сказочные тексты, встречаются уникальные рассказчики, сказочный репертуар которых необыкновенно широк.

Однако изменяется как сама сказка, так и характер ее бытования. Сказки упрощаются, значительная часть современных записей сказок сводится к пересказу сюжета, утрачивается образность повествования. Сказки выходят из активного бытования, поэтому сужается круг носителей этого фольклорного жанра. Записать сказку в экспедиции – большая удача.

Сказка как жанр фольклора в прошлом носила сакральный характер. Так, у русских Прикамья не разрешалось рассказывать сказки летом, когда скот пасся в поле, в противном случае скот мог заблудиться. В русских быличках Прикамья встречается сюжет, в котором герой, рассказывая сказки, побеждает нечистую силу. Часто в экспедициях, которые в основном организовывались в летние месяцы, мы сталкивались с ситуацией, когда информаторы отказывались рассказывать сказки: «за сказками приезжайте зимой, когда скот дома». Однако в большей части отношение к сказке изменилось, теперь их рассказывают «по поводу» в любое время.

Основными слушателями современной сказки стали дети, а рассказчиками – старшее поколение, бабушки и дедушки,

в то время как в прошлом круг слушателей был гораздо шире и включал все возрастные категории. Так, например, рассказывание сказок было непременным атрибутом молодежных посиделок. Актуализация сказочного репертуара сегодня происходит лишь по случаю. Большинство сказителей, от которых нам приходилось записывать сказки, вспоминали их потому, что занимались воспитанием внуков. Дети часто и были нашими помощниками в выявлении репертуара сказителей. Сказочную традицию в большей части сохраняют сегодня женщины. Если в сборнике Д. К. Зеленина публикуются сказки, собранные им в начале XX в. исключительно среди сказочников-мужчин, то в нашем сборнике представлены сказки, записанные исключительно от женщин, при этом, как правило, преклонного возраста.

Наш век, изменения в крестьянском укладе, в языке нашли отражение и в сказках. Многие слова, понятные в прошлом каждому, но неизвестные современному человеку, вышедшие из употребления, уходят и из сказок. А с другой стороны, в сказки вошли слова, которые вносят реалии современности, приближают и само действие к нашему времени, например: скатерть «завернута, как зонтик», царь, решивший выдать замуж дочь, «написал афиши» и т. п.

Повсеместно традиционная сказка выходит из активного устного употребления. Еще сохраняются сюжеты, но изменяется последовательность мотивов, исчезают словесные формулы, происходит лишь передача информации. Однако сказочный мир некоторых пермских сказителей избежал утраты образности, сохранил многие художественные приемы прошлого.

К таким сказочницам можно отнести Евдокию Никитичну Трясцину из с. Русский Сарс Октябрьского района. Именно от нее в 1994 – 2002 гг. было записано наибольшее число сказочных текстов данного сборника. Репертуар сказительницы представляет срез сказочной традиции Прикамья. Для сказок Е. Н. Трясциной характерна развернутость

сюжета, образность, чувствуется также и индивидуальный стиль исполнителя.

Сказочная традиция южных районов Прикамья в сборниках прошлых лет представлена слабо. В то же время полевое изучение этих территорий позволило выявить бытование сказочной прозы и в этих районах. Архаичные былинные сюжеты, записи которых достаточно редки для Прикамья, были записаны в 1997 г. в д. Шарынино Ординского района от Любови Яковлевны Мелкозеровой (1909 г. р.). Прекрасные сказочницы Мария Васильевна Мосеева (1920 г. р.) и Прасковья Васильевна Трубникова (1924 г. р.) живут в с. Советная Суксунского района и с. Урталга Куединского района.

Яркие особенности диалектной речи характерны для сказок, записанных в северных районах Прикамья. К знатокам сказочной традиции Вишерского поречья (именно тех мест, где записывал сказки Н. Е. Ончуков) относится Тамара Егоровна Филиппович (1921 г. р., родом из д. Акчим) из п. Мутиха, большую часть населения которой составляют жители легендарной вишерской д. Акчим²⁸. Не только сказки, но и предания о богатырях и былинные сюжеты были записаны от Т. Е. Филиппович в 2002 г. Многие пермские фольклористы и этнографы были знакомы с Александрой Фокеевной Сторожевой (1913 г.р.) из д. Усть-Уролка Чердынского района, однако не все знали ее как прекрасную исполнительницу сказок.

Уникальной территорией Прикамья, где традиционная культура сохраняет прочные позиции и в настоящее время, является Юрлинский район Коми-Пермяцкого автономного округа. Во время работы экспедиций Центра этнолингвистики Пермского государственного педагогического университета (рук. И. А. Подюков) во многих деревнях района были записаны сказочные тексты. Целый цикл сказок составителю настоящего сборника удалось записать в д. Елога от Анны Ивановны Овчинниковой (1927 г. р.). Многие сказки были уже известны по записям из других районов Прикамья, но они интересны как особенностями диалектной лексики, так и необычными вариан-

тами развития сюжета. К юрлинским сказочникам можно отнести также Ф. Ф. Светлакову (1920 г. р.) из с. Юрла, М. Д. Фадееву (1939 г. р.) из д. Балда, А. И. Суворову (1932 г. р.) из д. Ефремова, Т. И. Бартову (1928 г. р.) из д. Таволожанка.

Последняя экспедиция 2003 г. в Очерский район, предшествующая выходу этого сборника, принесла знакомство со сказочницей Александрой Петровной Токаревой (1924 г. р.) в с. Токари. Около десяти сказок, вошедших в наш сборник, было записано от этой рассказчицы.

Знакомясь с хранителями сказочной традиции Прикамья, всегда убеждаешься: они не только замечательные рассказчики, но и знатоки многих явлений традиционной культуры, прекрасные информаторы и собеседники.

Репертуар пермских сказочников в основных чертах повторяет классический репертуар русских сказок, так как Пермское Прикамье исторически было связано со многими регионами России, откуда происходило заселение русскими крестьянами пермских земель (это и территория Русского Севера, Вятская земля, Поволжье и Приуралье), что и объясняет истоки и генетические связи пермского фольклора.

Однако становление регионального фольклора и его особенностей происходило в Прикамье в тесном контакте с местным населением, чем обусловлен некоторый общий пласт в сказочном фольклоре коми-пермяков, татар, башкир и русских Прикамья. Примером могут служить сказки о пермских богатырях, несомненно испытывавшие влияние коми-пермяцкого фольклора.

Особенность пермской сказки и в прекрасной диалектной речи, даже пермские варианты известных русских сказок отличаются ярким колоритом народного языка.

В сборник «Русские народные сказки Пермского края» вошли только неопубликованные ранее тексты. Большая часть их собрана в ходе фольклорно-этнографических экспедиций 1993–2003 гг. в различных районах Пермской области и Юрлинском районе Коми-Пермяцкого автоном-

ного округа. Кроме того, в сборник вошли материалы, извлеченные из архивных собраний Пермского, Чердынского и Добрянского краеведческих музеев, Государственного архива Пермской области, фольклорного архива Пермского государственного университета. Часть этих текстов записана в конце XIX – второй половине XX вв., но до настоящего времени не была опубликована.

Всего в сборник вошло сто пятьдесят сказочных текстов, включая варианты, представленные в примечаниях. Сказки в сборнике помещены по основным разделам: докучные сказки, сказки о животных, волшебные сказки, богатырские сказки, социально-бытовые сказки и сказки-притчи. Большинство из представленных в сборнике сюжетов сказок имеют широкое распространение и уже известны фольклористам, однако пермские варианты этих сказок позволяют представить региональный комплекс сказочной прозы со всеми присущими ему локальными особенностями, пермской диалектной речью, во взаимосвязи с фольклорными традициями других народов края. А современные варианты дают возможность исследовать и проблематику эволюции сказочных сюжетов.

Каждый текст сказки сопровождается примечаниями, помещенными в конце издания. В них содержится информация о населенном пункте, где проводилась запись, рассказчике, а также о времени записи и собирателе. В случае, если сказка записывалась в Прикамье неоднократно, указываются населенные пункты, в которых производилась запись, или сборники, в которых были опубликованы варианты данной сказки. В некоторых случаях приводятся наиболее интересные варианты сказок либо их фрагменты. Издание содержит также географический указатель районов и населенных пунктов, где были записаны сказки настоящего сборника.

Особо нужно сказать о художнике, чьи работы использованы в оформлении книги. Это Зоя Ильинична Трубникова (1927 г. р.), которая живет в д. Куеда Куединского

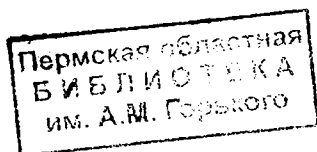
района, – интересный собеседник, прекрасный знаток местной фольклорной традиции, лекарь и художник. Знакомство с Зоей Ильиничной в одной из экспедиций в 1993 г. было настоящим открытием²⁹. После выхода на пенсию Зоя Ильинична начала рисовать. Темами для ее работ служат воспоминания детства, сцены из деревенской жизни, животные и птицы, сюжеты известных сказок. Картины нарисованы на отслуживших свой век байковых одеялах, клеенках, а также на стенах дома, дверях, печи, небольших фанерках и досочках. В ход идет все: и покупные краски, и зубная паста, и разведенный уголь, и все подручные красители. Дом З. И. Трубниковой – настоящая картинная галерея: на печи сказочный заяц несет дрова, на божнице рисованные хозяйкой иконы, между окон портреты родственников, на стенах рисованные ковры, в сенях множество небольших картинок, даже потолок разрисован.

Значительная часть картин З. И. Трубниковой хранится сегодня в фондах Куединского краеведческого музея.

Автор благодарит своих коллег, участников многочисленных фольклорных и этнографических экспедиций, с кем было пройдено немало сел и деревень Прикамья: И. А. Подюкова, К. Э. Шумова, В. В. Жука, В. А. Базанова, О. В. Базанову, Е. С. Базанову, М. В. Крысову, М. Е. Суханову. Особая благодарность художнице З. И. Трубниковой и директору Куединского краеведческого музея Ф. В. Мокеровой, оказавшим неоценимую помощь в подготовке настоящего издания. Благодарим также всех наших информаторов, прекрасных рассказчиков, хранителей сказочной традиции Прикамья, без которых не состоялся бы выход этой книги.

А. В. Черных,
кандидат исторических наук

2049979

¹ Бруцкая Л. А. Берх В. Н. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 83.

² Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 114–115.

³ Пропп В. Я. Вступление к сборнику // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957. Т. 1. С. 4.

⁴ См. комментарии к сборнику: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957. Т. 1–3.

⁵ Пермский сборник. Пермь, 1859. Т. 1. С. 127–128.

⁶ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1859.

⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева (подготовка текста и примечания В. Я. Проппа). М., 1957. Т. 1–3.

⁸ В «Пермских губернских ведомостях» в 1863 г. (№ 32–33; 36–44) были напечатаны «Материалы для этнографии Закамья. Из сборника П. А. Вологодина». В «Материалах...» были опубликованы и 20 сказочных текстов. См.: Материалы для этнографии Закамья: Сказки, говоримые детям // Пермские губернские ведомости, 1863. № 38–44.

⁹ Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991. С. 459.

¹⁰ Сказки Прикамья /собрал и обработал А. Спешиллов/. Пермь, 1971.

¹¹ Бергулева–Дмитриева Т. Г. Д. К. Зеленин и его сборник // Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991. С. 510.

¹² Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре. СПб., 1902. С. 18–19.

¹³ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Спб, 1908. Т. XXXIII. В сборнике пермские сказки идут под номерами 225–227.

¹⁴ Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Пг., 1914. Т. XLI.

¹⁵ Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 465.

¹⁷ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время // Журнал Министерства народного просвещения, 1916. Т. 64. № 8. С. 304.

¹⁸ ГАПО, ф. 680. (Пермский научно-промышленный музей.) Часть сказок, записанных неуставленными авторами, публикуется в настоящем сборнике (см. примечания в конце книги).

¹⁹ Оханская сказка про Пехтимка // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 128–131.

²⁰ Меткое слово. Песни. Сказки: Дореволюционный фольклор Прикамья / собрал В. Н. Серебренников; сост. Т. И. Вершинин/. Пермь, 1964.

²¹ Несколько сказок из личного фонда П. С. Богословского (Государственный архив Пермской области, ф. 973) публикуются в настоящем сборнике.

²² Сказки Прикамья / собрал и обработал А. Спешиллов/. Пермь, 1962.

²³ Сказки Прикамья /собрал и обработал А. Спешиллов/. Пермь, 1971.

²⁴ Старикова тайна: Сказки Прикамья в записи И. А. Зырянова. Пермь, 1981.

²⁵ Пермские сказки: Современный фольклор Прикамья /сост. И. А. Подюков/. Пермь, 2000. С. 3.

²⁶ Ореховая веточка: Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермской области /сост. А. В. Черных/. Пермь, 1999.

²⁷ Пермские сказки...

²⁸ Известность этой вишерской деревни связана с работой и изданием нескольких томов «Словаря говоров д. Акчим».

²⁹ Некоторые материалы о художнике и работы З. И. Трубниковой см.: Жук В., Черных А., Базанов В. «Имя мы не спрашивам никогда...» // Народное творчество, 1997. № 2. С. 6–7.

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

1.

Жили два братца – кулик да журавль.
Накосили они стожок сенца,
Поставили посреди польца.
Не начать ли сказку опять с конца?

2.

Жил-был, жила-была, жило-было.
Как ударит жил-был жила-была,
Жило-было еле живо было.

3.

Жили-были старик со старухой,
А колодец у них был на печи,
К колодцу была привязана цепь,
За цепь – веревка, а за веревку – мочало,
А сказка опять сначала.

4.

Жили-были два мочала –
Вот и сказке начало.
Жили-были два павлина –
Вот и сказке середина.
Жили-были два гуся –
Вот и сказка вся.

5.

Жил-был царь,
У царя был сад,
В саду росло дерево,
На дереве висело мочало.
Не начать ли сказку сначала?

6.

Жил-был царь,
У царя был двор,
На дворе был кол,
На коле мочало.
Начинай сказку сначала.

7.

Жил-был карась –
Вот и сказка моя началась.
Плавал да плавал карась у плотины –
Сказка рассказана до середины.
Я бы поймал за хвост карася,
Да жалко, что сказка рассказана вся.

8.

Надо ли сказку страшную-престрашную
Про первую золотую, про вторую голубую,
А про третью – по заднице плетью?
Золото по горе катилось, на солнце светилось.
Я был там, золото цап в карман,
Теперь никому не дам.
Надо ли про вторую, про голубую, про бабу дурную?

Она по ночам в ступе летала
В гости к другой голубой, такой же дурной.
Они у чертей гостили, с ними дружбу водили.
Если не будете спать, сюда прилетят, вас съедят.
Третья сказка короткая – плетей полна коробка,
На всех по одной по заднице молодой.

9.
Дело было вечером,
Делать было нечего,
Сидел я на окошке,
Чистил картошку.
Прибежал городской,
Кричит: «Поймите его,
Арестуйте его!»
Поймали меня,
Арестовали меня,
Привели меня на суд,
Там стали допрашивать,
А я стал доказывать, что
Дело было вечером...

10.
Я сидела на пеньке,
Ела кашу в черепке.
Подбежал ко мне татарин,
Меня по уху ударил.
Я взяла его за пузо,
Повела его на суд.
Эх, судья, судья,
Рассуди наши дела!
Вот какие мои дела:
Я сидела на пеньке...

11.
Сидели два медведя
На ветке золотой,
Один плевал на небо,

Другой качал ногой.
И так они сидели
На ветке золотой...

12.

- Мы с тобой шли?
- Шли!
- Тулуп нашли?
- Нашли!
- А где он?
- Что?
- Тулуп!
- Какой?
- Да мы с тобой шли?..

13.

- Надо вам сказку про быка,
про золотые рога, про поганый хвост?
- Надо.
- Тебе надо, Марии надо, Ивану надо.
Надо вам сказку про быка,
про золотые рога, про поганый хвост?
- Не надо.
- Тебе не надо, Марии не надо, Ивану не надо.
Не надо вам сказку про быка,
про золотые рога, про поганый хвост?..

СКАЗКИ **О ЖИВОТНЫХ**

*А было это, голубчики, в старину,
Когда задумал дед Архип залезть на Луну.
Тогда сказки по воздуху летали,
Друг друга за крылышки хватали.
А я за ними на зеленом коне скакала
Да в мешок эти сказки собирала.*

14. Звери в яме

Жили старик со старухой, и был у них боров. Пошел боров в лес желуди есть, навстречу ему идет заяц и спрашивает:

- Куда пошел, боров?
- В лес желуди есть.
- Возьми меня с собой!
- Нет, косой заяц, там есть большая яма, ты ее не перепрыгнешь.
- Ничего, перепрыгну.

Пошли они вдвоем. Дошли до ямы. Боров прыгнул, а косой заяц хотел перепрыгнуть, да прямо в яму попал. Боров наелся желудей и отправился домой.

На другой день опять пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет лисица.

- Куда, боров, пошел?

– В лес желуди есть.
– Возьми меня с собой!
– Нет, лисица, там есть большая яма, ты ее не перепрыгнешь.

– Ничего, перепрыгну.

Вот пошли они вдвоем, дошли до ямы. Боров перепрыгнул, а лисица прыгнула, да прямо в яму.

Стало их в яме двое. А боров наелся желудей и отправился домой.

На третий день опять боров пошел в лес желуди есть. Навстречу ему идет волк. Спрашивает:

– Куда, боров, идешь?

– В лес желуди есть.

– Возьми меня с собой!

– Нет, волк, там есть большая яма, ты ее не перепрыгнешь.

– Ничего, перепрыгну.

Дошли они до ямы, боров перепрыгнул, а волк прыгнул, да прямо в яму.

Набралось их там в яме трое.

На четвертый день опять пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет медведь и говорит:

– Куда, боров, пошел?

– В лес желуди есть.

– Возьми меня с собой!

– Нет, медведь, там есть большая яма, ты ее не перепрыгнешь.

– Нет, перепрыгну.

Дошли до ямы, боров перепрыгнул, а медведь прыгнул, да прямо в яму.

Набралось их в яме четверо. Начали они там голодать. Тогда лиса и говорит:

– Давайте голос тянуть! Кто отстанет – того съедем!

Один заяц отстал, и вот они его взяли, разорвали и съели. Опять проголодались звери и снова стали уговариваться голос тянуть. Один волк отстал. Они его взяли,

разорвали и съели. Остались только медведь и лиса. А лисица – хитрая, не все мясо съела, часть припрятала. Медведь говорит:

– Ты что все ешь? Откуда берешь? Научи меня!

А лиса ему:

– Зацепись за ребро когтями и тащи свое мясо.

Медведь зацепился за ребро и околел.

И осталась лисица одна.

15. Лиса и тетерев

Бежит лиса по лесу, хочется ей корму найти: птиц, мышей наловить или гнездо разорить. Смотрит: косач-тетерев. Она ему и говорит:

– Эй, тетерев, я на базаре была.

– Была так и была.

– Тетерев, тетерев, я приказ добыла.

– Добыла так добыла.

– Тетерев, тетерев, вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а гулять по зеленым лугам.

– Гулять так гулять.

– Слетай сюда!

– Нет, я вижу: мужик на телеге едет. Проедет – тогда.

Лиса прислушалась: правда, телега брякает.

– На лошади?

– Да.

– А за лошадью кто бежит?

– Жеребенок.

– А какой у него хвост?

– Крючком.

– Ну, до свиданья. Я домой пошла.

Понял тетерев, что лиса его съесть хотела, да собаки испугалась, – тем он и спасся.

16. Волк и баран

Волк по полю рыщет, телят, ягнят ищет. Углядел волк барана, за ним побежал, зарычал:

У, у, у, у!

По горам, по долам

Бежит, бежит баран.

Маленькие ушки

Жмутся друг к дружке,

Колючая шерстка

Трясется немножко.

А баран волка увидел, остановился и говорит: «А, серый, а я тебя в чистом поле кликал, звал. Выбрали тебя в деревне пастухом и ждут не дождутся».

Волк обрадовался, сел на барана, и тот понес его в деревню. А в деревне на волка набросились собаки да бабы с мужиками – кто с коромыслами, кто с колышками, дубьями. Глупый волк чуть жив в лес убрался, больше не появлялся.

17. Про горшок

Ехал мужик с горшками, да один обронил. У того горшка краешек отвыломлен был.

Бежит мышка-топышка. Увидела горшок и спрашивает:

– Кто под горшком?

Никто не отвечает.

Залезла она под горшок и сидит.

Летит мушка с обушком, спрашивает:

– Кто под горшком?

– Я, мышка-топышка. А ты кто?

– А я мушка с обушком.

– Ну, садись под горшок.

Сели они, сидят.

Летит комар, спрашивает:

- Кто под горшком?
- Я, мышка-топышка.
- Я, мушка с обушком. А ты кто?
- А я комар с топором.
- Ну, садись под горшок.

Сели они и сидят.

Бежит заяц. Увидел горшок, спрашивает:

- Кто под горшком?
- Я, мышка-топышка.
- Я, мушка с обушком.
- Я, комар с топором. А ты кто?
- А я заяц при огороде скок.
- Ну, садись под горшок.

Сидят. Бежит лиса, спрашивает:

- Кто под горшком?
- Я, мышка-топышка.
- Я, мушка с обушком.
- Я, комар с топором.
- Я, заяц при огороде скок. А ты кто?
- А я лиса при беседе краса.
- Ну, садись под горшок.

Сели и сидят.

Идет волк. Увидел горшок и спрашивает:

- Кто под горшком?
- Я, мышка-топышка.
- Я, мушка с обушком.
- Я, комар с топором.
- Я, заяц при огороде скок.
- Я, лиса при беседе краса. А ты кто?
- А я волк при сумерках страх.
- Ну, иди под горшок.

Ну ладно, сидят.

Идет медведь. Видит горшок, спрашивает:

- Кто под горшком?
- Я, мышка-топышка.
- Я, мушка с обушком.
- Я, комар с топором.
- Я, заяц при огороде скок.
- Я, лиса при беседе краса.
- Я, волк при сумерках страх. А ты кто?
- А я медведь – коровья смерть.
- Ну, садись под горшок.

Сели и сидят.

Идет сам дядя лесной и несет березу – пребольшую вершину. Махнул березой-то всех их и захвостнул.

18. Михаил Потапович и Лиса Патрикеевна

Жили-были медведь да лиса – Михаил Потапович да Лисавета Патрикеевна, часто оба на печи полеживали. Как-то Лиса Патрикеевна зазнала про бочку масла, а с медведем делиться не захотела. А как медведя обмануть? Она и придумала. Вот лежат они на печи, лиса постукивает хвостиком и постукивает: «Кум-куманек, меня бабиться* зовут». А Михаил Потапович говорит: «Ну, что ж. Поди, кума». Лиса Патрикеевна ушла, а Михаил Потапович остался на печи лежать. Лежит и думает: «Что-то долго кума не идет». Вот пришла лиса домой, медведь и спрашивает: «Кума-а-а, кого бог дал?» – «Початушка», – лиса отвечает.

Опять лежат на печи кум да кума. Лиса опять проголодалась и говорит: «Кум-куманек, меня бабиться зовут». – «Ну да, кума, поди-и-и...»

Опять лиса долго ходила, а когда пришла домой, медведь и спрашивает: «Кума-а-а, кого бог дал?» – «Середышка, куманек, Середышка».

И на третий раз ушла лиса бабиться. А медведь опять

лежит и думает: «Где-то кума долго ходит?» Пришла лиса. «Кого бог дал?» – «Да Заскребышка, куманек». Опять лежат они на печи. Лиса и думает: «Не все ведь я там зачистила». Опять ушла. Пришла скоро. «Кого бог дал?» – Михаил Потапович все свое. «Последышка!» – лиса отвечает.

Вот опять лежат они на печи. Опять лиса есть захотела, думала-думала и придумала. Говорит медведю: «Ку-у-м, давай веситься». Медведь спрашивает: «А кого весить?» – «Всех будем весить; кто тяжелее, того и съедем». Стали сороку весить. Сорока легкая, и ворона легкая, заяц легкий тоже. До лисы дошло дело. Тоже легкая. «Теперь, кум, давай тебя», – лиса говорит. Михаил Потапович и оказался тяжелее всех. Заколола лиса медведя, изжарила да и съела.

*Бабиться – *принимать роды*.

19. Котик и петушок

Жили-были старик со старухой. Были у них котик и петушок. Старики, видно, пообидели котика и петушка, те и ушли от них в лес. Там сделали избушку и стали жить-поживать. Лето прожили, осень наступила, за ней и зима уж у порога стоит. Надо стало дрова готовить. Кот и пошел дрова рубить, а петушку говорит: «Ты сиди, домашничай». Петушок сел на седала* и сидит. А лиса в то время кота увидела, пошла по его следу и дошла до избушки. Поглядела в окошко, видит: петушок на седалах сидит. Она и давай петь:

Ку-ко-ре-ку, петушок, золотой гребешок,
Выгляни в окошко, дам тебе горошка.

Петушок слетел с седалицев и глядит, кто там ему ладит горошка дать. Отворил окошко, а лиса его – цап-царап! – и утащила. А петух ну реветь-кричать:

Коты, коты, коты,
Серые коты!
Несет меня лиса
За темные леса,
За реки глубоки,
За горы высоки!

Котик учуял, прибежал и отнял петушка. На другой день котик встал и говорит: «Сегодня не выглядывай за окошко: я подальше уйду». Только кот ушел, лиса это живо углядела, к избушке прибежала и заглянула в окошко. Видит: петух опять на седальцах сидит. Лиса и запела:

Ку-ко-ре-ку, петушок, золотой гребешок.
Выгляни в окошко, дам тебе горошка.

Петушок думает: «Меня сегодня не обмануть, я не выгляну». А лиса опять за свое:

Ку-ко-ре-ку, петушок, золотой гребешок,
Масляна головушка, шелкова бородушка.
Выгляни в окошко, дам тебе горошка.

Петух думает: «Кто это там меня так расхваливает?» – и выглянул. Лиса его опять сгребла и потащила. Петух опять ревет, зовет котика на помощь. Котик и на этот раз выручил петушка. «Говорил тебе, сиди, не выглядывай, а ты опять выглянул. Смотри, я сегодня далеко уйду, тебя не услышу», – говорит кот петуху на третий день. Только кот ушел, лиса тут как тут и опять поет свою песенку. Петух теперь ученый стал, не подходит к оконцу, не открывает его. Тогда лиса запела:

Ку-ко-ре-ку, петушок, золотой гребешок,
Маслена головушка, шелкова бородушка.
Выгляни в окошко, дам тебе горошка.
Ехали бояре, зерно рассыпали.

Петух любопытствовал опять, открыл окно, лиса его схватила и потащила к себе. Петух опять ревет:

Коты, коты, коты,
Серые коты,

Несет меня лиса
За темные леса,
За реки глубоки,
За горы высоки,
За болота зыбучи,
За пески сыпучи.

Ревел, ревел петух, да котик так его и не учуял. А лиса притащила петуха домой, давай баню топить да пельмени стряпать. Кот вернулся домой – петуха нет. Сделал гусельцы и пошел петуха искать.

Идет и побренькивает:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки,
И то дома ли Лисафья-кума,
И то дома ли Ивановна.
У ней было три дочери:
Перва дочь – Чучелка,
Вторая дочь – Палачелка,
Третья дочь – Подай челнок.
Четвертый сын – Малышок.

Подходит кот к лисьему дому, а у лисы уж банька топится да пельмени варятся. Кот зашел в баньку и давай там играть:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки,
И то дома ли Лисафья-кума,
И то дома ли Ивановна.

Лиса услышала это и говорит своей дочери: «Поди-ко, Чучелка, посмотри, кто это у нас в баньке так хорошо играет?» Чучелка пришла в баньку да и заслушалась, не идет домой. Лиса послала вторую дочь – Палачелку. И Палачелка заслушалась, не идет домой. Третью дочь послала, и та осталась, не идет домой. Так же и сын ушел, и все сидят, слушают. Потом и сама лиса пришла и послушать села. А кот все наигрывает: «Трень, брень, струночки...»

Потом говорит: «Отлучиться мне надо, сейчас приду». Забежал к лисе в избушку, все пельмени съел, петуха схватил и убежал. Вернулась лиса в дом, глядит – ни петуха, ни пельменей.

**Седало, седальца – длинная жердь, как правило, от стены к стене в хлеву или курятнике, на которую ночью рассаживаются спать куры.*

20. Лиса и заяц

Лиса да зайчик задумали избушки строить. Зайчик построил избушку дубяную, а лисичка – ледяную. Пришла весна, у лисички избушка растаяла, а у зайчика нет. Лето лиса пробегала, а как осень-то подошла, она и запросилась:

– Зайчик, пусти меня к себе переночевать.

– Я тебе что говорил: надо было ставить избушку из дерева, а не из льда.

– Хоть на порожек пусти.

– Ладно, заходи.

Переночевала лиса, день гуляла, а вечером опять пришла.

– Зайчик, пусти меня ночевать.

– Нет, не пушу.

– Хоть на голбчик* пусти.

– Ладно, ночуй.

Переночевала лиса и ушла. Ходила, ходила, а уже осень, холодно. Снова просится:

– Зайчик, пусти меня переночевать.

– Нет, уходи в свою избушку.

– Да нет у меня избушки, она растаяла.

– Ну ладно, залезай на печь.

Сидели, сидели, поели. Тут лиса говорит:

– Давай сало топить. Под одного тарелку положим и под другого. Кто больше сала натопит, того и избушка будет.

Лежат на печке, а там жарко, печь топится. У зайчика

много сала натопилось, а у лисы нет. А лиса хитрая: пока зайчик спал, она его тарелку себе переставила. Наутро зайчику говорит:

– Вот у меня сколько сала натопилось, а у тебя ничего нет. Избушка, значит, моя.

А зайчик:

– Нет, моя.

Спорили, спорили, да лиса все же зайца выгнала. Идет он по лесу, плачет. Навстречу ему петух.

– Чего ревешь?

– Лиса меня выгнала.

– Ладно, сейчас пойдем да ее выгоним.

Пришел петух и сел на грядку. А зайчик все ревет. Идет кот.

– Чего плачешь, зайчик?

– Лиса меня из избушки выгнала.

– Ладно, пособию** тебе.

А заяц все ревет. Идет мимо баран.

– Чего плачешь, зайчик?

– Лиса меня выгнала из избушки.

– Ладно, пособию твоему горю.

Собрались все, стали думать, как лису выгнать.

– Ты, баран, вставай у дверей, ты, петух, иди на грядку, а ты, кот, здесь сиди и кричи что есть мочи, – всех распределил зайчик.

Вот петух на грядке сидит и поет:

– Вырву репку в лоб да в лоб.

Кот мяукает, кричит страшным голосом. Страшат ее. Лиса сидела, сидела на печи, боязно ей стало. К дверям подошла, а баран ее буд да буд, буд да буд. Лиса испугалась и в лес убежала. А звери остались в этой избушке жить-поживать да добра наживать.

*Голбчик – здесь: вход в подполье в виде небольшого деревянного помоста и широкая полка над ним, располагавшиеся у боковой стены печи рядом со входом в избу; и помост и полка часто использовались как лежанка для сна.

**Пособить, подсобить – помочь.

21. Петух, гусь, баран и бык

Жили старик и старуха. У них всего скота только и было, что петух, гусь, бык да баран.

Однажды старик и говорит: «Старуха, давай быка заколем». Старуха на это согласилась. Бык подслушал этот разговор и говорит барану: «Баран, убежим в лес» – «Нет, – отвечает баран, – не побегу. Тебя одного заколют, а меня на племя оставят». Бык и убежал один.

Вот старик опять говорит: «Бык убежал. Давай, старуха, барана заколем». Услыхал это баран, испугался и стал звать гуся убежать в лес, но тот не согласился. Баран убежал к быку один. Наконец очередь дошла до гуся и петуха, и они улетели в лес.

Собрались все они в густом лесу. Бык и говорит им: «Давайте избу строить: придет зима-то, без избы холодно будет жить». Баран говорит: «Я избу строить не буду, мне ее не нужно: я заберусь в чащу*, там и прозимую». Гусь говорит: «А я забегу в кусты, одно крыло подстелю под себя, другим прикроюсь, и мне тепло будет. Не буду я избу строить». Петух сказал: «А мне совсем не нужно избы: я влечу на елку, забьюсь в густые сучья и прозимую». Нечего делать, пришлось быку одному избу строить. Натаскал он бревен, готовил все, что нужно, и давай делать избу. В скором времени у него поспел уже теплый дом. Он и стал в нем жить.

Настала зима. Холодно стало барану, пришел он к быку и говорит: «Пусти меня в избу. Если же непустишь, все двери и окна разобью, холодно будет тебе жить». Как тут быть, пришлось пустить барана. Живут. Холодно стало гусю, прилетел он к избе и говорит: «Пустите меня в избу жить. Если непустите, то весь мох из пазов выщипаю и жить вам в избе холодно будет». Подумали, подумали бык и баран и пустили к себе в избу жить гуся. Немного погодя и петух замерз, прилетает и говорит: «Пустите меня в избу жить, а непустите, я осержусь и всю землю с потолка срю, холодно вам тогда будет». Пустили и его.

Живут все вместе, поживают. Идут однажды мимо

избушки двенадцать волков. Один из них и говорит другим: «Вы подождите меня здесь, а я схожу узнаю, кто тут живет». Волк и зашел в избу. Как увидел его бык, разбежался да рогами и прижал к стене. Тут баран подоспел и ну волка рогами бить. Гусь прилетел, начал его щипать. А петух взлетел на брус и давай во все горло кричать: «Ку-ка-ре-ку!» Чуть живого они из избы волка выпустили, да не столько он побоев натерпелся, сколько страху. Прибегает к волкам. Они его спрашивают, кто в избе живет. А волк и ответить ничего не может, только торопит их убежать подальше. А когда от страха оправился, начал рассказывать: «Зашел я в избу, не успел и оглядеться, как набросился на меня мужик с вилами да ими и припер меня к стене. А за ним прибежал булочник да кренделями-то давай меня стукать, а они такие твердые, должно быть, давно напечены. А следом прибежал кузнец и начал меня клещами щипать. Но это еще ничего, а вот на брусу сидел какой-то генерал со шпорами, да такой сердитый, все кричал, чтобы тащили ножи да меня ему подали. Вот тут-то я и наимелся страху, да хорошо, что не подали ему меня, а то и не знаю, что бы со мной было».

С тех пор никто не беспокоил быка, барана, гуся и петуха, и жили они долго и счастливо. Волки же не только близко не подходили к их избе, но даже и по той тропе, на которой избушка стояла, ходить боялись.

* Чаша – здесь: куча сухих сучьев в лесу.

22. Медведь – липовая нога

Жили-были старик со старухой, ничего у них не было, лишь лошадка да дровенки.

Поехал старик осенью по дрова. Едет мимо валежины, а под валежиной медведь сидел. Стал старик с валежины сучки рубить и отрубил лапу медведю. Медведь заревел от боли и убежал. Ходил, ходил без ноги, а потом вместо лапы дере-

вяшку приделал. А старик дров нарубил и домой вернулся. Бросил старухе лапу.

– На осниими да суп свари, а со шкуры шерсть опряди.

А сам пошел рубить дрова на улице. Слышит, медведь идет и поет:

Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая.

По селам спят, по деревням спят.

Одна бабушка не спит, на моей коже сидит,

Мое мясо ковыряет, мою шерстку прядет.

А старуха уж печь истопила и поставила суп варить. Старик прибежал, кричит:

– Старуха, медведь идет. Что будем делать?

А старуха быстро сообразила:

– Ты, старик, под шесток* замезай, а я залезу в печь под чугунок**. Хоть жарко, да стерплю.

Медведь зашел в избу. Ходил, ходил – никого не видно, а пахнет вкусно супом. Полез в печь. Тут старуха как толкнет чугунок ногой. Суп пролился на медведя, он заорал, да по старику, старик заорал. Медведь испугался и убежал в лес. Зализал свои раны. Неделя, вторая прошла, старик снова поехал в лес дрова рубить. Слышит, медведь идет, опять поет:

Скрипи, скрипи, нога, скрипи, липовая.

По деревням спят, по селам спят.

Одна бабушка не спит, из ноги суп варит,

На моей коже сидит, мою шерстку прядет.

Старик домой вернулся.

– Старуха, медведь опять придет. Что делать будем?

Старуха опять сообразила:

– Давай привяжем кадушку к матице***, залезем и будем в ней сидеть. Больше некуда деваться.

Привязали быстро, да плохо, залезли туда оба и сидят. Медведь ходил, ходил – нигде старика и старухи нет. Увидел кадушку, и ну ее лапами болтать. А старик закашлял, и так разболтались они в этой кадушке, что та оборвалась и медведю на башку свалилась.

Медведь хоть и жив остался, но больше к старику и старухе не приходил.

**Шесток – место перед устьем (отверстием) русской печи.*

*** Чугунка, чугунок – объемный сосуд для варки пищи в русской печи.*

**** Матица, матница – поперечная балка, которая проходит посередине верхней части сруба и поддерживает бревна или доски потолка.*

23. Мужик, медведь и лиса

Жили-были старик со старухой. Жили они плохо, даже хлеба у них и то не хватало. Старик и говорит: «Старуха, давай на покос посеем репу». Взял семечек и поехал. Ладно, сеет, приходит медведь.

– Здорово, дедушка!

– Здорово, Михайло Иванович!

– Что, дедушка, делаешь?

– Репу сею.

– Ну, сей, а я буду стеречь, доглядывать.

Приехал старик домой и рассказал все старухе. Уродилась репа хороша: большая-пребольшая. Поехали старик со старухой репу рвать. Приехали. Тут и Михайло Иванович приходит, спрашивает:

– Что, дедушка, хороша ли репа?

– Хороша, хороша, – говорит дед.

– Только делить ее будем так: мой верх, а твой низ.

Старик думает: «Хорошо, мякина его, а репа моя».

Медведь мякину в берлогу таскает, а старик со старухой репу рвут. Полные мешки набрали и уехали домой. Зимой поехал старик за дровами на покос. Старуха и говорит:

– Свези Михайло Ивановичу печеночку*.

Старик медведя в лесу встретил и говорит:

– Вот старуха тебе гостинцу послала.

Съел медведь печеночку. Понравилось ему.

– А у меня, – говорит, – все изгнило.

Старик на другой год приехал пшеницу сеять. Приходит опять медведь и говорит:

– Сей, сей, старик, пшеницу. А я охранять буду. Только теперь мой низ, а твой верх.

Пшеница выросла хорошая. Жнут старик со старухой да на телегу кладут. А медведь корни да жнину в берлогу таскает.

Опять старик поехал зимой в лес за дровами. А старуха послала медведю пшеничничек**. Съел медведь хлеб, понравилось ему, он и говорит:

– Я тебя, старик, съем: два года ты меня обманывал.

Испугался старик, сидит в саних, пригорюнился. Бежит лиса.

– Что, дедушка, пригорюнился?

– Лисанька, меня хочет медведь съесть.

– Не горюй, уедем. Клади дрова, а я побегу по полю и буду кричать.

Бежит и кричит:

– У-у, а-а, имайте***, у-у, а-а, имайте!

Медведь говорит:

– Не знаешь, дедушка, кто это?

– Это, – говорит дед, – охотники. Кругом все окружают.

– Не знаешь, что им надо?

– Они лисиц да медведей ловят.

– Куда бы мне деваться?

– А ты ложись на сани.

Лег медведь, поехали они. Бежит лиса и спрашивает:

– Что, дедушка, везешь?

– Колоду!

– Кабы колода была, тогда бы привязана была.

Ну, дед и привязал медведя. Едут они дальше. Лиса опять бежит и спрашивает:

– Что это ты, дед, везешь?

– Колоду, лисанька.

– Кабы колода была, дак топор бы воткнут был.

А медведь и шепчет старику:

– Ты воткни тихонько топорик-от.

Старик хлоп его по голове да и зарубил. Бежит лиса и спрашивает:

– Ну, как?

– Вот, – говорит дед, – засек я его.

- А что, дедушка, ты мне привезешь за мою помощь?
- Не знаю, что тебе, лисанька, надо?
- Привези мне два мешка кур.

Приехал старик домой, старухе все рассказал: мне, мол, лиса помогла и за это просила два мешка кур.

- Погоди, я ее угощу, – говорит старуха.

Пошла по деревне. Насобирала два мешка собак. Поехал старик, а лиса ждет на дороге и спрашивает:

- Что, дедушка, — привез?

- Привез!

– Как же я их есть-то буду? А вот что. Ты их по одной выпускай, а я их буду ловить да давить.

Старик оба мешка враз и развязал. Собаки выскочили, схватили лису и заглодали.

* Печеночка – здесь: печеная репа.

** Пшеничничек – каравай хлеба, выпеченный из пшеничной муки.

*** Иметь – ловить.

24. Волк и лиса

Жили-были старик да старуха. Как-то старик поехал рыбу ловить. Наловил воз рыбы, едет домой. Лиса услышала рыбный дух, обогнала старика, упала и притворилась мертвой. Старик видит: лиска мертвая лежит, – он и взял ее себе на воз. Едет, радуется, что везет старухе и рыбы воз, и лисий хвост на воротник. Едет, не оборачивается. А лиса в то время у него выбросила всю рыбу, а сама убежала. Старик приехал домой и хвастается старухе, что и рыбу привез, и воротник. Старуха обрадовалась, выскочила на улицу, глядя на воз, а там ни рыбы, ни лисы. Старуха и давай старика ругать. Старик посокрушался, да делать нечего. Так и остались ни с чем.

А лиса тем временем собрала всю рыбу в кучу и сидит ест. Идет мимо волк.

- Давай, кумушка, поделим рыбку, – говорит волк.

- Нет, кум, сам иди лови.
- Ну, хоть одну рыбку дай мне.
- Нет, не дам, иди сам лови.
- Ну, хоть полрыбки, ну, хоть хвостик.

А лиса все свое. И пошел волк сам рыбу ловить. Опустил хвост в прорубь и приговаривает: «Ловись, рыбка, крупная и мелкая». И до того досидел, что и хвост приморозил. А утром бабы по воду пришли, увидели волка, испугались, закричали. Мужики в деревне услышали крики, прибежали с вилами, лопатами, граблями и излупили волка до полусмерти. Идет по дороге избитый волк, а лиса ему опять навстречу попадает. Где-то в избу забралась, изваяла голову в муке да в тесте. Идет и охает: «Ох, куманек, меня тоже избили. Все мозги вылили». А волк ей: «Ну, садись на меня, кума, я доведу тебя уж». Лиса сидит на волке, ухмыляется и поет про себя: «Бит не битого везет, бит не битого везет». Волк это услышал да и спрашивает: «Ты че это, кума, поешь? Как будто «бит не битого везет»?» – «Да че ты, кум, «бит битого везет» я пою», – лиса ему на это отвечает.

Вот приехали они домой. Первую ночь ночевали. Утром волк ушел на охоту. Лиса тут у него похозяйничала, нашла на вышке корчагу с маслом и поела немного. Ночью лежат волк да лиса на печи. Лиса и давай хвостом постукивать. «Кума, кто там стучит?» – спрашивает волк. «Кум-куманек, меня бабиться* зовут», – отвечает та. «Ну, иди, ино», – говорит волк. Лиса сбегала на вышку, поела из корчаги масло, пришла домой. Волк ее и спрашивает: «Как новорожденного назвали?» А лиса ему: «Початышком, куманек».

На вторую ночь лиса опять сбегала, поела немного. Волк опять ее о ребенке спрашивает, а лиса отвечает: «Середышек нынче, Середышек». На третью ночь доела из корчаги** все и говорит волку: «Заскребышком, куманек, ребенка назвали». На четвертый день волк задумал оладьи испечь. Пошел на вышку по масло, а масла-то и нет. Напустился на лису: «Ты, кума, масло съела!» – «Нет, кум, не едала, ты сам, наверное, съел да забыл». – «Я не помню», – говорит волк. Вот и стали испытывать друг друга. Затопи-

ли печку, легли и латки*** себе под хвосты подставили: кто масло съел, у того в латку и натечет. Лежали, лежали, волка пригрело, он и уснул. А лиса, хитрая, не уснула. Масло у нее набежало из-под хвоста, а она возьми свою латку да и подставь волку под хвост, а его простую латку себе под хвост подставила. Потом волка разбудила и говорит: «Кум, у тебя ведь масло-то набежало, ты и съел его». А волк ей на это: «Ну, видно, я и съел да забыл и на тебя напрасно попер». Кругом лиса волка обманула.

* Бабиться – принимать роды.

** Корчага – большая глиняная посуда для варки пищи.

*** Латка – широкая глиняная миска.

25. Коза-дереза

Жили-были старик со старухой. На корову у них денег не было, и решили они купить козу. Поехал старик на базар и купил козу за три гроша. Привез козу домой. Ну, чтоб коза давала молоко, надо ее хорошо кормить, и внучку послали на другой день ее пасти. Пасла, пасла внучка эту козу и под вечер погнала ее домой.

А старик сидит около дома на камешке, ждет их и спрашивает козоньку:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

– Нет, старик, не пила и не ела. Через мостик бежала, капельку водички схватила. По полю ходила, листочки ловила.

Рассердился старик на внучку:

– Ах, ты такая-сякая. Зачем ты козу плохо пасла?

Не накормил внучку даже ужином и закрыл в голбец*.

На второй день пошла пасти козу бабка. Она козу поила, кормила, а под вечер погнала ее домой. А дед опять сидит около дома на камешке и спрашивает козоньку:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

– Нет, не пила и не ела. Меня бабка все гоняла с одного поля на другое, я и поесть не успела.

Рассердился дед на бабку и ее тоже закрыл в голбец.

Некому козу пасти – погнал сам. Ну, уж он и старался ее накормить, напоить, несколько раз на речку сводил, чтобы она напилась, наелась. Вечером погнал ее домой, а сам вокруг дома оббежал, сел на камешек и спрашивает:

– Пила ли ты, козонька, ела ли ты, козонька?

– Нет, не пила и не ела.

– Ах ты, обманщица такая!

Рассердился дед на козу, взял веревку, привязал ее за рога к огороду, а сам пошел домой, выпустил из голбца бабку и внучку, наполнил их, накормил, прощения попросил. И решил дед козу зарезать за ее вранье. Стал ее драть, полбока ободрал, да ножик-то, видно, тупой был, он и пошел в дом его наточить. А в это время коза веревку оторвала и убежала в лес. Бежала, бежала и набежала на зайчикову избушку, залезла в нее и забились на печь подальше. А зайца в ту пору дома не было. Вот вернулся заяц, видит: дверь открыта, кто-то есть. Спрашивает:

– Кто в мою избушку забился?

А коза с печи:

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету.

Испугался заяц. Сел под окно и плачет. Идет лиса:

– Что ты, заяц, плачешь?

– Да кто-то в мою избушку залез.

– Дак пойдем выгоним.

– Дак я гнал – не мог выгнать.

– Дак я помогу.

Идут. Лиса спрашивает:

– Кто в зайчикову избушку забился?

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету.

Испугалась лиса, убежала. А заяц снова сидит под окном, плачет. Идет волк.

– Что это тут ты распричитался?

– Да кто-то в мою избушку забился.

– Дак выгони.

– Дак я гнал – не мог выгнать. Лиса гнала, гнала и то не выгнала.

– Дак я выгоню.

Пошел.

– Кто в зайчикову избушку залез?

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету.

Испугался волк, убежал. Сидит заяц, плачет. Идет медведь, спрашивает:

– Что ты тут сидишь, слезы льешь?

– Да кто-то в мою избушку забился.

– Дак выгони.

– Дак я гнал – не мог выгнать. Лиса гнала – не выгнала, волк гнал и то не выгнал.

– Ну, я выгоню.

Пошел медведь, спрашивает:

– Кто в в зайчикову избушку залез?

– Я коза-дереза, полбока луплено, за три гроша куплена, рожками забоду, ножками затопчу, хвостиком замету.

Испугался медведь, убежал. Сидит заяц. Час сидит, два сидит, в избушку попасть не может. Идет петух, спрашивает:

– Что это ты тут, заяц, реवेशь?

– Да кто-то в мою избушку залез.

– Дак выгони.

– Дак я гнал – не мог выгнать. Лиса гнала – не выгнала, волк выгнать не мог, даже медведь испугался, не мог выгнать.

– Дак я выгоню.

Пошел петух. Идет и кричит:

– Я иду, иду, шпоры на ногах, коса на плечах, хочу козу посечи, слезай, коза, с печи.

Коза говорит:

– Одеваюсь я.

Петух опять:

– Я иду, иду, шпоры на ногах, коса на плечах, хочу козу посечи, слезай, коза, с печи.

– Обуваюсь я, открывай шире двери.

Открыл петух двери – коза как выскочит. Обрадовался заяц и стал в своей избушке жить-поживать и добра наживать. А коза так и осталась по лесу бегать.

* Голбец – подполье, находящееся в избе.

26. Старуха с лаптем

В разные времена по-разному люди жили. В основном народ все был работающий: сеяли, пахали. Но была одна женщина, не любила она работать, не было у нее ни кола ни двора, ходила она и побиралась. Бывало, в своей деревне ей надоест – она в другую деревню идет. Вот раз так шла, шла и по пути нашла ошметок*. Взяла, подобрала его, завернула в тряпочку и дальше пошла. Дошла до деревни и попросилась к одним людям переночевать. Ее пустили, накормили, напоили, спать стали укладывать. Она и говорит:

- А куда мне ошметочек-то свой положить?
- Да положи вон под лавку.
- Да нет, что вы, у меня дома он все с курочками спит.
- Ну, снеси его в курятник.

Она пошла в курятник, а ошметок взяла да и кинула в снег подальше. А утром встала, поела, попила, уж хотела в поход идти и спрашивает:

- А где моя курочка?
- Какая курочка?
- У меня курочка была, я ее в курятник снесла.
- Да нет, ведь у тебя был ошметочек.
- Да нет, курочка.

Ну, спорить они не стали и отдали ей курочку. Взяла она эту курочку и пошла. К вечеру опять до следующей деревни дошла. Попросилась ночевать. Ее пустили, напоили, накормили, а как стали спать укладывать, она и говорит:

- А куда мне мою курочку посадить?
- Да снеси к нашим курицам; может, они не заклюют.
- Нет, она у меня дома только с овечками спит.
- С овечками дак с овечками, иди в конюшню.

Пошла старуха, но курочку к овечкам не отпустила, а забросила в чужой двор. А утром встала, поела, попила, в поход собралась и говорит:

- А где-то у меня барашек был?
- Да ты что, какой у тебя барашек, у тебя же курочка была.

- Да нет, барашек.
- Да нет, курочка.
- Да нет, барашек.

Спорили, спорили. Надоело хозяевам спорить – отдали они старухе барашка. Привязала она его на веревочку и пошла. Идет, идет, где-то полежит, где-то постоит, где-то поспит. Опять до следующей деревни дошла. Попросилась ночевать. Опять ее хозяева принимают, кормят, поят и спать укладывают. Она и говорит:

- Куда же мне барашка девать?
- Да отпусти к нашим овцам.
- Да нет, он у меня все больше с коровками спит.
- Ну,пусти его к коровам, если он коров не боится.

Пошла старуха барашка к коровам пускать, а сама выгнала его на улицу, он и убежал куда-то. А утром встала, напилась, наелась и спрашивает:

- Где-то у меня бычок был?
- Да какой бычок, у тебя же был баран.
- Нет, бычок.

Спорили, спорили, никак ей бычка не отдают, а барана найти не могут. Все ж таки выпорила старуха. Дали ей бычка. Вот пошла она с этим бычком, зашла в какой-то двор, нашла сани, хомут, запрягла этого бычка как лошадь и поехала. Едет, едет, и попадает ей навстречу заяц.

- Эй ты, тетка, куда поехала?
- Куда глаза глядят.
- Возьми меня с собой.
- Ну, садись.

Сел к ней заяц, едут дальше. Попадает им навстречу волк.

- Заяц, ты куда поехал?
- Да меня тетка повезла куда-то.
- А ты куда, тетка, едешь?
- Да куда глаза глядят.
- Возьмите меня с собой!
- Ну, садись.

И волк сел, поехали дальше. Едут, смотрят: косолапит медведь по дороге.

- Эй вы, куда поехали?
- Да куда глаза глядят.
- Возьмите меня с собой.
- Садись!

Сели, поехали. А старуха песню поет:

Тпрутьки, тпручек,
По дорожке течет.
Санки не наши,
Хомут не свой,
Понужай, не стой.

Ехали, ехали, оглобля у них изломалась. Остановились. Без оглобли ехать нельзя. Посылает старуха зайца:

- Иди, заяц, в лес, принеси нам оглоблю.

Заяц принес маленькую лутошечку**, она заругалась:

- Из такой лутошки оглоблю не сделать.

Послали волка. Волк сходил, принес косматую-косматую елку, длинную и тонкую. Примеряли, примеряли – никак нельзя из нее оглоблю сделать. Медведь говорит:

- Я схожу, уж принесу так принесу.

Пошел в лес, сломал толстое-толстое дерево, приволок. Старуха говорит:

- Что ты, что ты, куда такое дерево, не годится вовсе.

Видно, придется самой идти.

Оставила зверей и пошла сама в лес за оглоблей. Пока ходила, звери есть захотели и решили этого быка съесть. Содрали с него шкуру, мясо съели, а внутрь соломы натолкали и снова запрягли, а сами кто куда разбежались. Вернулась старуха с оглоблей, смотрит: зверей нет. Приделала оглоблю, села и опять запела:

Тпрутьки, тпручек,
По дорожке течет.
Санки не наши,
Хомут не свой,
Понужай, не стой.

Как понужнула, бычок-то и упал. Она соскочила, посмотрела, а там бычка-то нет, одна солома. Вот так и наказал ленивицу Бог. Бросила старуха сани и пошла

дальше. Как уж она стала там дальше жить, мы не знаем.
На том и сказке конец.

* Ошеметок – старый изношенный лапоть.

** Лутошка, лутошечка – нетолстый ствол молодого дерева, иногда без коры.

27. Жадный волк

На краю деревни в маленькой избушке жили старик со старушкой, парень в сапожках и девка в сережках. Было у них семеро овец, восьмой жеребец. Жили не тужили. Зимним вечером пришел к ним волк под окно, завыл с приговорами:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них семеро овец,
Восьмой жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Услышали в доме волка, испугались. Как им без лошади жить? Как полевые работы делать? Как на базар и в гости ездить? И решили отдать волку овцу.

Через день волк снова пришел ночью под окно и снова завыл с приговорами:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них шестеро овец,
Седьмой жеребец.
Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Все испугались и опять отдали овцу.

А на другую ночь опять волк под окном завыл, запричитал:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них пятеро овец,
Шестой жеребец.

Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Ему отдали уже третью овцу. Через ночь снова волк под окном, громче прежнего воет да причитает:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них четверо овец,
Пятый жеребец.

Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Старик отдал и четвертую овцу. Две ночи прошло, опять волк под окно пришел и снова воет, причитает:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них трое овец,
Четвертый жеребец.

Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Старик не идет, не отдает. Волк пуше прежнего воет, отдал старик и пятую овцу. Три ночи не приходил волк, потом снова под окном завыл, запричитал:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них двое овец,
Третий жеребец.

Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Старик не идет, не отдает. Тогда волк в окно постучал. Испугался старик, отдал и шестую овцу. Неделью не приходил волк. Проголодался, снова пришел ночью под окно за последней седьмой овцой. Снова завыл с громкими причитаньями:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них одна овца,
Второй жеребец.

Отдай, старик, овцу, а то жеребца съем!

Старик не выходит, овцу не выводит. Волк вой повторил да даже в дверь постучал. Отдал старик со страху овцу, надеясь, что больше волк приходить не будет: нет больше овец. А жадный волк снова под окном и पुше прежнего воем да причитает:

В деревянной избушке
Живет старик со старушкой,
Парень в сапожках,
Девка в сережках.
У них есть жеребец.

Отдай, старик, жеребца, а то внучат твоих съем!

Тут и вовсе все испугались. Пусть уж жадный волк жеребца возьмет, только ребят не трогает. Пошел старик и отвязал жеребца. А жеребец, как увидел волка, давай его задними ногами лягать. Волк старается жеребца за горло схватить, а жеребец все задом, задом к нему пятится да обеими ногами все по волку да по волку. И угодил копытом волку в голову. Тут и издох жадный волк. Старик ободрал волка, шкуру продал, деньги большие взял, а волчье мясо старуха скотине скормила. Парню большую веселую свадьбу справили и девку замуж выдали. А кур да овец опять у них стал полный двор, и жеребец жив-здоров, живут поживают да правнуков ожидают.

28. Медвежья яма

Против неба на земле в одной деревне жили три сестры, красавицы писанные. Раз пошла младшая сестра возле дома погулять. Вдруг видит: из их сада клубочек красный выскочил. За ним второй – зеленый, а потом еще множество клубков, да все разные, и все покатились по дороге к лесу. Девушка, увидев такое чудо, бросилась их догонять, чтобы взять себе и что-нибудь из них соткать. Но клубки катились быстро и не ловились. Девушка не отставала. Так добежала она до леса. Вдруг все клубки упали в большую яму, туда же и девушка заскочила. А в этой яме жил медведь. Посмотрел он сурово на девушку и стал ее спрашивать:

- Ты зачем ко мне пришла?
- Я за клубками бежала и нечаянно к тебе заскочила.
- Умеешь хлеб печь?
- Умею.
- Умеешь суп варить?
- Умею.
- Умеешь холсты ткать?
- Умею.
- А замуж за меня пойдешь?
- Нет, не пойду.
- А не пойдешь, так я тебя съем.
- Нет, нет, пойду, только не ешь.

Так и стала девушка медвежьей женой. Через неделю в эту яму так же и средняя сестра попала. В это время медведя дома не было: он как раз пошел мед искать. Рассказала Мишина жена о том, что с ней приключилось. Тут послышались медвежьи шаги, и среднюю сестру посадила она в курятник. Медведь в дом зашел и говорит:

- Меду найти не мог, завтра пойду еще поищу.

На другой день медведь снова за медом ушел, а в яму и старшая сестра попала. Мишина жена и ее вместе со средней сестрой в курятник спрятала. Приходит медведь домой.

– Я сегодня нашел было меду в ульях, да никак достать не мог: одолели пчелы и всего изжалили.

– Плохо, плохо, – говорит жена, – надо было пчелам убить тебя, проклятого.

Медведь ее слов не расслышал, а она просит:

– Не ходи завтра за медом, а пойди лучше к теще в гости. Пойдешь?

– Пойду, – отвечает медведь.

– Да чтобы гостинцев унести, ты ночью сплети кузов, да побольше.

– Ладно, – согласился медведь и пошел с лыком на погреб кузов плести.

Рано утром Мишина жена отстряпалась и кричит его с кузовом. Медведь кузов поставил и говорит:

– Клади гостинцев побольше.

А жена его посадила в кузов среднюю сестру, положила на нее большой рыбный пирог и научила, что говорить надо, если медведь захочет в кузов заглянуть да пирога поесть. А сама медведю говорит:

– Я встану на погреб и на тебя смотреть буду, чтобы ты пирогов не ел.

Вот отправился медведь к теще в гости. Только хотел в кузов заглянуть да пирога отломить, средняя сестра ему из кузова говорит:

– Иди, иди, я тебя вижу.

Так он до самой деревни и дошел. Собаки деревенские, почуя медведя, сбежались и начали его рвать. Едва дошел он до дома тещи, бросил кузов в сени – и дай Бог ноги. А собаки следом бегут, за пятки рвут.

Пришел домой медведь весь в крови и в ранах.

– Ну, хорошо угостила тебя теща? – спрашивает его жена.

– Хорошо! Не видишь, что ли, даже пяты целовала, – и показывает пяты, собаками изорванные.

Сколько-то времени прошло, жена его снова в деревню отправляет:

– Сходи к теще, отнеси гостинцев!

Снова кузов собрала да и старшую сестру тем же поряд-

ком отправила. А сама вместо себя на погреб тяжелую березовую ступу поставила, в свою одежду обрядила и спряталась. Пришел медведь из гостей во второй раз, злой, собаками разодранный. Видит: жена на погреб стоит. Бросился он на нее, стал кричать, а ступа молчит, ничего не отвечает. Рассердился медведь, дернул ступу за подол, ступа повалилась медведю на голову, тут он и скончался. Так и младшая сестра освободилась и домой вернулась.

29. Про котишку и парнишку

Жили-были старик со старухой, были у них парнишка да котишка. А раньше помногу хлебушка пекли. Бабушка напекла хлебушка да легла отдыхать, а котишка да парнишка в подполье стали хлебушек носить, чтобы меньше сох. Носили, носили и один обронили по дороге. Перед обедом бабушка полезла в подполье да подкатилась на оброненном хлебе. Стала она парнишку лупить, а тот: «Не я, не я, не я». Стала она кота лупить, и кот туда же: «Не я, не я». Не могла виноватого найти. Парнишка-то не осердился, а кот осерчал и ушел в лес. Парнишке жалко кота, плачет он по нему, горюет. Старик говорит:

– Ладно, я пойду кота искать. Пеки, старуха, блины да оладьи!

Старуха напекла блинов. Дедушка в лес пришел, видит: кот на елке сидит. Старик за елку сложил все, а сам спрятался. Сидел, сидел и уснул. А кот в это время слез, блинов наелся и опять на елку залез. Прокараулил его старик, вернулся домой ни с чем.

– Ну что, старик, нашел кота?

– Да я его прокараулил, он наелся и ушел. Манил, манил его – он не откликнулся.

Неделя прошла. Старуха говорит:

– Я сейчас сама пойду кота искать.

Напекла блинов, пирогов, в корзинку молока положила, пошла в лес, куда ей старик указал. Все составила под елку и караулит. А кот будто дремлет, а сам все глядит одним глазом. Сидел, сидел и спустился, а старуха его схватила и, цап-царап, в корзинку посадила. Старик не мог укараулить, а старуха укараулила. Принесла кота домой, стал парнишка с ним играть, и все у них стало хорошо да ладно.

30. Про курочку Рябу

Жили-были дед да баба, была у них курочка Ряба. Снесла курочка Ряба яичко сине-зелено, красно-багрено, положили они его на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воеет. И услышали двери:

– Что это вы, старик да старуха, плачете?

– Да как же не плакать. Да у старика да у старушки да была курочка Ряба, да она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, положили яичко на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и раскололось. Я плачу, старуха воеет.

И двери заскрипали. Услышали ворота:

– Вы что, двери, скрипаете?

– Да как же нам не скрипать, такое горе. Да у старика да у старушки да была курочка Ряба, да она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, положили это яичко на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и раскололось. Старик плачет, старуха воеет, двери скрипают.

Ворота услышали и захлопали. Стоит береза, под окном была. Услышала, что ворота хлопают:

– Вы что, ворота, хлопаете, не перестаете?

– Да как же нам не хлопать, такое горе. Да у старика да у старушки да была курочка Ряба, да она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, они положили яичко на пол-

ку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха-то воет, двери скрипают, мы, ворота, захлопали.

Услышала береза и листья опустила. Прилетела на березу ворона.

– Что это ты, береза, листья-то опустила, сучья все у тебя вниз?

– Да как же не опустить, ведь такое горе. Да у старика да у старушки да была курочка Ряба, да она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, положили это яичко на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери скрипают, ворота хлопают. Я, береза, листья опустила.

Ворона полетела и ногу себе изломала. Летела и села на бережок. Берег спрашивает:

– Что это ты, ворона, ногу-то ушибла?

– Да как же не ушибить-то, ведь такое горе. Да у старика да у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери скрипают, ворота хлопают, береза листья опустила. Я, ворона, ногу изломала.

Берега услышали, все кверху поднялись, осыпались. Речка спрашивает:

– Что ж вы, берега, стали такими крутыми?

– Да как же нам не быть крутыми, не осыпаться, когда такое горе. У старика, у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала. Мы, берега, крутыми стали, осыпались.

И речка взбунтовалась. Поплыла, потащила все. И пришла девочка на речку за водой.

– Что ты, речка, такая взбунтованная?

– Да ведь такое горе, вы не знаете. У старика да у

старушки была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, положили яичко на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега поднялись и осыпались, а я взбунтовалась.

Девочка слышала такое горе и ведра-то по воде упустила, уплыли эти ведра. Идет она домой без ведер. И попадает ей навстречу священник, поп.

– Что, – говорит, – ты, девочка, плачешь?

– Да как же мне не плакать, ведь вот такое горе. У старика да у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, а я ведра упустила.

Поп побежал, у него порвался гойтанчик* и потерялся крест. Прибежал поп домой без креста. Его попадья спрашивает:

– Что ж ты, батюшка, без креста? Где у тебя крест-то?

– Ой, разве дело до креста, тут такое горе, что у старика да у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка ведра упустила. А я вот шел, с горя-то и крест потерял.

Ну, попадья тоже расстроилась и забыла свою квашню-то делать, она хлеб пекла. Квашня говорит:

– Что ты меня не трогаешь, хлеб не печешь?

– Разве я могу что-то делать, ведь такое горе, ведь у старика да у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на пол-

ку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка ведра упустила, батюшка крест потерял, а я не могу хлеб испечь.

Попадья пошла на улицу. Едут мужики, видят: попадья бежит и спрашивают:

– Куда ты так торопишься, бежишь?

– Да как же мне не бежать, ведь такое горе случилось. Бегу всем рассказать. Такое горе. У старика да у старушки да была курочка Ряба, она снесла яичко сине-зелено, красно-багрено, его положили на полку, на прямую соломку, мышка бежала, хвостиком задела, яйцо упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери-то скрипают, ворота-то хлопают, береза-то листья опустила, ворона ногу изломала, берега крутыми стали и осыпались, речка взбунтовалась, девочка ведра упустила, батюшка крест потерял, а я квашню оставила.

А мужики-то с сеном ехали. Узнали, что такое горе, и сено с лошадьми оставили на дороге и поехали по домам, своим женам все рассказать. Жены и спрашивают:

– Что это вы сено оставили на дороге?

– А как его не оставить, если такое горе? Говорят, у старика, у старушки была курочка Ряба. Она снесла яичко сине-зеленое, красно-багренное. Положили они его на полку, на прямую соломку. Мышка бежала, хвостиком махнула, яйцо-то упало и расколосось. Старик плачет, старуха воет, двери скрипают, ворота хлопают. Береза листья опустила. Ворона ногу изломала. Берега крутыми сделались, речка взволновалась. Девочка ведра упустила, батюшка крест потерял, попадья не сумела хлеб испечь. Прибежала вот нам сказала. Мы лошадей оставили.

Ну, женщины услышали про такое горе у старика, у старухи. Решили побежать к ним. Пришли. Собрались у них целой деревней. Старик плачет, старуха воет. Люди говорят:

– Не плачьте, не плачьте, вам курочка снесет еще

одно яичко, не только сине-зеленое, красно-багреное, но и золотое.

Услышали старик со старухой такую новость и решили больше не волноваться. И стали ждать, когда им курочка снесет еще яичко. Она им еще яичек снесла, только не таких ярких и не золотых, а просто белых, на том они и успокоились. На том и сказке конец.

** Гойтанчик – веревочка, на которой висит крест.*

31. Коза

Пошел козел по лычки,
Коза по орешки.
Пришел козел с лычками,
Нет козы с орешками.
Добра же ты, коза,
Пошлем на тя волка.
Волк нейдет козу драть,
Нет козы с орешками,
Молодою с рожками.
Добрый же ты, волк,
Пошлем на тебя люди.
Люди нейдут волка гнать,
Волк нейдет козу драть,
Нет козы с орешками,
Молодою с рожками.
Добры же вы, люди,
Пошлем на вас медведь.
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волка гнать,
Волк нейдет козу драть,
Нет козы с орешками,
Молодою с рожками.
Добрый же ты, медведь,

Пошлем на тя огонь.
Огонь нейдет медведь палить,
Медведь нейдет людей давить,
Люди нейдут волка гнать,
Волк нейдет козу драть,
Нет козы с орешками,
Молодою с рожками.
Добрый же ты, огонь,
Пошлем на тебя воду.
Вода пошла огонь лить,
Пошел огонь медведь палить,
Медведь пошел людей давить,
Люди пошли волка гнать,
Волк пошел козу драть.
Пришла коза с орешками,
Молодая с рожками.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

*За тридевять земель отсюдова,
За морем-окияном, да за островом буяном,
В пряничной стране, средь молочных рек,
На кисельном берегу жил да был царь,
Сладко ел, сладко пил, пиры пировал.
Жил-поживал, добра наживал.
Много ли, мало ли лет прошло,
Про то знать мне не дано...*

32. Про горох

Жил-был старик со старухой. Старуха у него была упрямая да настырная. Вот раз привязалась к старику: «Старик, посей горох! Старик, посей горох!» – «А куда ж я его посею, земли-то нет?» Ну, она думала, думала – действительно, земли у них не было – и говорит: «Хоть в голбец* посей, в голбце же есть земля».

Старик взял да и посеял горох в голбец. А горох рос, рос в голбце и до полу вырос, больше расти некуда. Старуха и говорит старику: «Старик, проруби в полу дырочку. Старик, проруби в полу дырочку». Ну, куда деваться от старухи. Взял и прорубил в полу дырочку. А горох рос, рос, рос и до потолка вырос. А старуха опять пристает к старику: «Старик, проруби в потолке дырочку. Старик, проруби в потолке дырочку». Ну, старик взял и в потолке прорубил дырочку.

А горох рос, рос и до крыши вырос. Старуха опять привязалась: проруби да проруби и на крыше дырочку.

Пришлось и на крыше прорубить дырочку. А горох рос, рос, рос, рос и до неба вырос. Да такой вырос горох-то хороший, цвету было много, а потом такой сделался стручистый. А как там наверху стручки-то собрать, не знают. Ну, старик думал, думал, как горох оттуда собрать, и решил сделать высокую лестницу. Сделал большую, длинную лестницу и говорит:

– Вот по этой лестнице и полезу.

А старуха ему:

– Старик, возьми меня с собой, я тоже хочу за горохом.

– Да куда я тебя возьму-то? Как я тебя возьму?

Ну, она думала, думала и придумала. Сшила большой мешок и говорит:

– Вот я в мешок-то залезу, а ты его на плечо закинь.

– Да как я его понесу: руками-то надо же за лестницу держаться.

– А ты мешок-то в зубы возьми.

Старик так и сделал. Взял мешок со старухой в зубы, перебросил через плечо, а руками держится за лестницу. Стал залезать. Лез, лез, лез, высоко уже залез. А старуха сидела, сидела в мешке-то да и пернула. Старик мешок из зубов-то и выронил от испуга. Старуха по лестнице-то тор-тор-тор-тор и покатилась обратно. Ну, и упала на пол. Старик думает: или за горохом дальше лезть, или уж за старухой спускаться. Решил обратно слезть. Слез, смотрит: старуха стонет в мешке. Вроде уж ни жива ни мертва. Ну что, лечить надо. Пошел баню топить. Истопил баню, старуху к бане притащил, старуха лежит, стонет. Бежит мимо заяц, спрашивает:

– Че ты, старик, плачешь?

– Да вот, – говорит, – старуха, наверное, у меня умерла.

– А че ей сделалось?

– Да вот, за горохом лазила, да упала.

– Ну, – говорит, – лечить надо.

– А ты умеешь лечить?

– Нет, я не умею.

Бежит волк.

– Че, – говорит, – старик, сделалось?

– Да вот, старуха ни жива ни мертва, упала с лестницы – за горохом лазила.

– Дак лечи.

– Дак я не знаю, как лечить-то.

Бежит лиса.

– Че, – говорит, – старик, тут сидишь?

– Да вот, старуху надо бы в бане попарить, полечить.

А лиса, хитрая, говорит:

– Я могу твою старуху вылечить. Налей побольше масла в кринку, медку да чайку да неси все в баню, я ее там попарю-полечу.

Ну, старик радехонек, все собрал, принес в баню. Ну, а лисе, конечно, вовсе на старуху наплевать, лишь бы только самой поесть, попить. Поела, попила и кричит:

– Открывай шире двери!

Старик открыл шире дверь-то, лиса оттуда выскочила и убежала. А старуха так и осталась в бане. Старик пошел, конечно, давай уж сам ее мыть да парить. Попарил, помыл, старухе и полегчало. А старик все приговаривает:

– Я же тебе говорил, что не надо горох сеять. Вот, смотри, мы и дом-то с тобой весь изрубили.

Обещала старуха больше старику не перечить и во всем подчиняться. И стали они дальше жить-поживать.

* Голбец – подполье, находящееся в избе.

33. От Понедельника до Субботы

Жили мать с сыном. А в деревне их за что-то невзлюбили, забили в бочку и кинули в море. Выбросило бочку на берег. Сын пошел чего-нибудь достать поесть. Шел, шел по берегу и увидел дворец. Зашел – никого в нем нет. Он походил-походил, пришел к матери и говорит: «Мама, я нашел вон там дворец, пойдем туда. Хозяева придут – мы у них попробуем как-нибудь устроиться. А если никто не

объявится, будем так жить». Пришли они, сколько-то там пожили – заявился хозяин этого дома. Рассердился он, что в его дворце хозяйничают, и хотел убить сына. Однако сын с ним справился и закрыл в погреб, а матери ничего не сказал. Вот как-то собрался сын на охоту и говорит: «Вот тебе, мать, ключи от всех палат, а погреб не открывай». Мать все комнаты проверила, и стало ей интересно, что это сын не разрешает в погребе посмотреть. Открыла она и этого мужчину, хозяина дворца, выпустила. И так долгое время делала: сын уйдет – мать мужчину выпустит; сын воротится – мать мужчину этого опять закроет. Вот в конце концов этот мужчина и говорит: «Давай твоего сына убьем, а ты во дворце хозяйкой будешь». Мать говорит: «Ну как же? Это мой сын, жалко мне его». – «Ну, тогда пошли его за живой водой. Может, он и не вернется, там погибнет». Вот приходит сын с охоты, а мать прикинулась, что заболела. «Мне, – говорит, – надо живую воду». – «Я, мама, все для тебя сделаю», – сын отвечает. Сел на лошадь и поехал.

А жили раньше маленькими государствами. Заехал он в одно царство-государство, называлось оно Понедельник. Там переночевал. Царь Понедельник его выпросил: «Ты куда поехал?» Он говорит: «Нужно мне живую воду, у меня мать болеет». Понедельник и говорит: «Ладно, дам я тебе кувшин. Поедешь по дороге, заедешь в горы. Там бежит живая вода. Наберешь воду в кувшин. Полный не бери, только полкувшина, а потом садись быстрее на лошадь и уезжай». Сын так и сделал. Приехал в горы, нашел эту воду, полкувшина набрал. А потом только успел на лошадь сесть, стал выезжать – эти горы сомкнулись. Если бы полный кувшин набрал, они бы его раздавили. Вот поехал он с живой водой, заехал на землю другого государства. Называлось оно Вторник. А когда там ночевал, царь Вторник ему живую воду подменил, налил простую. Привез он эту воду матери, она попила, сказала, что ей лучше стало.

Опять этот мужик придумал. «Давай, – говорит, – мы его пошлем за яблоками за золотыми. Он тебе их не привезет, там погибнет». Вот мать притворилась, что опять

заболела. «Надо, – говорит, – мне яблоки золотые». Поехал сын, заехал в государство Среды, там переночевал, рассказал, что за золотыми яблоками поехал. Царь Среда ему и говорит: «Вот, поедешь туда-то, где эта яблоня растет. Ее черти охраняют, ты сразу яблоки не рви, а подожди. Они, черти, кого-нибудь поймают, и пока его есть будут да веселиться, ты в это время и успеешь яблоки нарвать». Приехал парень к этой яблоне, засел и стал ждать. Только черти кого-то там поймали, он яблок нарывал и поехал обратно. По дороге заехал в государство Четверга, рассказал царю Четвергу все, а тот ему яблоки золотые на простые подменил. Матери он яблоки привез, та поела, ей легче стало.

Сколько-то времени прошло, мужик ее опять подучает: «Есть такие-то поросята необыкновенные. Надо его за их печенью послать». Мать говорит: «Я опять заболела. Мне надо печеню поросят. Привези мне хоть одного поросенка, я у него печеню достану и поправлюсь». Поехал сын искать этих поросят. Ехал, ехал. Доехал до государства Пятницы. У царя Пятницы переночевал, все ему рассказал. Царь и говорит: «Вот ты так сейчас поедешь, увидишь свинью, свинья эта очень сердита, она тебе этих поросят никак не отдаст. Ты куда-нибудь заляг, эти поросята разбегутся. Ты одного поросенка ушипни. Второй раз они разбегутся. Ты опять ушипни. А третий раз хватай поросенка, садись на лошадь и гони».

Вот опять сын поехал, нашел этих поросят. Они ходят спокойно. Поросенок один подбегает, он взял его и ушипнул. Как понесется этот поросенок к матери, а за ним и все остальные. Она их сосчитала – все двенадцать. «Че пишите?» – свинья спрашивает. Поросята разошлись, он опять одного ушипнул. Опять они все к матери бежат. Сосчитала свинья – все двенадцать. «Не пишите, – говорит свинья, – все равно больше считать не буду». Ну, в третий раз сын поросенка поймал, поросенок сколько ни ревел, свинья больше считать не стала. Заехал сын по дороге в государство к Субботе. Царь Суббота подменил его поросенка. Он приехал домой, поросенка закололи, мать

печень съела, поправилась. Так они сына изжить не могли. Решили его убить. Мать мужика в погребе не закрыла. Он ночью вышел, голову сыну отрубил и самого всего на куски разрубил, а куски выбросил. А лошадь сына побежала в эти государства, по которым они ездили. Поняли цари, что раз лошадь одна прибежала, значит, с ее хозяином беда случилась. Собрались они все от Понедельника до Субботы и все, что забрали, с собой принесли: и воду живую, и золотые яблоки, и печень. И вот что сделали: печень поросенка ему вложили, яблоки раздавили и сок в кровь влили, а потом окропили парня живой водой, и он ожил. Ожил и мужика этого убил.

34. Про купца и его волшебную птицу

Жил один богатый купец. Была у него жена, два сына да птица диковинная. Вот как-то купец уезжает надолго и говорит жене: «Ты смотри, ребят береги и за хозяйством смотри». Жена отвечает: «Ладно». А у жены-то его был любовник – приказчик. Вот приходит он раз к купчихе, видит: у нее в клетке птица диковинная сидит. Под правым крылом у нее написано: «Кто это крыло съест – царем будет», а под левым крылом написано: «Кто это крыло съест – князем будет». Приказчик и говорит купчихе: «Зарежь птицу!» – «Да как я ее зарежу? – отвечает купчиха. – Муж придет, что скажет?» А любовник уговаривает: «Ничего, придумаем, что сказать, режь!» Купчиха была ума небольшого – заставила поваров резать птицу да жарить. Повар птицу зарезал, изжарил, а парнишки пришли да и съели, один левое крыло, другой правое. Вот приказчик спрашивает: «Ну как, птицу приготовили? Где птица?» – «Ребята съели», – отвечает прислуга. «Как съели! Это что еще такое?» – разозлился приказчик. Очень уж захотел он царем стать или князем. И приказал он купчихе зарезать сыновей и их сердца изжарить. Тут уж купчиха со-

всем загрузила: и птицу-ту потеряла, и ребят лишиться надо. Ну, все ж приказчик ее уговорил, отослала она сыновей к повару. А повару-то стало ребят жалко. «Что же это, ребят резать да ему есть давать», – думает он. Собрал ребятам котомочки и сказал: «Идите куда глаза глядят. А я зарежу Барбоса да изжарю его сердце. Пусть приказчик его и жрет». Ребята и ушли куда глаза глядят. А приказчик пришел, спрашивает: «Изжарили сердца?» – «Изжарили». Подал ему повар собачье сердце. Любовник съел и ждет, когда его выберут царем да князем. Тем временем купец домой приезжает. Жена его встретила и в ноги пала: дескать, я птицу потеряла. Потом мало-мало отошла и опять в ноги: «Я и ребят потеряла». – «Да как потеряла? И ребят потеряла, и птицу потеряла! Да как это можно!» – заругался купец. «Не знаю. Потеряла и все», – плачет жена.

А ребята все идут да идут и дошли до города большого. В городе звонят во все колокола во всех церквях. Попадаетеся им навстречу бабка. Ребята спрашивают: «Почему, бабушка, у вас звонят во все колокола?» А та им отвечает: «У нас, миленькие, нет теперь ни царя, ни князя. Вот и будут выборы. Будут выбирать и князя, и царя». – «А нам, бабушка, можно туда пойти?» – «Да как, миленькие, не можно. Идите, может, вас и выберут».

Пошли братья на это собрание. Народ стал выбирать, их и выбрали. Вот ребята и стали жить-поживать, один царем, а другой князем.

35. Отдай, чего не знаешь

В некотором царстве да в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил да был один царь с царицею. Все-то у них было, все-то было хорошо, да только одно плохо, что детей не было. Уж очень они хотели, чтобы у них были наследничек или дочка-красавица. А детей нет да нет, и очень они из-за того переживали.

Раз царь поехал свои владенья осматривать. Долго ли, коротко ли ездил, все ж таки немало времени прошло, и вот вертается он домой. Не доехал немного – пить захотел. Думает: «Ну, немножко отдохну да и коня заодно накроплю». А помнится ему, что тут где-то колодец был недалеко. Слез со своего коня, отпустил его на полянку гулять, а сам войлочек разложил, посидел немножко да и пошел колодец искать. Нашел. А колодец полон серебристой воды, и сверху золотой ковшичек плавает. Захотел он взять этот ковшичек, а тот отплыл на другую сторону. Он с другой стороны зашел, только хотел взять ковшичек, а ковшичек на эту сторону переплыл. И так он ходил, ходил вокруг колодца и не мог ковшичек поймать. «Ну, – думает, – я и без него напьюсь». И стал пить. Наклонился, пил, пил, аж всю бороду замочил, а когда напился, стал подниматься, чувствует: кто-то его за бороду держит. Стал он туда-сюда дергаться, а его не отпускают, держат крепко. Ну, в конце концов измучился и взмолился: «Отпустите, я дорогой за себя дам выкуп». А из колодца ему отвечают: «Вот если отдашь нам то, что ты в доме своем не знаешь, тогда отпустим». Подумал, подумал: «Ну, что я в своем доме не знаю? Как будто все знаю. Если что и не знаю, того и не жалко». «Ну, ладно, – говорит, – договорились». Тут же его и отпустили. Сел царь на лошадь и поехал.

Как только стал к дому приближаться, слышит: колокола звонят, кругом люди на колени становятся, шапки подбрасывают. «Что, – думает, – такое? Почему меня так встречают?» Подъезжает поближе, смотрит: царица выходит на крыльцо и в руках ребеночка держит. «Радуйся, – говорит, – царь-государь: сын у тебя родился». Тут и потекли у царя горькие слезы. «Вот, – думает, – чего я дома-то не знал и отдать обещался». Но что поделаешь, сказанного не воротишь. Царь вида не подал. Праздник устроил в честь своего возвращения. Так день прошел, второй прошел – за сыном никто не идет, никто не напоминает, что его отдать

нужно. Три дня прошло, неделя прошла, месяц прошел, так и год прошел. И никто сына не забирает.

Той порой царь о своем горе забыл. Думает: «Ну что, видно, никто у меня теперь сына не потребует».

Прошло восемнадцать лет. Сын подросток, стал красавец писанный, ну и ума не занимать – словом, всем хорош.

И вот однажды поехал царевич на охоту. Едет, и вдруг из дупла выходит к нему черный да страшный старик и говорит:

– А я тебя, Иван-царевич, уже восемнадцать лет поджидаю. Ведь тебя твой отец мне отсулил.

– Нет, – говорит царевич, – неправда, чтобы меня мой отец тебе отсулил.

– А вот, – говорит, – правда. Вот вернешься домой и спросишь у отца, отсулил он тебя или нет. Если отсулил, то на третий день приедешь сюда обратно, а не приедешь – дома умрешь.

Приехал Иван-царевич к отцу и рассказывает: «Встретил я в лесу какого-то страшного старика, который говорит, что ты меня ему отсулил. Правда ли то?» Тут заплакал царь и рассказал все: как он из колодца пил, как у него борода в воду упала, как его кто-то за эту бороду задержал и попросил отдать то, чего он в своем доме не знает. И он такое обещание дал, не ведая, что у него на ту пору сын родился.

Делать нечего. Собрал царь сына, дал ему лучшего коня, сбрую, саблю на случай, если придется воевать или сражаться с кем-то. И поехал царский сын снова в лес.

А его там уже черный страшный старик поджидает и говорит: «Ну, молодец, что пришел, иди следом за мной». Вот они и пошли. Иван лошадь под уздцы взял. Шли, шли. Вдруг старик ногой топнул, земля растворилась, и они вместе с лошастью опустились вниз, в подземное царство. Старик говорит: «Лошадь оставь пастись вот здесь на лугу, а сам иди за мной». А кругом, и правда, луга красивые, зелено, солнце светит; такой же мир, как и у нас, только под землей.

Подошли они к царскому дворцу. «Это, – говорит

старик, – мой дворец. А меня зовут Кошей Бессмертный. Я хозяин этого царства, и ты будешь здесь жить и во всем мне подчиняться».

И остался Иван-царевич у Кошей Бессмертного.

А через неделю приходит за ним слуга и говорит, что Кошей Бессмертный его к себе требует.

Пришел Иван-царевич к Кошею, упал ему в ноги.

– Что прикажете?

А тот говорит:

– Для начала сшей мне сапоги, вот тебе материал и все, что потребуется.

Иван-царевич стал отказываться:

– Я не портной, а царский сын и сапоги никогда в жизни не шил.

А Кошей ему:

– Был царский сын, а теперь мой слуга. Что хочу, то и заставляю делать. А не сошьешь – мой меч, твоя голова с плеч.

Взял Иван материал на сапожки, пошел в свою комнату, сидит и плачет: «Как же мне сапоги сшить? Как в живых остаться?»

Вдруг слышит: прилетела пчела, прилетела и о стекло стучит, стучит, набивается. Ему что-то жалко эту пчелку стало, открыл он форточку, пчела залетела, ударилась об пол, сделалась девицей и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич. А я Марья-царевна – дочь Кошей Бессмертного. Я знаю, что мой отец заставил тебя сапоги сшить. Уже много здесь таких, как ты, побывало, но никто не мог моему отцу угодить, и он их всех убил. Так же и с тобой может быть, а мне тебя жалко. Я тебе могу помочь. Давай сюда материал, а утром сапоги будут здесь стоять, на лавке, ты бери и носи ему».

Уснул Иван-царевич, а утром, когда проснулся, сапоги уже стояли на лавочке. Взял он эти сапожки за пазушку и пошел к царю Бессмертному. Говорит:

– Вот, сшил.

– Ну, молодец: хорошие сапоги сшил. Иди теперь к себе, отдыхай.

Прожил Иван еще неделю или две ли – снова слуги приходят за ним и говорят: «Явись к Кошкею Бессмертному». Пришел Иван, упал в ноги.

– Что прикажете?

– А вот, – говорит Кошей, – в одну ночь построй мне замок. Если построишь – молодец; а не построишь – мой меч, твоя голова с плеч.

– Ну как я замок построю? Я не плотник и никогда ничего не строил. Я и не видал даже, как замки строят.

– Не моя печаль, а твоя. Строй!

Пришел Иван-царевич к себе, сел, заплакал. И смотрит: опять эта пчела летит. «Вот, – думает, – счастье». Форточку открыл, пчела об пол ударилась, опять сделалась Марьей-царевной.

– Знаю, – говорит, – что на этот раз тебя заставил отец замок строить. Это тоже горе – не горе. Давай ложись спать. Утром вставай пораньше, умывайся побелей и иди к замку – он уж по ту пору готов будет – и зауголочки поколачивай топориком.

Ну, Иван-царевич так и сделал. Проснулся, умылся, оделся, пошел, взял топорик и ходит вокруг замка. А Кошей утром встал, смотрит: замок построен.

– М-м, что-то, – говорит, – не верится: он ли это строил? Как это он построил?

Но все равно вызвал Ивана-царевича к себе и говорит:

– Ну, молодец. Иди к себе, отдыхай.

Ушел Иван-царевич. А Кошей Бессмертный стал думать: кто Ивану помогает? Никто такой силой, как у него, не владеет, лишь одна из его тридцати трех дочерей, младшая, Марья-царевна. И сапоги сшить, и замок в одну ночь построить – все может. Догадался обо всем Кошей Бессмертный, опять Ивана-царевича вызывает и говорит:

– Есть у меня тридцать три дочери, все они одинаковые: рост в рост, голос в голос, ничем их не различишь. Так вот: найдешь Марью-царевну – молодец, а не найдешь – мой меч, твоя голова с плеч.

Пришел Иван-царевич домой. Ждет, поглядывает, не прилетит ли пчелка опять. Открыл форточку, смотрит –

летит, он ее со слезами на глазах встречает. Стукнулась пчелка об пол, сделалась Марьей-царевной и говорит:

– Не плачь, Иван-царевич, знаю я о твоём горе.

– Ну как я смогу тебя найти, если вы все одинаковые?

– Да, мы все одинаковые. Одеты мы все одинаково, волосы у нас у всех одинаковые, даже голос и тот у всех одинаковый. Но я тебе помогу. Только ты будь внимательным. Дадут тебе три раза пройти около нас. Первый раз ты пойдешь – ничего не заметишь. Второй раз пойдешь – тоже ничего не найдешь. А вот третий раз пойдешь – примечай: у меня на щеке будет маленькая-маленькая мошка сидеть. Если ты эту мошку пропустишь, тебе больше меня не найти.

Вот на следующий день приходят слуги за Иваном-царевичем, а там уже на улице построены тридцать три дочери Кошеч. Все они стоят в ряд, все одеты одинаково, косы заплетены у всех одинаково, лицом все равны. «Ну и ну, – думает Иван, – которая же Марья-царевна? А ну как не опознаю?»

Прошел раз, посмотрел внимательно на каждую, думает: «Может, она какой-нибудь знак подаст?» Нет, ничего не заметил. Второй раз пошел, смотрел внимательно на каждую – опять ничего. Не мог определить, которая Марья-царевна. Третий раз пошел. А сам уже и ног не чувствует под собой, боится, думает: «А вдруг я эту мушку не увижу. Да и муха-то ведь может и на другую сестру». И вот идет, внимательно на каждое лицо смотрит. И вдруг видит: около уха у одной девицы маленькая-маленькая мошка бегаёт. Он и говорит:

– Эта вот Марья-царевна.

Тут Кошей Бессмертный захохотал страшным голосом:

– А, теперь я знаю, кто тебе помогает! Сам бы ты ни за что не нашел! Это помогает тебе Марья-царевна! Пока я тебя отпускаю, а что делать с тобой, скоро решу!

Ушел Иван-царевич в свою комнату, сидит, плачет. Летит пчела, а у него форточка уже закрыта. Стукнулась пчела об пол и говорит: «Ну, Иван-царевич, отец догадался о том, что это я тебе помогаю, нам с тобой

обоим житья не будет, давай отсюда бежать поскорее».

Собрались они бежать. А перед уходом плюнула Марья-царевна на стекло и наказала слюнке отвечать человеческим голосом.

Побежали они. Тем временем Кошей Бессмертный посылает за Иваном-царевичем слуг. Слуги пришли, в дверь стучатся:

– Иван-царевич, иди к Кошею Бессмертному.

А слюна на стекле отвечает:

– Сейчас иду.

Слуги ждут-ждут, а никто не идет.

Снова Ивана-царевича зовут, стучат, а слюнка на стекле отвечает:

– Сейчас иду.

Ну что, ждали, ждали – нет, не идет. Третий раз Кошей слуг посылает:

– Сейчас же приведите его ко мне силой!

Зашли слуги в комнату, а там никого нет. Приходят и говорят:

– А там никого нет.

Рассердился Кошей Бессмертный, спрашивает:

– А тут ли Марья-царевна? Ну-ка, найти мне Марью-царевну!

Начали искать – и Марьи-царевны нет нигде. Догадался Кошей Бессмертный, что они вместе сбежали, и послал за ними погоню: самых лучших своих слуг на самых резвых лошадях.

А Иван-царевич с Марьей-царевной бегут, бегут да и остановятся. Марья-царевна ляжет на землю, приложит ухо к земле и слушает: гонятся за ними или нет. Нет, нету погони. Они опять бегут. Опять ухом ложится на землю, слушает: есть, нет погони. Нет, нету погони. А третий раз, когда прилегла на землю, говорит:

– Да, за нами погоня. Близо уже. Спасаться надо!

– А как спасаться?

– А вот как. Сейчас я обернусь лошадью с телегой, а тебя сделаю мужиком. Рядом будет стог сена стоять. Ты накладывай из стога сено на телегу, на воз. А когда спро-

сят тебя, не видал ли Марью-царевну с Иваном-царевичем, ты скажи: видел, мол, вон по той дороге побежали.

– Ну, хорошо.

Превратилась она в лошадь, тут же стог сена появился, а Иван-царевич мужиком стал. Стоит, сено на телегу накладывает. Тут и погоня подросла, спрашивают:

– Эй, мужик! Не видал ли ты Ивана-царевича с Марьей-царевной?

– Видел, – говорит, – какие-то двое торопились бежали. Вон в ту гору побежали, вон по той дороге.

Ну, погоня туда бросилась. А они скоро перевернулись опять в Ивана-царевича и Марью-царевну и побежали по другой дороге, совсем в другую сторону. Добежали они до того места, где Иван-царевич коня пастись оставил. Скорей на этого коня сели и доехали до края подземного царства. Марья-царевна там ногой топнула – земля растворилась, и вышли они на волю. «Ну, – говорит Марья-царевна, – теперь никто нас не догонит».

Тут Иван-царевич и говорит:

– Марья-царевна, ты столько раз меня выручала, ты мне жизнь спасла, не хочу я с тобой разлучаться. Будь моей невестой, поедem со мной к отцу с матерью.

А Марья-царевна отвечает:

– Я согласна. Только ты, Иван-царевич, поезжай сперва один, а меня вот здесь на горе оставь. Я посижу, а ты съездишь домой, испросишь позволения жениться, а тогда и за мной приедешь.

– Ну, хорошо, – согласился Иван-царевич.

– Только, – она говорит, – обещай: дома будешь, смотри, никого не целуй. Если кого-нибудь поцелуешь, то про меня забудешь.

Дал такое слово Иван-царевич и поехал.

Приехал домой, а там мать с отцом его увидели, от счастья чуть ума не лишились. Пир устроили, всех созвали, и дальних и близких, все рады, что Иван-царевич вернулся. На том пиру такие красавицы были, что Иван-царевич не утерпел и одну девицу поцеловал. И в тот же миг забыл Марью-царевну, полюбил эту девушку и стал к

свадьбе готовиться. И хотя у девушки той был уже свой жених, но царскому сыну не перечат, и она согласилась.

Марья-царевна сидела-сидела на горе на камне, видит: никто за ней не идет, никто ее не зовет – и превратилась в голубой цветочек.

Шла мимо одна женщина и на камне увидела голубой цветочек очень красивый и думает: «Как же это на камне цветок вырос?» Очень цветочек ей понравился, она его сорвала, принесла домой, поставила в стеклянную бутылку с водой на окно. А женщина была одинокая, никого у ней не было. Вот уйдет она на работу, вернется – а у ней в комнате все прибрано, посуда помыта, пол помыт, все везде аккуратно, красиво. Цветы политы, окна промыты. Думает она: «Кто это мне помогает?»

А это Марья-царевна, когда женщина уйдет, из цветка превратится в девушку и все по дому сделает. Очень рада она была, что ее эта женщина подобрала. А потом кто-то женщину научил: «Ты не ходи на работу, а спрячься куда-нибудь и наблюдай. Как что-то где-то зашевелится, ты на это место набрось белый платок».

Женщина так и сделала. Спряталась, будто ушла на работу, а сама где-то в уголке села. Как стала Марья-царевна в девушку превращаться, она и бросила на нее белый платок. И очутилась под платком девушка – Марья-царевна. Женщина удивилась, а Марья-царевна заплакала и говорит: «Спасибо тебе, женщина милая: ты меня оживила и снова человеком сделала. Я Марья-царевна. Но теперь я должна от тебя уйти».

И пошла она по городу, а там везде афиши висят, извещают, что женится царский сын и приглашаются для работ все, кто умеет стряпать, печь пироги, куличи, разные необыкновенные кушанья готовить.

Пошла тогда Марья-царевна во дворец, пришла на кухню и говорит: «А я умею пироги печь». Ее и взяли свадебный пирог стряпать.

Стала она печь и такой пирог испекла, что все повара сбежались и порешили этот пирог поставить перед молодыми на первый стол.

Вот приехала свадьба, поставили этот пирог перед молодыми. По обычаю, когда сядут молодые за стол, то сначала встают на ноги все гости, тихо становится, и невеста кланяется влево, вправо, вперед – всех приветствует, а в это время слуги свадебный пирог разрезают. И вдруг из пирога вылетели два голубя. Полетели эти голуби и сели на божницу перед иконами. И тихо так стало, только голуби «угу-угу-угу» – гуляют между собой. Слышно, как голубь говорит голубице:

– Голубка, выходи за меня замуж.

А голубка ему отвечает:

– Нет, я за тебя замуж не пойду. Ты забудешь меня так же, как Иван-царевич забыл Марью-царевну.

Как услышал эти слова Иван-царевич, сразу вспомнил, что у него на горе Марья-царевна осталась, на которой он жениться обещал, да слова своего не сдержал, поцеловал другую и забыл свою невесту!

И тут же он из-за стола выбежал и говорит:

– Это не моя невеста! Моя невеста Марья-царевна! Я ее сейчас приведу!

Тут Марья-царевна сама к нему вышла.

– Не беги, Иван-царевич, здесь я.

Взял Иван-царевич ее за руку.

– Вот моя невеста!

Ну, все удивились: как это так? Царский сын одну невесту брал, а тут вдруг оказалась другая! А Иван-царевич никого не слушает и ведет Марью-царевну к столу. А к прежней его невесте подошел тот жених, который у нее раньше был. Так две свадьбы враз и сыграли.

Ну, и я там была и мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А на свадьбе мне сделали подарок – дали мне шлык да в подворотню меня швырк. И пошла я с этим шлыком, а пришлось идти-то все лесом, лесом. Села на какое-то бревно, а шлык-то положила под кору и теперь не знаю под которую. Вот все и хожу ищу. Ну, вот на том и сказке конец. Кто слушал, тот молодец.

36. Иванушка и его невеста

Жил один дед, и был у него внук Иванушка. Жили они вдвоем, никого у них больше не было. Пошли они раз в лес метелки рубить*. Дед-то глуховат был. Иванушка отошел поглубже в лес, потерял деда из вида, кричал, кричал, да не докричался. Далеко в лес зашел, видит: стоит избушка. Зашел в эту избушку, а там дряхлый старик сидит:

– Зачем, молодец, пожаловал?

– Да вот заблудился я, от дедушки отстал. Пустишь меня переночевать?

– Ладно, утро вечера мудренее. Напейся квасу и ложись спать.

Напился квасу Иванушка и лег спать. Утром встал и говорит:

– Ты мне Расскажи дорогу, куда идти-то.

А старик ему:

– Вот иди прямо по этой дорожке, влево не ходи и вправо тоже не ходи.

Шел, шел Иванушка и задумался: «Почему старик мне велел не сворачивать – дай-ко сверну», – и пошел по другой дорожке. Видит озеро. На озере девки купаются. Платья все побросали на берегу, а как из воды вылезли, платья накинули – оборотились в уточек, вспорхнули и улетели. А Иванушка вернулся обратно к старику в избушку.

– Я, – говорит, – такое чудо видел.

– Какое чудо?

– А вот купались девки, да такие красивые, а потом из воды вышли, платья накинули, в уток обернулись и улетели.

– Ну ладно, ночуй у меня опять. А завтра иди по этой дорожке снова до озера. Как только девки уйдут купаться, ты у одной заberi платье в сумку и не отдавай, а сам ко мне возвращайся.

Иванушка так и сделал. Дошел до озера, сел, спрятался. Девки приметели, одежду сняли, разбросали. Он у одной девки платье взял, в сумку положил и дожидает, когда

остальные-то улетят. Девки все улетели, а у одной платья нету, она бегаёт, платье ищет. Иванушка к ней вышел и говорит:

– Твое платье у меня в сумке. Куда я пойду, туда и ты пойдешь.

Она ревела, уговаривала его платье отдать, а он ни в какую. Пошел Иванушка, а она за ним. Привел он ее к старику в избушку. А тот и говорит:

– Вот, Иван, твоя невеста. Возвращайся теперь домой, дорогу я тебе укажу. Дам я тебе дубинку и шляпу. Придешь к себе домой – дубинку поставь во двор, а шляпу надень. И платье, что у своей невесты забрал, никогда ей не отдавай.

Иванушка старика поблагодарил, взял дубинку, шляпу и повел невесту к себе домой. Пришел, дубинку во дворе поставил – дворец вырос. Шляпу надел и стал самым главным, вокруг него слуги забегали, а он только распоряжается. А невеста у него как барыня сидит. Накупил он ей много платьев, а то, что на берегу забрал, все не отдает. В один прекрасный день невеста его запросила:

– Иванушка, дай мне мое платье, посмотришь, какая я красивая.

Уговорила она его. Дал он ей прежнее платье-то надеть. Села она на окошко, створки открыла и говорит:

– Посмотри, какая я красивая, и ищи меня за тридцать земель. – Обернулась уточкой и улетела.

Заплакал горько Иванушка, а потом дворец оставил, слугам наказал, что делать, и пошел снова в лес к старику премудрому. Рассказал ему все, а старик и говорит:

– Ведь я тебе наказывал платья не отдавать, а ты не послушался. Ладно, ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром встал старик рано, громко свистнул – все звери лесные собрались. Он спрашивает:

– Кто может Иванушку за тридцать земель увезти?

Никто из зверей не соглашается. Тогда отправил он его по дорожке к своему старшему брату. Пошел Иванушка, до другой избушки дошел. Зашел, видит: древний-древний старик сидит.

– Зачем, добрый молодец, пожаловал?
– Да вот у меня невеста улетела за тридевять земель.
– Ну ладно, утро вечера мудренее. Напейся квасу и ложись спать.

Утром старик встал рано-рано. Свистнул громко – все птицы прилетели, только орла нет. Свистнул во второй раз – и орел прилетел. Старик спрашивает:

– Кто может Иванушку отвезти за тридевять земель искать невесту?

Орел говорит:

– Может быть, я смогу.

Старик Иванушку на орла посадил, привязал, и полетели они. Летели, летели, долетели до высокой-высокой горы. Орел на гору залетел и говорит:

– Ну все, Иванушка, довез я тебя.

Пошел Иванушка дальше сам. Видит: два черта дерутся. Иван спрашивает:

– Вы чего деретесь?

– Отец с матерью умерли, именье** нам не разделили.

– А какое именье-то?

– Да шапку-невидимку.

Взял Иванушка шапку-невидимку в руки. «Ладно, – говорит, – разбегайтесь в разные стороны, и кто первый до меня добежит, того и шапка будет».

Разбежались черти, а Иван шапку надел, невидимым стал и пошел дальше невесту искать. Шел, шел, видит: поляна, а по ней девки гуляют хороводом. Увидел Иван свою невесту и рядом встал и возле нее невидимый ходит. Девки нагулялись, домой пошли, и его невеста пошла.

Заходит она в свою комнату – и он за ней. Она обещать пошла – и он за ней. Девки за стол садятся – и он с ними, из тарелки своей невесты хлебает. А девки стали замечать, что у нее из тарелки много убывает.

– Что у тебя так много убывает?

– Не знаю, сама удивляюсь.

А Иванушка наелся и снова в комнату невесты пошел, перерыл у нее все платья, нашел то, что допреж забирал, да в котомку спрятал. А потом шапку-невидимку снял и говорит:

– Все, теперь ты от меня не уйдешь.

Вернулись они во дворец. Сыграли свадьбу, стали жить-поживать да добра наживать.

Я у них бывала, пиво пивала, по носу бежало, да в рот не попало. Дали мне шлык – я под ворота швырк. Дали мне шапочку писаную. Птичка летит и кричит: «Шапочка писаная, шапочка писаная». А я слышу: «Описанная, описанная». Взяла да и скинула. На мне была юбка полосата. Птичка кричит: «Юбка полосата, юбка полосата». А мне слышится: «В юбке поросята, в юбке поросята». Опять сняла да бросила. На мне еще синий кафтан был. А птичка летит и кричит: «Синь да хорош, синь да хорош». А мне слышится: «Скинь да положи, скинь да положи». Я свернула, положила под гору и сейчас не знаю под которую.

* Метелки рубить – рубить ветки деревьев для изготовления метел.

** Именье – имущество.

37. Два брата

Жили-были муж да жена. Было у них двое детей – двое сыновей. Жена померла. Жил, жил мужик с детьми, тяжело ему стало. Посадил он их на телегу и говорит:

– Я повезу вас, ребята, в город, там вас покормят.

Вез он их, вез, в лес завез, там оставил и сказал: «Идите дальше, там будет город, там вас покормят». Шли, шли ребята в ту сторону, куда им отец показал, ночь их застала. Переночевали они в лесу, а утром дальше пошли. Шли, шли, вышли на поляну большую. Посреди поляны домик стоит, избушка. В избушку зашли – никого нет. На столе лежит хлеба коврига. Они поели хлеба и на полати забрались. Слышат: лай собак, кто-то к дому подходит. Заходит хозяин избушки, видит: мальчики на полати забились. Он их спрашивает: «Кто вы такие и откуда?» Рассказали они, что их мамка померла, а тятя не мог их прокормить, отвел в лес и сказал, что где-то есть такое место, город, где их покормят, шли они туда, шли да и заблудились.

Человек этот был охотник и жил в лесу совсем один. Он им и говорит:

– Никакого тут города нет, вас отец обманул. Хотите, оставайтесь у меня жить. Будете со мной на охоту ходить.

Ребята и остались. Пошли они на охоту. Летит стая журавлей. Охотник и говорит старшему брату:

– Стреляй с левого боку, первого журавля убьешь – будешь коренной охотник.

Мальчик прицелился и попал.

На второй день снова пошли. Охотник говорит младшему брату:

– Вот летит стая лебедей, среднего лебедя убьешь – будешь ты коренной охотник.

Мальчик выстрелил и убил.

Так и стали они все вместе на охоту ходить. Мяса у них было вдоволь, братья быстро росли и справлялись. Так прожили они двенадцать лет. Вот однажды охотник им говорит:

– Хватит вам в лесу жить, идите теперь в город, я вам укажу дорогу.

Дал он им по ружью и по собачке, а еще дал нож один на двоих и сказал: «Где-нибудь расставаться будете – воткните этот нож в дерево. Если один из вас к этому месту вернется и увидит, что нож заржавел, значит, другой мертвый, а если нож светлым останется, значит – живой».

Отправились братья. Идут, видят: львица со львятами. Старший брат хотел стрелять, а львица ему кричит:

– Не бей меня, не стреляй меня, я тебе двух львят отдам.

Стало у них по собачке и по львенку. Идут они дальше. Смотрят: идет медведица с медвежатами. Младший брат хотел стрелять, а медведица ему:

– Не бей меня, не стреляй меня, я тебе дам двух медвежат.

Забрали опять пару. Идут дальше. Видят: идет волчица с волчатами. Таким же побытом они взяли двух волчат.

Дальше им лиса с лисятами и зайчиха с зайчатами

повстречались. И тех детенышей они с собой забрали, ведут на поводке. Дошли до расстани*, старший брат и говорит: «Ну что, брат, давай расстанемся, попытаем судьбу, иди направо, а я пойду налево. Нож воткнем в дерево. Если придется здесь побывать, то узнаем, жив другой али нет». Так и разошлись: один пошел направо, а другой налево.

Пришел старший брат в город, видит: город черным полотном обтянут, и звон колокольный стоит. Он понабился к одной старушке на постой и спрашивает:

– Почему у вас, бабушка, в городе звон и все черным обтянуто?

– Да вот повадился к нам семиглавый змей, поедает каждый раз по девушке. Сегодня жребий выпал царской дочери на съедение идти. Скоро семиглавый змей налетит.

– А где, – спрашивает парень, – змей будет эту девушку есть?

– А вот там на горе часовенка. Вот в этой часовенке ее для змея и оставят.

Тогда старший брат наварил каши, зверей своих накормил и пошел к часовне. Пришел, зверей запрягал, а сам в часовню зашел. А царская дочь уже там сидит, лента в косе алая семи аршин. Она ему и говорит:

– Зачем ты сюда, детина, пришел? Налетит сейчас семиглавый змей, убьет и меня, и тебя.

– Еще посмотрим, кто кого убьет, – он ей отвечает. Тут и змей прилетает.

– Какой царь хороший: одну голову обещал, а послал две. А старший брат ему говорит:

– Ты мной подавишша.

– Драться или мириться будем? – змей спрашивает. А парень ему:

– Можем и подраться.

Змей поднялся над часовенкой, с высоты пустил из себя жару, аж трава загорелась. Тут все звери выскочили и потушили огонь. Стали они со змеем сражаться. Звери – волк, лев, заяц, лиса, медведь, собачка – все хозяину помогали, сообщая змея и убили. Потом парень выре-

зал у змея все языки и под часовой спрятал, а сам лег отдохнуть и говорит льву:

– Я в борьбе, в драке утомился, сосну немного. Если что, ты меня разбуди.

Только уснул, лев говорит медведю:

– Я в борьбе, в драке утомился, сосну немножко. Если что, ты меня разбуди.

Медведь дал такой же наказ волку, волк – собачке, собачка – лисе, лиса – зайцу. А заяц дремал, дремал да и заснул.

В это время царь послал своего дядьку-слугу посмотреть, прилетал ли змей семиглавый. Приходит этот слуга к часовой и видит, что змей убит, а кругом все спят. Взял он и отрубил молодцу голову. А царскую дочь забрал и застрадал: «Скажи, мол, что это я тебя спас, а не скажешь – я тебя тотчас убью». Пришел слуга к царю и объявил, что это он царевну от змея спас.

А звери, когда проснулись-пробудились, видят: Иван мертвый лежит. Лев говорит: «Я медведю наказывал меня разбудить». Медведь на волка напустился, волк – на собачку, собачка – на лису, лиса – на зайца. Заяц, значит, больше всех виноват, зайца давай все ругать, бить. Заяц визжит: – Обождите, я мигом за живым корнем сбегаю.

Сбегал, живой корень принес. Звери им хозяина оживили. Ожил он и снова в город отправился. А в городе опять звон стоит, только город уже красным полотном обтянут. Он снова к той старушке и спрашивает:

– Здравствуйте, бабушка. Я у вас прошлый раз был, город был черным полотном обтянут, и звон в городе стоял. А нынче красным полотном город обтянут, и опять звон. Это почему так?

– Прошлый раз ты был, когда на съедение шла царская дочь, а ее такой-то человек спас, убил змея, и сегодня у их свадьба.

Старший брат сейчас же пишет записку и лису с ней посылает:

– Иди, лиса, отдай эту записку самой царевне.

Лиса прокралась так да смяла записку отдала.

Немного погодя посылает льва:

– Иди, – говорит, – принеси мне вино, которое сам царь пьет.

Лев побежал. Народ испугался, кто куда разбежался. Лев забежал во дворец, там у царя стоят слуги, караулы. Лев как рявкнет – все испугались, попадали. Он и проскочил. Вина в пасть захватил четверть. Вернулся к хозяину.

Посылает старший брат медведя:

– Иди, медведь, принеси мне жаркое, которое царь кушает.

Медведь побежал. Опять все боятся, прячутся. Медведь заскочил, схватил жаркое в пасть, принес хозяину. Потом волка и зайца послал с поручениями. Они тоже все задания исполнили. Последней собачку с запиской послал к царской дочери: «Ежели хотите со своим спасителем повидаться, пошлите за ним лошадей». Царевна записку прочитала, к отцу пришла, говорит:

– Вот нашелся тот, который меня спас. А тот, слуга твой, всех обманул.

Съездили за старшим братом, вымыли его в бане, одели. Стал царь его расспрашивать, как это он змея убил и чем это доказать может. Рассказал парень, как все было, и про языки, у змея отрезанные, вспомнил, и указал, где они спрятаны. Послал царь слуг на то место, принесли они змеевы языки, тут вся правда-то и вышла. А слугу того за неправду казнили.

Старший брат с царской дочерью поженились. Неделя всего прожили, и прослышал старший брат, что есть за городом такой закаменный лес. Стал он в этот лес собираться, а жена его отговаривает:

– Не езд, никто еще оттуда не возвращался.

Только он не послушался, сел на коня и поехал. Доехал, весь закаменный лес проехал и смотрит: какая-то белая молонья** перед ним кружится. Он за ней. Потом она из виду скрылась. А рядом родничок бежит, и много возле того родничка камней разноцветных. Тут старший брат остановился, огонек разложил, уселся, сидит. Вдруг кто-то с дерева кричит:

– Ой зябну, ой озябла.

Он посмотрел, видит: старуха какая-то сидит на дереве. Он ей говорит:

- Слезай, старая коржовка, погрейся.
- Нет, я твоих зверьков боюсь.
- Ничего мои звери тебе не сделают.
- Нет, все равно боюсь. Ты вот этой веточкой всех их хлестни, я тогда слезу.

Он того хлестнул, другого, третьего хлестнул. И все его звери в камешки превратились. Тут старуха-ведьма слезла и по нему хлестнула – и он в камешек превратился.

В эту пору младший брат к дереву пришел и смотрит: одна-то половина ножа заржавела, а другая светлая. Он думает: «Ежели бы мертвый был, то весь бы нож заржавел. А так, видно, живой, но болеет сильно». И пошел брата искать. Приходит в город. А все его за брата принимают, кричат: «У царя зять вернулся». Он на него похож, и звери с ним такие же. Приходит он во дворец. Царь его за зятя принимает, царевна за мужа. Он виду не подает. Недельку пожил, узнал, куда его брат отправился, и говорит:

- Я поеду в закаменный лес.

Все дивятся: как это он так, недавно вернулся и снова в этот лес отправляется. А младший брат сел на коня и поехал. Только в лес заехал, опять какая-то молонья белая появилась, а потом скрылась. Подъехал он к тому же ручейку. Огонек разложил, сидит, смотрит. Вдруг слышит:

- Ой зябну, ой озябла.

Поднял голову, увидел старуху на дереве.

- Слезай, старая коржовка, согрейся.

– Нет, я твоих зверьков боюсь. Вон на веточку, хлестни ей этих зверьков, я тогда слезу.

– Ах ты, ведьма, зачем я своих зверьков буду веточкой хлестать?

Взял и выстрелил, только пуля от нее отскочила. Он, не долго думавши, от гимнастерки оторвал медную пуговицу, зарядил ею ружье, снова выстрелил и ведьму ранил. Упала ведьма с дерева, пруточек свой уронила. Стал он ее тем пруточком стегать.

- Где мой брат, где мой брат, отвечай!

Молчит ведьма. Стал он тогда камни хлестать. Какой хлестанет – из того человек встанет. И столько народу повставало – все, кто ведьмой был в камень превращен. Тут-то и брат его встал. В лесу сразу светло стало. Ведьму на костре сожгли, а люди все в город отправились. Братья же обнялись, сидят, разговаривают. Младший брат говорит:

– Я ведь у тебя был, во дворце жил: твоя жена меня за тебя приняла.

Рассердился старший брат и убил младшего. Потом сидит и думает: «Что же это я наделал: он же меня спас, а я его убил». Послал зайца за живым корнем и оживил брата.

Пришли братья в город, во дворец. Стали все вместе жить. Вскоре царь умер, и старший брат стал сам править, а младший ему во всем помогал.

* Росстань – перекресток дорог.

** Молонья – здесь: огненный шар, шаровая молния.

38. Как царь сыновей женил

Жил-был царь, и было у него три сына. Подошло время им жениться. Он им и говорит:

– Давайте, сыновья, стреляйте. Куда ваши стрелы улетят, там и ваши невесты будут.

Один сын выстрелил – попал на боярский двор, другой – на княжеский. А третий стрелял – стрела улетела неизвестно куда. Царь говорит:

– Давайте идите, ищите своих невест и без них не возвращайтесь.

Старший сын пошел на боярский двор, средний – на княжеский, а младший, Иван, сел на коня и поехал, сам не зная куда. Ехал день, ехал ночь, много времени прошло. Доехал до леса. В лесу избушка стоит. Заходит в избушку, а там старый дед лежит на печи.

– Здравствуй, дед.

– Здорово, молодец.
– Нельзя ли у вас переночевать?
– Да можно, отчего же нельзя! Только куда же ты, детина, потащился?

– Сначала напои, накорми, потом дальни вести расспроси, я все и поясню.

Дед его, накормил, напоил.

– Теперь рассказывай!

– Нас у царя три сына. Заставил нас отец жениться. Велел стрелы пускать и смотреть: куда стрела упадет, там и невесту искать надо. У меня вот стрела улетела в лес, неизвестно куда, я и иду ее искать.

– Ладно, утро вечера мудренее, давай ложись спать, завтра видно будет.

Переночевали они, встают, старик и говорит:

– Иди дальше, там еще избушка будет. В этой избушке опять переночуешь.

Иван его спрашивает:

– А тебя как, дедушка, зовут?

– А меня зовут Свет.

Поехал Иван дальше. Ехал, ехал опять день да ночь. Доехал до другой избушки. Лошадь к кольцу привязал, в избушку заскочил.

– Здорово, дед.

– Здорово, молодец. Куда путь держишь?

– Сначала напои, накорми да дальни вести расспроси, потом расскажу.

Дед его напоил, накормил, говорит:

– Теперь рассказывай!

– Нас у отца три сына. Отец нас заставил жениться, велел стрелы пускать. Куда стрела упадет, там и невеста будет. Моя стрела упала в лес, неизвестно куда, и я не знаю, где мне свою невесту искать.

Дед говорит:

– Ладно, переночуешь и дальше иди, там еще одна избушка будет.

– А тебя, дедушка, как зовут?

– Меня зовут Ла.

Переночевали они, Иван дальше поехал. Ехал, ехал, до третьей избушки доезжает. Лошадь к кольцу привязал, в избушку заскочил.

– Здравствуй, дед.

– Здорово, молодец. Куда поехал?

Иван отвечает:

– Сначала напои, накорми да дальни вести расспроси, тогда я все расскажу.

Старик его напоил, накормил, потом Иван ему все рассказал:

– Я поехал невесту искать. У меня стрела улетела в лес, а где она упала, там и моя невеста должна быть.

Старик говорит:

– Оставайся ночевать. Утро вечера мудренее.

Утром встали, старик и говорит:

– Вот езжай туда, там будет город. В городе ни одной души нету, в нем весь народ зверь поел. Посреди города стоит башня, а в той башне – столб каменной. Ты этот столб разбей, там и невесту найдешь.

– А тебя как зовут?

– Меня зовут На.

Иван все так и сделал. Столб нашел, разбил, и вышла из столба девушка, Светлана. Тут царевич и говорит:

– Ты моя невеста, вот я тебя и отыскал.

Сели на коня, поехали. До того старичка доехали, что ближе всех к городу жил. Это был ее, Светланы, отец. Переночевали, попрощались. Он дал ей скатерть в подарок. Опять поехали, до другого старичка доехали, это был ее дед. Опять переночевали. Он дал Светлане платок в подарок. До последнего доехали, это был ее прадед, он ей дал в подарок кольцо.

Вернулся Иван-царевич со своей невестой к отцу, а там их уже давно ждут.

Сыграли враз три свадьбы, а после царь и говорит:

– Теперь, сыновья, я буду изведывать, каких вы сношеники наводили.

Собрал на вечер гостей и сыновей с женами позвал, а сам просит:

– Ну, давайте теперь, девушки, сношеньки, покажите, чем вы меня подарите, чем порадуете моих гостей.

Одна сноха вышла, рукой махнула – разлилось море. Другая сноха вышла, рукой махнула – ее море засыпало песком. Светлана вышла, платком махнула – этот песок разнесло, разлилось опять море, а по морю лебеди поплыли, корабли пошли. Все смотрят, любуются. Потом платок сквозь кольцо продернула – встал стройный город, с золотыми маковками, церквями. А она в то время скатерку накрыла, и тут всякие яства, закуски появились, вина заморские, что только на свете есть. И тут они все гуляли, и оказалось, что эта Светлана лучше всех.

На том и сказке конец.

39. Фифилисто ясно перышко

Жил-был в одной деревне мужик. Было у этого мужика три дочери. Поехал он однажды в город на базар, а дочери ему наказы дают. Первая говорит: «Купи мне, тятенька, ботинки». Вторая говорит: «А мне купи платочек». А третья просит: «Привези мне, тятенька, фифилисто ясно перышко».

Приехал мужик на базар, купил первым двум дочерям подарки, фифилисто же ясно перышко искал, искал, не нашел. Приехал домой и двум старшим дочерям отдал подарки. «Тебе же, – говорит младшей, – не мог найти фифилиста ясно перышка».

Обрадовались подаркам старшие дочери, только младшая без подарка грустит.

Поехал мужик другой раз в город, старшие опять наказывают разных обнов купить.

– А ты что закажешь? – спрашивает мужик младшую.

– Фифилисто ясно перышко, – говорит та.

Накупил обнов на базаре мужик старшим дочерям, и как уж и не старался найти фифилисто ясно перышко, не нашел.

В третий раз поехал мужик на базар, старшие дочери

опять просят купить нарядов и всякой всячины: бусок, колец и разных сластей – пряников, орехов, конфет всяких. Младшая же опять просит купить фифилисто ясно перышко. Накупил мужик старшим дочерям всего. Пошел фифилисто ясно перышко искать. Весь базар обошел, хотел уже домой ехать, да в стороне увидел: перышко продают. Сторговал за двадцать пять рублей и купил. Приехал домой и отдал дочерям покупки.

Пришло воскресенье. Старшие дочери снарядились так-то хорошо да любо и зовут младшую: «Айда, сестра, с нами в церковь». Она отвечает: «Где уж мне, и снарядиться-то не в чего. Пойдите одни».

Сестры и ушли. Тогда она вышла на крыльцо и запела:

Фифилисто ясно перышко,

Прилети-ка на окошечко,

Принеси-ка цветно платице.

Вот фифилисто ясно перышко прилетело и такие наряды принесло: ботинки маленькие, платье бархатное, все серебром вышитое, подшалонок шелковый. Снарядилась она в наряды и сделалась столь красивая, только картинку писать. Тут и карета к крыльцу подошла. Села она в карету и поехала в церковь. Как зашла в церковь, народ весь на нее засмотрелся: «Чья это такая?» Попы уже и служить перестали, на нее глядят. Обедня еще не отошла – она вышла, села в карету и уехала.

Пришли сестры домой и рассказывают: «Э, сестра, сестра, какую красавицу мы видели, чудо да и только».

На другое воскресенье старшие дочери опять нарядились. И опять стали звать младшую. «Да ладно, я и дома посижу», – отвечала она. Сестры ушли, а младшая сестра вышла на крыльцо и запела:

Фифилисто ясно перышко,

Прилети-ка на окошечко,

Принеси-ка цветно платице.

Фифилисто ясно перышко прилетело. И такое платье, наряды принесло – лучше прежнего. Снарядилась она, села в карету и поехала в церковь. Народ и попы в церкви на

нее смотрят и молиться забыли. А в конце обедни она уехала. Народ кинулся было посмотреть, но та так угнала, только пыль столбом. Дома разнарядилась, и наряды фи-филисто ясно перышко унесло.

Сестры пришли и рассказывают: «Ой, сестра, сестра, напрасно ты в церковь-то не пришла. Красавица та опять приезжала». – «Да не я ли это была?» – спрашивает их она. «Ну где тебе!»

Нарядилась в третье воскресенье младшая сестра и, как в прежние разы, была в церкви. Когда старшие сестры пришли и рассказали о красавице, младшая сестра призналась им, что это она была в церкви-то, и показала, как звать перышко.

Завидно сделалось сестрам на младшую, и вот на четвертое воскресенье, перед тем как в церковь идти, поставили они на окошко острые ножницы. А младшая сестра не знала этого и по их уходу вышла на крылечко и запела:

Фифилисто ясно перышко,

Прилети-ка на окошечко,

Принеси-ка цветно платьице.

Прилетело перышко на окно да и обрезалось. Осердилось и улетело обратно.

Уж плакала, плакала младшая сестра о нем, да ничего не поделаешь. Вот и начала она проситься у отца: «Отпусти меня, тятенька, фифилисто ясно перышко искать». Как ни уговаривал отец ее остаться, не ходить искать перышко, она не согласилась. Взяла хлеба и пошла.

Шла долго, без всякой дороги и зашла в темный лес. Видит: стоит избушка на курьих ножках и кругом повертывается. Она говорит:

Избушка, избушка

На курьих ножках,

Встань к лесу задом,

Ко мне передом,

Ко мне лесенкою.

Послушалась избушка, повернулась. Зашла младшая сестра в избушку. Помолилась Богу. Видит: сидит Баба Яга, костяная нога, морда глиняная. А Баба Яга и говорит:

«Тьфу, тьфу, русским духом пахнет. Слыхом не слышать, видом не видать, а ныне русская костка сама на двор пришла». Увидела младшую сестру и спрашивает: «Что, красная девица, надо?» – «Фифилисто ясно перышко ищу», – отвечала Бабе Яге девушка. «Оно сегодня будет к моим дочерям. Жалеючи тебя, вот что научу делать. Дам я тебе медное яичко и медное блюдечко. Ты выйди ими играть под окно. Когда придут мои дочери и будут просить продать яичко, говори, что оно не продажно, а заветно. Они спросят, сколь за завет, отвечай: «С фифилистым ясным перышком ночку ночевать». Дочери, наверное, согласятся. Вот когда будет оно спать, то постарайся разбудить его и Расскажи обо всем. Может быть, оно к тебе и воротится».

Дала ей Баба Яга медные яичко и блюдечко. Вышла девушка под окно ими играть. Дочери Бабы Яги и говорят: «Продай нам, красная девица, яичко с блюдечком». – «Нет, оно не продажно, а заветно». – «Сколь за завет?» – «С фифилистым ясным перышком ночку ночевать». Те согласились. Пришла ночь. Младшая сестра легла с перышком спать, а оно повернулось к стене. Уж она плакала, плакала – перышко не проснулось. А утром чуть свет улетело.

«Оно сегодня ночью спать будет у моей сестры», – сказала Баба Яга и указала, как к этой Бабе Яге дойти.

Вторая Баба Яга дала ей серебряные блюдо и яичко. Дочери ее за них позволили девушке ночевать с фифилистым ясным перышком. Но ночью младшая сестра снова не могла перышко разбудить.

Затем девушка пришла к третьей Бабе Яге. Та дала ей золотые блюдо и яичко. Дочери этой Бабы Яги за яичко и блюдо дозволили ей ночевать с фифилистым ясным перышком. По научению Бабы Яги, она накла в подушку иголок. Прилетело перышко, легло на кровать и заснуло. Ночью начало ворочаться, да иглами уколось. Проснулось. Младшая сестра рассказала тут ему все. Оно ей поверило и перестало сердиться. Утром младшая сестра с перышком возвратилась к отцу.

Пришло воскресенье, старшие сестры ушли к обедне, а младшая вышла на крылечко и запела:

Фифилисто ясно перышко,
Прилети-ка на окошечко,
Принеси-ка цветно платице.

Прилетело перышко и принесло платье хорошее, ботинки хрустальные и карету всю в золоте. Надела она все, приехала в церковь. Народ, попы и царевич, который тут был, на нее загляделись. Царевич всех спрашивал: «Чья де это такая?» Но никто не знал.

Обедня еще не отошла, а младшая дочь уже уехала. Когда выходила из церкви, то второпях потеряла ботиночек. Сильно приглянулась она царевичу, и он по ботиночку вздумал найти девушку. Для этого велел собрать девиц со всего государства. Ботинок никому не был в пору. Царевич спросил: «Нет ли еще где девушек?» Наш мужик сказал, что у него есть еще дочь. По повелению царевича привели младшую сестру. Надели ей ботинок – как прилиптый подошел. Царевич взял младшую сестру за себя замуж. На свадьбе был пир во весь мир.

40. Ореховая веточка

Жил в одном селении человек, и было у него три дочери. Поехал он раз на базар и спрашивает, что им там купить. Одна заказала платье, вторая – красивый платок, а третья заказала ореховую ветку. И вот он купил одной платье, другой красивый подшалонок, а ореховую ветку не нашел. Поехал домой. Едет по лесу, оглядывается, и вдруг на дорогу наклонилась с дерева ветка. Он посмотрел, а на ней орехи. Мужик и думает: «Не эту ли ореховую ветку мне дочь заказывала?» Взял и срубил эту веточку. А как только срубил – медведь зарычал:

- Как ты смел срубить мою ореховую ветку?
- Это я, – говорит мужик, – для дочери.

– Ну, вот пусть дочь эта и будет моей женой.

Мужик заплакал:

– Как же я ей скажу, что за медведя ее замуж отдам?

– А вот, – говорит, – так и скажи.

Приехал мужик домой, подарки раздал, а дочери ничего не сказал. Прошел день, прошло два, а на третий день вдруг колокольцы раздаются. Выбежали все, смотрят: а там на нескольких лошадях едет кто-то, как свадьба. Перед их крыльцом лошади остановились, и выходит кто-то в богатой одежде, в шубе тяжелой. Разглядели – а это медведь. Вышел и говорит: «Я приехал за своей невестой, за той, что просила у отца ореховую ветку сорвать». Старшая сказала: «Это не я». Вторая сказала: «И не я». А третья призналась, что это она ореховую ветку просила. Медведь говорит: «Вот ты и будешь моей женой. Если сейчас же со мной не поедешь, то я тебя разорву». Некуда было девушке деваться, и села она с медведем.

А жених всех приглашает: «Сейчас у нас свадьба, отец с матерью и сестры пусть тоже едут». Запрягли они лошадей и поехали все. Вот подъехали они к церкви, вошли, а как взошли на паперть, с жениха медвежья-то шкура и спала. И стал он красивым молодцем и всем объявил, что он сын богатого человека и что прокляла его старая ведьма быть медведем до тех пор, пока не пойдет за него замуж какая-нибудь девушка. И он всех приманивал, старался, но вот только одна согласилась и пошла за него замуж, и он снова человеком стал.

И был пир очень большой, и я на этой свадьбе была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало.

41. Сивка-бурка

Жили-были старик со старухой. Поля у них были большие, сеяли они пшеницу, урожай хороший собирали и своих сыновей троих кормили, растили.

В одно лето кто-то у них стал пшеницу топтать. Старик сначала одного сына послал – тот никого не укараулил.

Второго сына послал – тоже ничего. Послал третьего сына, Ванюшу. Ванюша всю ночь не спал, караулил. Слышит: земля дрожит, конь бежит. Прибежал конь и стал пшеницу щипать, а потом стал по пшенице кататься, ноги вверх задирать. Тут Ванюша не вытерпел, тихонько подкрался, за гриву поймался и сел задом наперед. Конь выше церкви подымался, выше лесу был, выше домов, но он все равно усидел, не мог конь его сшибить. Ну, в конце концов устал конь, спустился около поля и говорит:

– Хорошо, Ванюша, ты на мне усидел, тебе мной и владеть. Только ты меня отпусти, а когда потребуюсь я тебе, скажи только: «Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой». Я к тебе и прибегу.

Иван взял да и отпустил его. Пришел домой, а отец спрашивает:

– Ну как? Видел кого-нибудь?

– Нет, никого, – говорит, – не видел. Только пшеницу нашу больше топтать никто не будет.

Много ли, мало ли времени прошло – старик-то заболел да умер. Старушка тоже старая совсем стала. Решили братья жениться. А в том царстве-государстве у царя была дочь, и вот этой дочери пришла пора жениха сыскать. Велел царь посадить ее в высокий терем перед окном, а на палец золотое кольцо одеть и везде афиши развесить: «Кто достанет кольцо у царевны с руки, тот получит ее в жены и полцарства в приданое».

Ну, парни как это узнали, всем захотелось взять в жены царскую дочь, а пуще того приданое – полцарства! Стали и братья Ивана думать да гадать, как бы до окошка допрыгнуть и кольцо снять.

Вот в один прекрасный день собираются братья в город, лошадей овсом кормят, чистят, хвосты им подрезают, гривы чешут. А Ванюша говорит:

– Возьмите меня тоже с собой.

– Да куда тебе, у тебя и коня нет, да и сам-то ты мазуля, грязнуля. Сиди вон на печи да перегребай золу.

Уехали. А Ванюша взял лукошко и пошел в лес. Насобирав полное лукошко грибов, спрятал под елочку. А сам крикнул:

– Эй, Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

Сивка-бурка бежит, земля дрожит, из ноздрей жар пышет, хвост по полу тащится, грива по земле волочится. Прибежал, встал как вкопанный.

– Что, Ванюша, тебе надо?

– Да вот, говорят, царь отдаст дочь замуж за того, кто достанет кольцо у ней с руки. Мои братья уехали, а у меня и лошади нет.

– Ну так что, эта служба не такая уж большая: давай залезай в правое ухо, вылезай в левое.

Иван залез в правое ухо, вылез в левое. Сделался таким красивым, чистым, опрятным, и одежда на нем другая стала.

– Теперь, – говорит Сивка-бурка, – садись на меня.

Сел Ванюша на него и погнал. Приехал в город, а людей там на площади видимо-невидимо. Кто хочет кольцо доставать, а кто и просто так посмотреть пришел, как другие доставать будут. А царская дочь сидит на подоконнике и руку вниз спустила. А кольцо золотое у нее на руке так и светится, так и сверкает.

Разогнал Ванюша Сивку-бурку, подскочил – немного до кольца не дотянулся. Прогнал дальше и уехал снова в лес.

А Сивка-бурка его утешает:

– Да, оплошали мы, ну ничего, в следующий раз достанем.

Залез Иван коню в правое ухо, вылез в левое. Опять такой же Ванька стал. Отпустил Сивку-бурку гулять, а сам взял лукошко с грибами и пошел домой.

А братья приезжают и говорят:

– Ух, Ванька, какой там приезжал парень! Да на какой лошади, всем нашим лошадям не чета! Да какой он красивый, да как он одетый! Да ведь прыгнул и чуть-чуть не достал, а мы никто и близко не достали.

На следующее воскресенье снова братья собрались ехать. Опять они своих лошадей моют, чистят, сами чисто одеваются. А Ванька говорит:

– Возьмите меня с собой, я хоть погляжу, что там за невеста.

– Куда тебя такого грязного! Сиди на печи да перегребай золу. Нечего тебе там делать!

Уехали. А Ванька взял лукошко и опять в лес пошел. Насобирав грибов, спрятал под елочку, закрыл лопушочками, а сам свистнул:

– Ш-ш-ш... Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

Сивка бежит, земля дрожит, жар из ноздрей пышет. Прибежал.

– Ну давай, – говорит, – ты теперь уже знаешь, что делать: залезай в одно ухо, вылезай в другое.

Ванька залез-вылез, сделался еще краше. На коня сел и погнал в город. Как разогнался Сивка-бурка на этот раз, Ванька как подпрыгнет – успел и кольцо снять, и царевну поцеловать. И опять в лес ускакал.

– Ну вот, на этот раз ты молодец, – Сивка-бурка ему говорит, – не оплошал, хорошо на мне усидел и хорошо подпрыгнул.

Отпустил Иван Сивку-бурку, а сам домой пошел с грибами. Только заходит в ограду – и братья заезжают.

– Ох, Ванька, ведь парень-то прежний опять приезжал, достал кольцо-то да еще успел царевну поцеловать. Да какой конь-то под ним красивый, да какой он сам нарядный!

– Да не я ли там был?

– Тебе ли быть такому.

Ну что, лошадей поставили, ужин сготовили, а Ванька на печь залез. Кольцо, что у царевны снял, надел на палец да и тряпочкой завязал, чтобы никто не видел. Лежит на печи, и охота ему стало рассмотреть, что за кольцо-то. Взял да и развязал тряпочку. А от золотого-то кольца такой свет пошел, такие искры посыпались! А братья-то увидели и говорят:

– Ванька, ты чего там спичками балуешься, подожжешь еще!

Ванька скорей тряпочкой кольцо завязал. Поужинали они и спать легли.

В следующее воскресенье должен был жених к невесте явиться. Невеста ждала-ждала, ждала-ждала – никто не явился, никто не пришел. И она вот что придумала: на другое воскресенье позвала всех парней и стала их пивом угощать. Ходит по комнате и всех, кто пришел, пивом угощает.

Братской тоже пошли к царской дочери на угощение, и Ванька побрел. Пришел, когда уже полна горница людей была. Прямо поместиться некуда. И он под самый порог, под умывальничек, сел, только там ему место и оказалось. Царевна всех пивом обнесла и дошла до Ваньки. Стал он кружку с пивом брать – царевна видит: а палец-то завязанный. Она спрашивает:

– А что это, молодец, у тебя палец-то завязанный?

– Да я, – говорит, – порезал.

Только она ему не поверила. Когда стала кружку обратно брать, взяла да и сдернула повязку-то. Золотое кольцо так и засветилось, так и засверкало, прямо всех вокруг ослепило. Тогда взяла она его за руку, подвела к столу и говорит:

– Вот, это мой жених.

Все удивились.

– Да как это? Ведь это же Ванька!

И братья смотрят.

– Так это же наш Ванька! Да где же ему!

Старший брат выходит, говорит:

– Ошиблись вы: наш Ванька вовсе не ходил кольцо доставать, у него и лошади-то нет.

А царская дочь все свое:

– Нет, это мой жених! Подождите покуда.

Повели Ваньку в баню. Вымыли его, вычистили, переодели и назад привели.

Встал он за стол рядышком с невестой, и все люди узнали.

– Правда, ведь этот парень-то и был!

И отдали царскую дочь за Ваньку замуж. Хотя и было обидно братьям, да деваться некуда. На свадьбе той было очень весело. И братьев, и всех-всех пригласили, и стали они жить да поживать и добра наживать.

42. Про Буренушку

Жили-были старик со старухой, и была у них доченька Машенька. Старуха умерла. Взял старик другую жену, да с двумя дочерьми. Мачеха есть мачеха: своих дочерей любила, а Машеньку нет. Своих дочерей работать не заставляла, а всю работу выполняла по дому Машенька: и стирала, и полы мыла, и скотину кормила. Мачехины же дочери только гуляли да играли.

Раз пошли они вечеровать к подружкам, и Машенька просится.

– Отпустите, – говорит, – и меня на вечерки*.

Мачеха отпускает:

– Ладно, иди, только вот я тебе кудели** дам, ты ее всю опряди, а потом и играть станешь.

Взяла Машенька эту куделю, а ее так много, что и за вечер не опрядеть, а поиграть так уж и вовсе времени не останется. Зашла она с этой куделей во двор, а во дворе корова, Буренушка. Она, эта Буренушка, еще при родной матери жила и была у Машеньки любимицей. Обняла она эту Буренушку за шею и говорит:

– Буренушка, матушка, как мне тяжело жить. Не любит меня мачеха, все-то меня заставляет делать: я и полы мою, я и стираю, я и варю. А ее дочери все только гуляют да бегают. Она их и на вечерки отпускает, и работушки не дает, а меня вот хоть и отпустила, дак столько кудели дала, что мне и за весь вечер не опрядеть. А если не опяду, она меня бить будет, ругать будет, больше никуда не отпустит.

Буренушка пожалела ее и говорит:

– Ладно, Машенька, не плачь, давай куделю, толкай ее мне в рот, а из уха клубочки мотай.

Машенька так и сделала. Корова стала эту куделю жевать, а из ушей у нее нитки пошли. Стала Машенька их доставать да в клубочки мотать. Мотала, мотала, намотала несколько клубочков, в фартук положила, сняла фартучек с себя, под крымечко спрятала, а сама на вечерки побежала. И такая была веселая, со всеми играла и песни пела.

А когда стали расходиться, она взяла фартучек с клубочками и принесла домой.

– Вот, – говорит, – я напярала.

Мачеха удивилась:

– Молодец, много ты сделала. Ладно, можно тебя и на следующий раз отпустить.

Опять все на вечерки собрались, и Машенька просится:

– Можно и мне сходить?

Мачеха отвечает:

– Иди, только кудель опряди и моты*** смотай!

И дала ей кудели больше прежнего.

Пошла Машенька к Буренушке, упала на шею, заплакала:

– Буренушка, отпустили меня погулять, а работы дали больше прежнего. Где же я столько напряду да в моты смотаю, как это я все сделаю?

А Буренушка говорит:

– Не плачь, Машенька, толкай мне в рот свою куделю, а сама моты мотай.

Столкала Машенька куделю Буренушке в рот, а сама только моты мотает. Смотала все и опять в фартучек завернула, под крылечко спрятала и на вечерки побежала. Очень ей там понравилось, даже парень один приглянулся. Ну, а когда стали все домой расходиться, она тоже пошла, моты забрала, принесла мачехе. Та удивилась, что она так много сделала, и на следующий вечер уже сама посылает:

– Иди, но не только моты смотай, а и холсты вытки.

Машенька думает: «Как это я холсты вытку? В один вечер и куделю опрядь, и моты смотать, и холсты соткать?» Пошла опять к Буренушке. Буренушка говорит:

– Не плачь, я тебе помогу!

Стала опять Буренушка куделю жевать, а из ушей у нее готовые холсты выходят. Машенька эти холсты только складывает. Сложила, спрятала под крыльцо, а сама на вечерки побежала. Поиграла там, а парень тот, который ей приглянулся, стал ее сватать.

– Пойдешь, – говорит, – за меня замуж?

А Машенька отвечает:

– Меня замуж не отдадут: ведь я в семье все делаю.

Вернулась Машенька домой, холсты из-под крыльца достала и мачехе отдала. А той понравилось, что самой прясть не надо и дочерей не надо заставлять, на следующий вечер снова Машеньку посылает.

– Иди, – говорит, – веселись, только сделай теперь не простые холсты, а с рисунками.

И кудели дала больше прежнего.

Побежала Машенька к Буренушке, а мачеха следит за ней. Следит и видит, что это Буренушка ей помогает. На следующий день говорит мачеха своему старику:

– Давай Буренушку зарежем!

Старик и рот раскрыл.

– Ты че, баба, белены объелась? Как же это мы без Буренушки-то жить будем?

– Нет, – говорит, – я от такой коровы даже и молока не хочу, не надо мне такой коровы!

Спорила, спорила, переспорила старика. Согласился он корову зарезать. А Машенька услышала, побежала к Буренушке, упала ей на шею и говорит:

– Буренушка, матушка, тебя зарезать хотят.

А Буренушка ей отвечает:

– Не плачь, Машенька: я уже старая, пора бы мне и умирать, все равно когда-то смерть должна прийти! Пусть меня зарежут, только ты все косточки мои собери в лукошечко и под окошечко закопай.

Машенька так и сделала: все мясо едят, а она под столом сидит, все косточки собирает. Собрала все косточки в лукошечко и тайком от всех под окошечко закопала. А через некоторое время под окном вырос сад, да такой расчудесный: яблони, вишни, сливы – чего в нем только нет! А когда мачеха Машеньку посылает что-нибудь сделать, она в этот сад бежит – и все само как-то быстро и легко делается, и ветки сами наклоняются, чтобы она яблочек поела, и птицы поют. А как только зайдут в этот сад мачехины дочери, птицы их клевать начинают, а все ветки вверх поднимаются. И они боялись и не любили в этот сад

ходить. Мачеха видит, что ее дочерей этот сад не любит, и говорит опять старику:

– Давай Машеньку отдадим замуж, пусть она уйдет, а сад останется моим девочкам. Они будут в этот сад ходить и всю работу выполнять легко.

Старик согласился. А тут и жених есть – парень, которому она на вечерках полюбилась. Сыграли свадьбку, а когда их от венца везли в дом жениха на другой конец деревни, сад встал и следом пошел. И где Машенька стала жить, там и сад этот стал расти под ее окнами.

Осталась мачеха и без Машеньки, которая выполняла всю работу по дому, и без сада, который помогал Машеньке во всем. Осталась она со своими дочерьми, и пришлось им выполнять всю работу самим.

* Вечерки – *посиделки, сбор молодежи в вечернее время в одном из домов для игр и работы.*

** Кудель – *льняное волокно, из которого прядут нити.*

*** Моты – *большие мотки ниток.*

43. Иван Мельников

Жили старик со старухой, и был у них сын, Иван Мельников. Старик со старухой умерли, осталась Ивану от родителей мельница, только молода она плохо. Поводилась к нему ходить лисица – лизать брусок на мельнице.

Иван Мельников и говорит ей:

– Ты у меня, лисица, доходишься брус лизать – я тебя убью.

– Не бей меня, – говорит лисица, – я тебе на пору-на время сгожусь.

Вышла она на угор и легла. Бегут два волка и спрашивают:

– Что, лиса, покатываешься, поваливаешься?

– Я, – говорит хитрая, – тут у царя в гостях была да опять хочу идти.

– Возьми, – говорят, – нас с собой.

– Ну, пойдете.

Пришли они к царю.

– Вы, – говорит лиса волкам, – постойте-ка тут за воротами, а я пойду схожу.

Зашла она к царю во дворец и говорит:

– Царь, великий государь, не изволь казнить, а изволь слово говорить.

– Говори!

– Мой хозяин, Иван Мельников, послал тебе пару волков.

– Пойдите, слуги, заберите, – царь приказывает.

Слуги ушли, волков забрали, а лису угостили. С тем она и ушла. Пришла и опять на угоре развалилась. Идут два медведя и спрашивают ее:

– Что, лиса, поваливаешься, что покатываешься?

– Я у царя в гостях была да опять хочу идти.

– Возьми и нас с собой.

– Ну, пойдете.

Она их с собой взяла во дворец, у входа оставила, а сама прямо к царю. Опять просит:

– Царь, великий государь, не изволь казнить, а изволь слово говорить.

– Говори!

– Иван Мельников послал тебе пару медведей.

– Пойдите, слуги, заберите, – говорит царь.

Слуги медведей забрали, а лису опять угостили.

Пошла лиса обратно на тот угор. Бежит пара куниц.

– Что, лиса, поваливаешься, покатываешься?

– А я, – говорит, – у царя была в гостях да опять пойду.

– Возьми нас с собой.

Вот пошли они к царю. Пришли, а лиса опять свое.

– Царь, – говорит, – великий государь, не изволь казнить, а изволь слово говорить.

– Говори!

– Иван Мельников послал тебе пару куниц.

– Пойдите, – говорит царь слугам, – заберите.

Опять лису угостили.

Пошла она опять на угор. Бежит пара хорьков.

– Что, лиса, поваливаешься, что покатываешься?

– А я, – говорит, – у царя в гостях была, снова хочу идти.

– Возьми нас с собой.

И с этими так же было. И вот выдумала лиса сватать царскую дочь. Пришла к царю, начала сватать.

– Иван Мельников, – говорит, – задумал жениться и велел посватать вашу дочь.

Царь подумал-подумал и согласился.

Пришла лиса к Ивану Мельникову и говорит:

– Иван, я за тебя высватала царскую дочь, поехали к царю.

А Иван ей:

– Да ты что? Мою бедность не знаешь? В чем я поеду? Мне на себя и накинуть нечего.

А лиса ему:

– Поезжай как есть.

Приехали. Лиса Ивана Мельникова за воротами оставила, а сама к царю.

– Царь, великий государь, не изволь казнить, изволь слово говорить. Ехали мы к тебе в лодке, везли с собой напитки-наедки. Лодка перевернулась, все из нее выпало, одежда вымокла. Теперь Ивану Мельникову стыдно тебе показаться.

Царь говорит слугам:

– Принесите одежду, в которой я к заутрене хожу.

Иван Мельников переоделся, пришел к царю. Сели они все за стол. А Ивану в царской одежде непривычно, стал он себя ошипывать, охорашиваться.

– Что, – спрашивает царь лису, – он у тебя ошипывается, охорашивается?

– Да он у нас в эдаком только на мельницу ходит, – лиса отвечает.

– Пойдите, – говорит царь, – слуги, принесите одежду, в которой я к обедне хожу.

Принесли Ивану одежду, надел он ее на себя. Вот свадьбу отвели, царя в гости к себе повезли. А лиса впереди бежит. Видит: ходят пастухи по берегу, пасут коров.

– Чьи вы, пастухи? – спрашивает лиса.
– Идола Проклятого.
– Не говорите, что Идола Проклятого, говорите, что Ивана Мельникова, не то царь вас казнит.

Вот царь мимо проезжает, спрашивает:

– Чьи вы, пастухи?

– Ивана Мельникова! – те ему отвечают.

Опять едут. Лиса видит: коней пастушат. Она опять:

– Чьи вы, пастухи?

– Идола Проклятого.

– Не говорите, что Идола Проклятого, говорите, что Ивана Мельникова, а то царь вас казнит.

Они так и сделали.

Едут дальше. Лиса видит: пастухи пасут овец стадо. Она и говорит опять:

– Чьи вы, пастухи?

– Идола Проклятого.

– Не говорите, что Идола Проклятого, говорите, что Ивана Мельникова. Царь, что следом едет, вас казнит, ежели так не скажете.

Ну, пастухи так и сказали.

Дальше лиса пастухов со свиньями и гусями встретила и им так же отвечать наказала.

Бежит дальше. Стоит на реке мельница. Забежала лиса на мельницу, спрашивает:

– Чьи вы, мельники?

– Идола Проклятого.

– Не говорите, что Идола Проклятого, говорите, что Ивана Мельникова.

Так они и назвались. А лиса добегают до дому самого Идола Проклятого. В дом забежала, говорит:

– Идол Проклятый, убирайся-ка из дому.

– Что такое? – Идол спрашивает.

– Царь едет, вас казнить хочет.

– Куда же мне деваться?

– Ступай в обмет* со всей семьей, в солому прячьтесь.

Вот они убежали, спрятались. Царь подъезжает, спрашивает:

– Чей это дом?

– Да Ивана Мельникова.

А дом хороший, двухэтажный. Зашли они в дом. Лиса их встретила. А на столе всякие кушанья, напитки стоят. Сидели они гостили, шутки шутили. Лиса и говорит:

– Давай, царь, еще одну шуточку сшутим: давай один обмет сожжем.

– Что ты, Лиса Семеновна: у вас скота много, обмет-то нужен.

– Да он у нас лишний.

Взяли и сожгли обмет. Идол Проклятый и сгорел со всей семьей.

Теперь Иван Мельников и царская дочь там живут.

* Обмет – стог соломы.

44. Про Иванушку

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жили да были старик со старухой, и был у них сын Иванушка. Вот старушка заболела и умерла. А старик взял другую жену с двумя мальчиками. Новая мать любила своих сыновей, а Ванюшку нет, и пищей его обижала, и работать заставляла больше, чем других. Выросли дети, и стало им лет по двадцать и больше. Провели они посев, мать им и говорит: «Пока делать нечего, поезжайте в город, заработайте деньги, нынче зимой вас женить будем. Купите для себя брюки, рубашки, фуражки и для будущих невесток подарки». Стала собирать их в путь-дорогу. Напекла им пирогов да шанег. А Ванюша все это слышал, и ему тоже захотелось заработать денег и купить наряды для себя и для невесты. Но мать его не пустила, а сказала: «Ты будешь чистить двор, пасти скот, помогать в хозяйстве». Ванюша заплакал. Пожалел его отец и говорит: «Ладно, Ваня, поди вместе с

братьями. А я за тебя здесь буду работать». И Ваня пошел с братьями. Но еды ему мать не собрала в котомку. Шли они, шли – устали. Сели – поели, а у Вани есть нечего. Пошли дальше, шли, шли, ночь настала. Костер разожгли, поели, переночевали, а у Ванюши есть нечего. Так и на второй, и на третий день. Не вытерпел он и попросил у братьев: «Дайте хоть один пирожок». Они дали ему половинку и дальше пошли. Шли, шли, устали, сели обедать. Ваня опять у них попросил шанежку. «Сколько ты будешь выпрашивать у нас? Зачем ты за нами идешь?» Набросились на него братья и избили, так глаза ему подбили, что он видеть не стал. Бросили его, а сами дальше пошли.

Лежит Ваня, едят его комары, мухи. Лежит он, поджидает себе смертеньки, прислушивается ко всему. И слышит: какие-то птицы прилетели и сели на дерево. А были это три вороны. Одна говорит: «Кар. Я новость знаю. Есть город, где нет воды. Люди копают колодцы, но воды никак не достанут. Все хотят пить и умирают от жажды». Вторая птица говорит: «Кар. Я тоже новость знаю. Заболела у царя дочь. Царь приказ издал: кто ее вылечит, тому и дочь в жены отдаст, и в приданое половину своих владений». Третья птица говорит: «Кар. Вот тут недалеко есть живая вода. Если кто-то капнул бы ее в колодец, появилась бы там вода. Если дал бы капельку царевне, она бы поправилась». Птицы улетели, а Ванюша стал шлепать по земле руками, искать воду. Круг прополз, другой прополз – и нашел. Помочил себе один глаз и стал видеть, помочил второй – и второй стал видеть. Он умылся этой водой, и у него все синяки сошли. И он понял, что это та вода, о которой птицы говорили. И захотелось ему тем людям помочь, о которых птицы рассказывали. Да как взять этой воды, в чем нести? Он думал-думал и придумал: нашел желудь, достал зернышко, в скорлупку набрал воды, закрыл пальцем и пустился в путь.

Долго ли, коротко ли шел, видит: лежит мышь, задавленная колесом. Жалко ему ее стало, он капнул этой водичкой, и мышка ожила. Спросила: «Как тебя, молодец, зовут?» Он назвался. Она поблагодарила: «Спасибо тебе,

Ваня. Когда потребуешь, ты меня позови». – «А как тебя позвать?» – «Скажи «пи-пи-пи», и я прибегу».

Пошел Ваня дальше. Шел, шел, устал, сел отдыхать на обочину дорожки, а на цветке ползает пчела без крылышек: кто-то ей крылышки объел. Жалко ему стало пчелку, он и ей дал водички. У пчелки крылышки выросли. Она тоже поблагодарила Ванюшу и сказала: «Если я тебе буду нужна, позови». – «Как тебя позвать?» – «Скажи «жу-жу-жу», и я прилечу».

Идет Ванюша дальше и слышит: кто-то стонет. Видит, за стогом сена волк. Его кто-то ранил, и он лежит, встать не может. Ваня взял и тоже его водичкой помазал. Волк его поблагодарил и сказал: «Если я потребуешь, ты меня позови». – «Как тебя позвать-то?» – «Скажи «у-у-у», и я прибегу».

Пошел Ваня дальше и нашел этот город, где нет воды. Видит: люди кругом колодцы копают, дети и женщины плачут, все просят пить, а воды нет. Он подошел, поздоровался с ними и сказал: «Сейчас будет вода». Капнул в колодец – и колодец стал наполняться водой, и даже через верх, образовался ручеек, а из ручейка небольшая речка. И люди прямо на колени попадали и пили эту воду, пока не напились. Потом начали домой воду носить, старики, малых детей поить.

И стали все просить Ивана, чтоб он остался жить в этом городе. Они-де построят дом для него, найдут невесту, справят большую свадьбу. Поблагодарил он людей, сказал, что ему еще работа есть, и пошел дальше.

Пошел Иван тот город искать, где у царя была дочь больная. Шел, шел и дошел. Пришел Иван во дворец и сказал, что может вылечить царскую дочь. А ему никто не верит, говорят: «Такие врачи знаменитые лечили – не вылечили, а тут какой-то прохожий лечить берется». Но Иван на своем стоит: «Проводите меня в ту спальню, где царевна лежит». Проводили его и оставили там с царевной. Он остатки воды ей выпить дал, и царская дочь зашевелилась, открыла глазки. А была она очень красивая и Ванюше очень понравилась. Он стал с ней разговаривать, и она его полюбила.

После этого стали собирать свадьбу, стали показы-

вать людям царского жениха. При этом показе увидели Ванюшу братья. И такая их зависть взяла, что Ванька царским зятем будет, – решили они его извести. Пришли к царю, упали на колени и сказали, что они этого парня знают, он колдун. А если хочешь, мол, проверить, то заставь его, например, под страхом смерти скирды* обмолотить в одну ночь.

Задумался царь, а потом вызвал Ванюшу и говорит: «Не хочу я отдавать за тебя свою дочь. Вот если обмолотишь в одну ночь скирды – тогда отдам. А не то мой меч – твоя голова с плеч».

Заплакал Ваня, идет от царя и все думает: как же обмолотить эти скирды за одну ночь? Вспомнил про мышку, что помочь ему обещалась, и позвал ее: «Пи-пи-пи». Прибежала мышка: «Что тебе надо, Ваня?» – «Мне надо обмолотить скирды в одну ночь». – «Вставай завтра пораньше, иди на ток**, бери лопату и загребай зерно». А сама побежала, всех мышей собрала, и те за ночь все разобрали: зерно в одну кучу, солому в другую. А утром Ваня встал и зерно лопатой подгребают.

Царь увидел это – понравился ему зять. И снова стал он готовить свадьбу.

А братья снова пришли к царю и говорят: «Не отдавай за него дочь: он колдун и похвастается построить восковый замок».

Вызвал царь Ванюшу к себе и говорит: «Не хочу отдавать за тебя свою дочь. Вот если ты построишь в одну ночь восковый замок – тогда отдам. А то мой меч – твоя голова с плеч».

Заплакал Ваня, пошел и про пчелку вспомнил, позвал ее: «Жу-жу-жу». И прилетела к нему пчела. Он рассказал ей про свою беду, что надо в одну ночь восковый замок построить. Пчелка говорит: «Вставай утром пораньше и поколачивай зауголочки молоточком». А сама всех пчел созвала, стали они воск носить и замок строить. К утру построили, а Иван встал и ходит вокруг, зауголочки молоточком поколачивает. Проснулся царь, увидел восковый замок и стал снова свадьбу готовить.

А братья снова явились на поклон к царю и говорят: «Не отдавай дочь: он колдун и похвастается зверей со всего леса собрать».

Царь Ванюшу вызывает и говорит: «Соберешь зверей со всего леса – отдам дочь. А то мой меч – твоя голова с плеч».

Заплакал Ваня, пошел к лесочку. И вспомнил про волка, позвал его: «У-у-у-у». Волк прибежал. Рассказал ему Ваня о своем горе. Волк говорит: «Садись на меня, держись за уши», – и повез его в лес. Там было дупло. «Слезь с меня, возьми из этого дупла плетку и трубу», – говорит волк. Ванюша слез, взял и снова сел на волка. Волк побежал по лесу, а Ванюша в трубу заиграл, защелкал плеткой и всех зверей пригнал к царскому двору. А звери были злые, друг друга кусали, визжали. Царь от этого шума проснулся и закричал: «Отгоните этих зверей обратно». А Иван говорит: «Нет, не отгоню. Пусть они разорвут тех людей, которые мне зло чинили и наговаривали на меня».

Царю деваться некуда. Он и показал Ване его братьев. Они упали на колени перед ним и попросили у него прощения. И царь за них заступился: «Прости их, Ванюша. Я отдам за тебя дочь и соберу большую свадьбу, а когда умру – будешь царем». И простил Ванюша братьев, и была веселая большая свадьба.

И я там была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало.

* Скирда – большой стог хлеба, сложенный по особому способу для хранения под открытым небом.

** Ток – место, где происходит обмолот зерна.

45. Морозко

Жили-были старик да старуха. Была у них одна дочь. Старуха умерла, а старик женился, взял другую, а у нее тоже была дочка. Старуха падчерицу невзлюбила и говорит старику:

– Старик, запряги лошадь и увези ее в лес!

Поплакал, поплакал старик, запряг лошадь, посадил свою дочь и повез в лес, оставил там под елочкой и уехал. Сидела, сидела девица, прибегает к ней Морозко и спрашивает:

– Тепло ли, девица, живешь, тепло ли, красная, живешь?

– Тепло, дедушко, тепло! – она отвечает, а одежда на ней плохонькая, совсем не греет.

Убежал Морозко, еще мороза подбавил, опять прибежал, подпрыгивает, подскакивает.

– Тепло ли тебе, девица, тепло ли, красная?

– Тепло, дедушко, тепло!

Понравилось это Морозке. Убежал он, принес ей шубу, валенки, шаль большую. Оделась девица и сидит-посиживает, больше не мерзнет, тепло ей стало. Морозко опять прибежал.

– Тепло ли тебе, девица, тепло ли, красная?

– Тепло, дедушко, тепло. Ой, спасибо!

Морозко убежал, вернулся на тройке, два больших сундука привез: один синий, другой красный, – спрашивает:

– Какой, девица, возьмешь?

А птичка на елочке подсказывает:

– Синь-синь, синь-синь.

Девица послушала птичку и синий взяла. А в синем сундуке богатства много было всякого, полный сундук.

День прошел, два, неделя уж прошла. Вот старуха и говорит:

– Запрягай, старик, лошадь, дочь-то вези, пока волки не съели; а коли съели, дак захороним, могилку хоть будем знать.

Старик поехал в лес на то место, видит: дочь живая и здоровая, а рядом тройка лошадей стоит, сани да большой сундук. Они на этой тройке и поехали. Старуха дома блины печет, а собачка под окошком лает:

– Старикову дочь везут со скотом, с животом, с богатством.

Старуха ей блин бросила, говорит:

– Да не так лай. Лай «старикову дочь везут, косточки

в лукошечке стучат да бренчат, под окошечко летят».

Собака все равно по-своему лает. Старуха ее уж сковородником тычет – она все свое. Старик приехал. Старуха выбежала, ворота открыла. Господи! Девуца в шубе сидит, в шали богатой. А сундук-от открыли – там видимо-невидимо богатства.

Вот и вышла старикова дочь богатая невеста, женихи хорошие стали к ней свататься, и она вскоре замуж вышла. Старуха и говорит старику:

– Давай вези мою дочь тоже в лес.

Старик запряг лошадь, а старуха надела на свою дочь шубу, валенки, шаль, рукавичи хорошие, шубенки. Старик посадил девуцу под ту же елку, а сам уехал. Морозко опять прибежал.

– Тепло ли, девушка, живешь, тепло ли, красная, живешь?

– Нет, не тепло. Иди не досажай, Морозко.

Он еще раз вокруг елки оббежал, еще поддал морозу, опять спрашивает:

– Тепло ли тебе, девушка, тепло ли, красная?

Та пуще прежнего заругалась. Убежал Морозко, приезжает с сундуками.

– Какой сундук возьмешь, красный или синий?

А птичка опять:

– Синь, синь, синь, синь.

А старухина дочь ей:

– Иди, не указывай. Сама знаю, какой мне надо взять.

И красный взяла. Сундук не открывала, дальше сидит. Да пока сидела, Морозко ее и заморозил. Старик приехал, кокорочку на сани, на сундук положил и домой повез.

А старуха опять блины печет, дочь дожидает. Собачка лает:

– Старухину дочь везут, косточки в лукошечке стучат да бренчат, под окошечко летят.

Старуха ей блин дала и учит:

– Не так лай. Лай «старухина дочь едет со скотом, с животом, с богатством».

Сколь ни кормила, собачка все равно по-своему лает. Приехал старик, старуха обрадовалась, выбежала.

– Где дочь? Живая? Неживая? Застыла?

Старуха жадная была, к сундуку бросилась. Открыла сундук, а оттуда огонь выскочил, и все сгорело. Старик к дочери ушел жить, а старуха осталась на пепелище. Вот и все.

46. Про Ягишну

У матери было две дочери: одна родная, а другая нет. Отвела мачеха неродную дочь в лес и оставила там. Шла, шла девочка по лесу и набрела на избушку. Зашла в избу, а там жила Ягишна. Посылает Ягишна девочку по воду: «Иди, мила дочь, наноси решетом водички».

Зачерпнет девочка решетом – нет воды. А птичка ей поет: «Девица, глиной, глиной». Замазала девочка дно глиной и наносила полную бочку воды. Баба Яга дала ей шкатулку и отпустила домой.

Пришла девочка домой, а в шкатулке оказались деньги. Мачехе стало завидно, отвела она и свою дочку в лес. Дошла девочка до Ягишны. И ее Ягишна с решетом по воду послала. Птичка ей поет: «Девица, глиной, глиной». Она взяла кусочек глины и бросила в птичку. Птичка улетела. Сколько девица ни старалась, не смогла принести воды. Наказала ее Ягишна и отпустила ни с чем домой.

47. Семеро братьев и людоед

Жил-был старик со старухой, у них ребят было много – семеро. Всех надо было кормить, поить, одевать. Старуха была ребятам неродная мать и шибко их не любила. Вот выдался голодный год. Старуха и говорит старику: «Отведи ребятишек-то в лес и оставь там».

Все ребята спали, а самый маленький мальчик не спал. Он, как выслушал, что хотят их в лес отвести и там оставить, побежал на речку и полный карман набрал камешков.

Отец сказал: «Сегодня пойдем в лес дрова рубить». Повел он их в лес. Сначала дрова рубил вместе с ними, а потом елочка за елочку, лесинка за лесинку да и убежал от них, а ребята в лесу остались. Кричали они, кричали: «Тятя, тятя!» А он и голос не подал – убежал. Заплакали братья, не знают, куда деваться. А младший мальчик, самый маленький – его звали мальчик с пальчик, – говорит:

– Не плачьте, братья, я дорогу знаю.

– Как так?

– А я шел сзади всех и из кармана камешки бросал, а теперь по этим камешкам и дорогу найду.

Пошел он впереди всех и по этим камешкам вывел братьев домой.

Пришли они поздно ночью домой, сели на завалинку и сидят. А старик и говорит старухе:

– Напрасно я свел ребят-то в лес, они, поди, там замерзли, плачут.

А старуха ему:

– Ниче твоим ребятам не сделается.

А старику ребят жалко, заплакал он, вдруг слышит:

– Не плачь, отец, мы здесь!

Вышел старик и пустил ребят в избу.

Сколько-то времени прошло – опять старуха говорит:

– Старик, отведи детей в лес: кормить их вовсе нечем!

А мальчик с пальчик опять все слышал. Дал старик им всем по кусочку хлеба и опять повел в лес, а мальчик взял хлеб-то, есть не стал, позади всех пошел и по крошечке на дорогу бросал. Зашли в лес. Опять там дрова рубили, рубили, а потом елочка за елочку, пихтушка за пихтушку да и убежал от них старик. Опять ребята одни в лесу остались. Опять заплакали:

– Как мы теперь дорогу домой найдем?

А мальчик с пальчик говорит:

– Ребята, не плачьте, я дорогу найду! Я хлебушко кидал на дорожку!

Стал искать кусочки-то, а их нет на дорожке: птицы все склевали.

И стали они по лесу ходить, дорогу искать. Ходили, ходили, искали, искали, никак дорогу найти не могут. Смотрят: какая-то избушка, и маленький огонек светится. Пошли они к этой избушке. Подошли поближе, сели, слышат: кто-то там в избушке шевелится. Вышла из избы женщина, красивая, аккуратная. Увидела этих мальчишек и говорит:

– Мальчишки, зачем вы сюда пришли? Здесь людоед живет, он вас съест.

Ребятишки ей и отвечают:

– Нам деваться некуда, нас все равно волки съедят. Лучше мы здесь останемся. Может, людоед нас не съест, подавится.

Пожалела женщина мальчишек, пустила их в избушку. Напоила, накормила, обогрела, спрятала под кровать и говорит:

– Ночь-то сидите, а завтра я вас днем провожу, укажу дорогу.

Тут и людоед прилетает, говорит:

– Фу-фу, русским духом пахнет!

Женщина ему отвечает:

– Да ты налетался по Руси-то, вот от тебя и пахнет Русью!

– Нет, кто-то тут есть!

– Нет, никого у меня нету!

– Ну, напои меня и накорми.

Сел людоед есть, целого барана сразу съел и пива ведро выпил. А потом тут же за столом развалился и уснул. Братья увидали, как этот людоед ест, испугались, думают: «Как он утром проснется, как нас увидит, так и съест – вон он какой прожорливый!»

Решили парнишки бежать. Вышли на крыльцо, а там ботинки людоеда стояли, один парнишка-то и сунул в них ноги. А ботинки эти были скороходы. Как только он надел их, тут же и полетел. Кричит: «Держитесь, парни, все за меня!» Братья все за него поймались и понеслись по

воздуху. Высоко поднялись они, а брат командует: «Ветер могучий, неси нас домой, домой!»

А людоед проснулся, хватился – скороходов-то нет. Он заругался на эту женщину-то: «Кто у тебя был, кто мои скороходы надел?!» Бросился вдогонку, вот-вот догонит. А мальчишки только и думают: «Скорей бы, скорей бы только прилететь домой!» Видит людоед, что уже деревня близко, и вернулся обратно.

А братья прилетели домой, сели под окошечко и сидят, плачут. А старик слышал: кто-то всхлипывает, – вышел, а там дети. Обрадовался, опять их пустил домой.

Вот живут они, подрастают, и хочется им ту женщину поблагодарить, которая их спасла, и помочь ей от людоеда уйти. Пошли они снова в лес и набрали там на избушку. В ней жил какой-то старичок. Они ему и рассказали обо всем: как их мачеха не любит, как она их в лес отправляет, как отец слушается мачехи, как их в лесу оставляет и как их одна добрая женщина от людоеда спасла. «Нам бы, – говорят, – поблагодарить эту женщину и освободить ее от людоеда. Ведь мы думаем, что она ему не жена, а что он ее, наверно, приволок откуда-то». А старичок им и говорит: «Я вам помогу: дам волшебный гребень и покажу дорогу к избушке людоеда. Как от людоеда убежать будете, бросьте этот гребень позади себя – это вам поможет».

Поблагодарили братья старичка, взяли гребень и пошли, куда он им указал. Нашли избушку людоеда, женщину увидели и сказали, что они пришли за ней. Женщина заплакала:

– Я ведь, – говорит, – давно у людоеда живу и надежду совсем потеряла отсюда выбраться.

Братья ей говорят:

– Пойдем с нами, мы тебя выручим.

Побежали они. А в это время и людоед вернулся, хватился – женщины нет. Он учуял, что русским духом пахнет, понял, что кто-то был и женщину забрал. Бросился в погоню. Увидели братья, что людоед их догоняет, и бросили волшебный гребешок. И тут же высокий-высокий лес вырос, ни пройти его, ни проехать, ни пролететь, людоед и остался у этого леса.

Привели ребята добрую женщину домой, выгнали старика со старухой, а сами стали жить с этой женщиной, мамой ее называть да добра наживать.

48. Сестра и семеро братьев

Было в одной семье семеро мальчишек и одна девочка. Ну, так как была семья большая, матери было очень трудно, и она вскоре заболела и умерла. Все по дому стала делать девочка: и стирала, и убирала, – а мальчишки работали. Но отец вздумал еще жениться. Привел себе в дом женщину. Женщина эта не полюбила детей, так как они все сами делали, а ей хотелось быть полной хозяйкой. Не полюбила она детей и прокляла братьев. Превратились они в воронов и улетели из дома. А девочка только заметила, что стая ворон полетела.

Ей было жалко братьев, было одной скучно дома, и решила она их идти искать. Не сказалась ни отцу, ни мачехе, собралась, белый платочек надела, еды немножко взяла и пошла. Шла, шла все лесом, не знает, куда дальше идти.

Видит: стоит в лесу избушка на курьей ножке, туда-сюда поворачивается. Подошла она к этой избушке – а избушка от нее отвернулась; подошла с другого конца – а избушка в другую сторону повернулась. Села она под окошечко этой избушки, заплакала, попросила:

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом. Я ведь пришла с добром и со своим горюшком.

Тут избушка повернулась, и вышла оттуда женщина: нос длинный, сама косматая. Это была Баба Яга. Но девочка не испугалась, а припала к ней и говорит:

– Милая женщина, была у меня мама, она умерла. Отец женился, взял нам другую маму, а она нас не полюбила и прокляла моих братьев. Они превратились в воронов и улетели куда-то, а я хочу их найти.

Пожалела Баба Яга эту девочку и говорит:

– Помогу я тебе, потому что ты очень добрая и со мной ласковая. Дам я тебе клубок. Куда этот клубок покатится, туда ты за ним и иди.

Отпустила она этот клубок. Клубок катится, нитка тянется, а девочка все за клубочком шагает и шагает, шагает и шагает. Далеко-далеко ушла. Там уж не стало ни людей, ни жилища, какое-то поле пустое, а на нем помынь да лебеда. И солнышком жжет, жарко, пить хочется, но она все равно шагает. Смотрит: клубочек все меньше да меньше, все меньше да меньше. Девочка думает: «Вот он совсем потеряется, куда же пойду, мне теперь уж и не найти дорогу-то назад и братьев-то своих, поди, не найти». Идет, идет, устала, села отдохнуть и незаметно уснула. А пока она спала, прилетели на это поле семь воронов. Смотрят, девочка. Кто такая? Сколько летали, никогда тут никого не замечали. С той стороны залетят, посмотрят, с другой стороны посмотрят. А один и говорит:

– Не наша ли это сестричка? Да нет, не наша. Если бы наша была, я бы ее по ручкам узнал.

Второй говорит:

– Да это ручки-то нашей сестры.

Третий говорит:

– Если бы это была наша сестричка, я бы ее по ножкам узнал.

А четвертый говорит:

– Да это ножки нашей сестры.

А пятый говорит:

– Если бы это была наша сестричка, я бы ее по головке, по волосикам узнал.

А шестой говорит:

– Да ведь это волосики нашей сестры!

А седьмой говорит:

– А я бы ее по глазкам узнал. У нашей сестрички глаза голубые, красивые.

Тут девочка проснулась, открыла глазки. Они все сразу увидели, что это и есть их сестра. Обрадовались, крыльями захлопали. Девочка сначала не поняла, что это ее братья, а потом вспомнила, что каких-то птиц видела

перед тем, как ее братья исчезли. Она обрадовалась, а они еще пуше, и вот с радости все запрыгали, запрыгали, закричали, и перья с них спали эти проклятые. И они сделались такими красивыми мальчиками, как и были. Все стали между собой целоваться, миловаться. А девочка говорит:

– Пойдемте домой.

А братья ей возражают:

– Нет, дома нас мачеха снова проклянет.

Она говорит:

– Нет, теперь я уж этого не позволю.

И вот они идут, идут, идут все обратно по этой нитке, клубочек сматывают. И снова пришли к избушке Бабы Яги. А избушка опять туда-сюда вертится. Девочка ей и говорит:

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом.

Избушка повернулась. Девочка говорит Бабе Яге:

– Спасибо тебе, милая женщина, за то, что ты дала мне этот клубочек. Вот он, мы его свернули и обратно принесли.

Поблагодарили и братья Бабу Ягу и Бабой Ягой ее не называли, а называли просто: милая женщина. Бабе Яге это так понравилось, она и говорит:

– Люди меня не любят, но раз вы меня так ласково зовете и так хорошо ко мне относитесь, то я для вас тоже хорошее сделаю. Идите домой и живите, больше вас мачеха не сможет проклясть.

Ушли братья с сестрой домой и стали жить-поживать, и мачеха их больше не обижала.

49. Жадный бобыль*

Жил в одной деревне бобыль – старый-престарый. Пошел однажды бобыль в лес по дрова. Видит: стоит крепкий пенёк. «Вот дрова-то хороши будут», – думает бобыль.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

Подумал-подумал бобыль и говорит: «Избу бы получше». – «Ладно», – сказал груздок. Приходит бобыль домой, видит: вправду изба новая.

Вот зажил бобыль в новой избе. Через сколько-то времени вздумалось бобылю пожить получше. Приходит опять в лес.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

«Дом-то домом, а вот в начальники небось меня не выберут, хоть в десятники бы, а то перед каждым шею гни», – отвечал бобыль. «Ладно, выберут тебя в десятники», – сказал груздок.

Приходит бобыль домой – на селе сходка. Начали выбирать в разные должности. И старика бобыля в десятники избрали. Пожил он сколько-то – и десятником надоело. Пошел снова бобыль в лес.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

«Что уж, в десятниках я нажился – хуже собаки: бегай, суетись, все тобой распоряжаются: и сотник, и староста, и старшина. Вот в сотниках все же побольше силы-то», – говорит бобыль. «Выберут тебя и в сотники», – молвил груздок.

На сходке выбрали бобыля в сотники. Прошло сколько-то времени – и тут бобылю надоело. Пришел к заповедному пню.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

«То ли дело старостой быть», – говорит бобыль. «Ну, и в старосты выберут», – отвечал груздок. Выбрали бобыля в старосты. Мало бобылю власти показалось – пришел к пню и просится в старшины. И старшиной сделался.

Зажил в довольстве бобыль: и власть, и достаток. Да и этого мало ему показалось. Захотел бобыль грамоту знать и урядником сделаться. Пошел к пню.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

«Урядником бы сделаться», – отвечает бобыль. Сделался и урядником. Потом выпросился приставом, помощником исправника, исправником, губернатором и, наконец, царем. И этого мало ненасытному бобылю. Пошел в лес.

Стук, стук о пенечек – выскочил груздочек:

Что тебе надо, старичище,

Седая твоя бородища?

«Сделай ты меня, батюшка, Богом», – говорит бобыль.

Тут и вывел груздочка из терпения ненасытный бобыль. Оборотил он бобыля в медведя.

И оказывается поэтому, что медведь-то происходит от бобыля.

* Бобыль – пожилой, не имеющий семьи мужчина.

50. Чудесные санки

Жили старик со старухой. У них было три дочери да сын. Мать им говорит: «Я умру, дак меня в пестеречек* да под шесточек** поставьте». А отец говорит: «Я умру, дак меня в лукошечко да под окошечко спустите».

Вот отец с матерью умерли – дети все исполнили. Стало им нечем жить. Они сделали саночки-самокатки, сели все на них, поехали и запели:

Катитесь вы, санки,

Катитесь, дубовые,

С горки на горку

На чужу сторонку.

Батюшки нет,

И матушки не бывало.

Докатились они до сада — много в нем яблок. Брат пошел яблок наломать. Поймала его Баба Яга и не отпустила. А девочки дальше поехали и опять запели:

Катитесь вы, санки,
Катитесь, дубовые,
С горки на горку
На чужу сторонку.
Батюшки нет,
Матушки не бывало,
И братца оставили.

Докатились они до другого яблоневого сада. Младшая сестра полезла по яблочкам. Баба Яга поймала ее и заперла в своем доме. Две сестры дальше поехали и опять запели:

Катитесь вы, санки,
Катитесь, дубовые,
С горки на горку
На чужу сторонку.
Батюшки нет,
И матушки не бывало.
И братца оставили,
И сестрицу оставили.

Докатились они до третьего сада. Средняя сестра полезла по яблочкам. Баба Яга и ее поймала и тоже заперла в своем доме. Одна сестра поехала и запела:

Катитесь вы, санки,
Катитесь, дубовые,
С горки на горку
На чужу сторонку.
Батюшки нет,
Матушки не бывало.
Братца оставили
И сестрицу оставили,
И вторая сестрица осталась.

Доехала она до сада, увидела много ягод, стала соби-

рать. Баба Яга и ее поймала. И все сестры и брат оказались в одном доме.

Послала Баба Яга младшую девочку по воду. Пришла девочка в сад, увидела возле колодца дуб и залезла на него. Баба Яга не дождалась ее и послала вторую девочку. Вторая пошла, увидела дуб и тоже залезла на него. Опять Баба Яга не дождалась и послала последнюю девочку. Та тоже залезла на дуб. Ждала, ждала Баба Яга, не дождалась и пошла сама по воду. Заглянула в колодец, увидела отражение девочек в воде, кинулась их доставать, а мальчик подбежал и закрыл колодец крышкой. Там она и утонула. А они стали жить-поживать в ее доме.

* Пестеречек, пестерь – заплечный короб, сплетенный из лыка или коры.

** Шесточек, шесток – место перед устьем (отверстием) русской печи.

51. Чудесные жернова

Жили старух со старухой, у них ничего не было – только две курочки да петух. Курочки с петухом греблись-греблись и жернова выгребли. Подобрали эти жернова, старик их взял и говорит: «Меленка, мели!»

Меленка начала молоть муку, старуха стала лепешки стряпать, сытушки стали. Узнал про это барин, приехал и говорит:

– Отдай, дедушка, жернова!

Старик говорит:

– Нет, не отдам.

– Отдай.

– Нет, не отдам.

Бился, бился старик, но барин отобрал жернова и увез. Узнал об этом петух, полетел за барином. Барин ушел в дом, а петух сел на забор и кричит:

– Ку-ка-ре-ку, барин, отдай жернова!

Барину надоело его слушать, он говорит:

– Слуги, слуги, бросьте петуха в стадо, чтобы его быки затоптали.

Слуги посадили петуха в стадо, а петух залез на быка и опять кричит:

– Ку-ка-ре-ку, барин, отдай жернова!

Барин говорит:

– Вы что, не можете петуха уничтожить? Бросьте его в колодезь.

А в колодезе-то воды мало было. Посадили петуха туда, он сел и говорит:

– Задок, пей, задок, пей, задок, всю воду выпей!

Задок всю воду и выпил. Открыли колодезь – петушок вылетел, опять залез на ворота и кричит:

– Барин, отдай жернова, барин, отдай жернова!

Барину опять это надоело.

– Слуги, затопите баню, бросьте его туда, чтобы он там сдох.

Баню натопили, петуха туда бросили. А петушок говорит:

– Задок, лей, задок, лей, всю воду вылей.

Задок всю воду вылил и каменку залил. Петух вылетел. Побежали слуги, хотели петуха закопать, а он вылетел на ворота и кричит:

– Ку-ка-ре-ку, отдай, барин, жернова!

Барину надоело.

– Идите, слуги, заколите петуха и изжарьте, я его съем.

Побежали слуги, закололи петуха, изжарили и поднесли барину. Съел барин петуха, пошел по нужде, а петух высунулся и кричит:

– Отдай, барин, жернова!

Барин кричит:

– Слуги, бегите, берите топор и рубите его: вон он высунулся.

Один слуга взял топор и попал по барину, тот еле жив остался. Тогда барин говорит:

– Берите этого петуха и жернова и везите обратно старику.

Отвезли петуха – и снова у стариков были лепешки, шаньги и пироги.

52. Как ветер муку унес

Сказок раньше много было. Был и такой сказ. Жили недалеко друг от друга два брата. Один брат был бездетный и богатый, а у второго брата было много детей, и был он такой бедный, что и кормить ему их было нечем. Решил бедный брат у богатого попросить взаймы муки. Пришел и говорит: «Братец, дай мне муки взаймы». А тот ему: «Я тебе уже много муки давал, да ты никогда не возвращаешь». Но все-таки дал ему ведро муки. Пошел бедный брат, понес это ведро, вдруг откуда ни возьмись поднялся сильный ветер – муку из ведра выдуло и унесло. Пришел мужик домой без муки, пришел и заплакал, думает: «Где бы мне найти этот ветер, я бы ему сказал! Почему он моих детей оставил голодом, почему он не дал муку донести, которую мне брат с таким трудом одолжил!» И решил он искать идти этот ветер, чтобы тот ему муку вернул.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, не знает ведь, где ветер живет. И вот в лесу набрел на избушку. Стоит избушка на куриных ножках, туда-сюда поворачивается. Подошел он к этой избушке и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась, он зашел, а в этой избушке сидит Баба Яга – костяная нога, а нос у ней в потолок врос. Он и говорит:

– Милая бабушка, трудно тебе так сидеть?

– Да, – говорит Баба Яга, – трудно.

– Дай-ка я тебя освобожу.

Взял он ей нос из потолка достал, голову поправил. Пожил у ней денька три, рассказал ей все: «Живу-то я плохо, детей у меня много. Занял я муки у брата, а ветер дунул и выдул у меня всю муку, нечем мне теперь детей кормить. Пошел вот теперь этот ветер искать». Баба Яга раздобрилась, пожалела этого мужичка и дала ему волшебный клубок. «Вот, – говорит, – иди. Куда этот клубок покатится, туда и ты шагай. Дорога будет трудная, дальняя. Дойдешь до места, где дорога на три разделится. Вправо

пойдешь – смерть найдешь; влево пойдешь – уродом будешь. А ты иди прямо, никуда не сворачивай. Там всякие звери будут рычать, кидаться, а ты не бойся, все иди, иди: они тебя все равно не тронут, потому что ты за клубочком идешь. В конце концов клубок приведет тебя на высокую гору, где ветер живет».

И вот пошел мужик. Шел, шел, видит: дорога на три части разветвилась. Но он вправо не пошел и влево не пошел, хотя там дороги были лучше, а пошел прямо. И вот дошел до такого места, где всякое зверье на него стало рычать-кидаться: волки, медведи, рыси. Страшно мужику идти, но все равно идет. Идет, идет, к зверям обращается ласково: «Звери, не трогайте меня, и я вас не обижу. Я иду по своим делам. Я иду к ветру, спросить, почему он у меня муку из ведра выдул, почему моих детей голодом оставил». И звери его не тронули.

Все идет, идет, идет мужик и дошел до большой горы. Поднялся на нее, видит: сидит там не то человек, не то зверь. Толстый, щеки у него красные, глаза на выпучку, дует-дует, и получается ветер. Мужик и думает: «То ли ругаться мне с ним, то ли ласково обойтись. Нет, руганью я тут ничего не сделаю, надо тут лаской». Подошел к нему, упал в ноги и говорит: «Ветер, ветер, ты могуч. Зачем же ты, такой сильный, такой хороший, оставил моих детей голодом? Зачем же ты у меня муку-то из ведра выдунул? Мне же детей кормить нечем, я же эту муку у брата занял, чтобы детей покормить, а ты у меня ее отнял».

Слушал, слушал ветер, даже дуть перестал, а потом и говорит: «Ну, раз уж ты ко мне так отнесся хорошо, раз ты меня назвал ласковым именем, а не обругал за то, что я у тебя муку выдул, дам я тебе за это скатерть-самобранку. Понеси эту скатерть домой. Там развернешь ее – и на столе у вас будет пища, и дети твои наедятся. А потом снова завернешь. Но кормить она вас будет только один раз в день, а остальное время вы должны сами работать и детей к работе приучать. Так будешь своих детей кормить, пока они не вырастут. А когда они вырастут, эта скатерть уже износится и кормить вас не будет, так что старайся детей

воспитать хорошо, чтоб они встали на ноги и работали».

Взял мужик скатерть и назад пошел. Пошел, а клубок у него обратно покатился. Зашел он на обратном пути к Бабе Яге и поблагодарил ее за то, что она ему такой клубочек дала. Рассказал он ей, что нашел ветер, который у него муку унес, что тот дал ему скатерть, которая будет кормить его детей. Вернулся мужик домой, и, действительно, эта скатерть стала ему помогать. Один раз в день она их кормила до тех пор, пока дети не подросли. А когда скатерть изнасилась, они уже сами работать научились и стали жить-поживать да добра наживать.

53. Скатерть, развернись!

Жили-были старик со старухой. Старик лапти плел, а старуха была ленивая – ничего не делала, все больше на печи лежала. Жили они бедно, земли у них не было. Настало лето, хлеб поспел, и пошла старуха на чужое поле колоски обрезать. Колосков нарежет, принесет домой, кашу сварит из зерна. А старик все лапти плетет.

И вот однажды пошла старуха опять за колосьями, слышит: кто-то идет. Она испугалась, спряталась за елку – а елка была широкая, большая – и сидит. Смотрит: подошли двое мужчин. Подошли, тоже сели к этой же елке, что-то достали из-под корня и говорят: «Скатерть, развернись!» У них скатерть развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко налилось. «Кашка, заварись!» Кашка заварилась. «Хлебушко, появись!» Хлебушко появился. Они поели этой каши с хлебушком. «По рюмочке!» И по рюмочке появилось.

Вот они наелись, напились, опять скатерть свернули, спрятали под корень и ушли. А старуха все выглядела, куда они эту скатерть положили, схватила скатерть и притащила домой, а старику не показывает. Говорит:

– Ступай, старик, куда-нибудь!

Он говорит:

– Да я и так щас пойду лапти продавать на базар. Ушел.

Старуха скатерть достала и говорит: «Скатерть, развернись!» Скатерть развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко налилось. «Кашка, заварись!» Кашка заварилась. «Хлебушко, появись!» Хлеб появился. «По рюмочке!» И рюмочка появилась. Старуха наелась, скатерть свернула обратно и спрятала, а сама пошла на печи лежать.

Старик пришел, лапти продал – чаю да хлебушка купил.

– Иди, старуха, есть!

– Нет, не хочу.

– Иди, старуха!

– Нет, не хочу.

Не стала со стариком есть и так сытая была.

Так и пошло. Вот уйдет старик в лес или на базар – старуха достанет эту скатерть, наестся, а старика не кормит. Старик думает: «Как это старуха у меня всегда сытая, чем она питается? Ничего ни стряпать, ни варить не стала, меня не кормит совсем».

Сказал, что в лес уйдет, а сам к окну приставил доску с обратной стороны, залез на нее и смотрит в окошечко, что старуха делать станет. А старуха вытащила из голбца скатерть, положила на стол и говорит: «Скатерть, развернись!» Скатерть-то и развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко налилось. Тут доска-то возьми да и подломись под стариком – он и полетел. Ему неудобно стало, он скорей-скорей встал да и убежал, не показавшись старухе-то.

Потом пришел домой и говорит: «Старуха, тебя соседка в гости заказывала!» Старуха и отправилась. А старик достал эту скатерть – знал теперь, где ее старуха держит, – достал и говорит: «Скатерть, развернись!» Скатерть развернулась. «Молочко, налейся!» Молочко налилось. А дальше-то не знает, что говорить. Молочко-то из чашки-то и побежало на пол, ну и на полу много налилось молока-то, а старик не знает, куда деваться. Залез на лавку – до лавки молоко добежало; он на голбец* забрался – и до голбца молоко дошло; он на печь – и до печи. Старик на

полати – молоко и туда добирается. Все, полный дом молока стал.

Той порой старуха вернулась. Открыла она дверь-то – молоко на нее как хлынет! Она это увидела и закричала: «Кашка, заварись!» И кашка заварилась, и полный дом стал каши.

Ну, а старухе все-таки к старику-то как-то надо пробраться.

– Где ты, старик, живой?

– Живой!

– Ну дак давай, оттуда проедай дыру!

И вот они, чтобы друг к другу пробраться, стали есть, дак три года эту кашу ели. Все ели, ели, больше и не делали ничего, все этой кашей питались. Ну, подостатки-то уж потом лопатой выгребли и на улицу выбросили.

А люди все думают: «Где это они что берут?» А старик сначала всех деревенских мальчишек, которые плохо питались, а потом и всех людей, которые в их деревне плохо жили, стал с этой скатерти подкармливать.

Так они и дожили до старости. Уж кому потом эта скатерть досталась – неизвестно.

* Голбец – здесь: вход в подполье в виде небольшого деревянного помоста.

54. Лутонюшка

Жила-была одна женщина, и был у нее сын, звали его Лутонюшка. Женщина была очень красивая, работающая, а сын весь в нее. Жили они на берегу, около большого озера.

Лутонюшка соорудил себе лодку и стал на озере рыбу ловить. Это ему очень нравилось, и мать была довольна, так как он много рыбы привозил. Бывало, мать напечет пирогов да шанежек и пойдет к Лутонюшке на бережок. Придет и начнет его кликать:

Лу-ты-лу-ты, Лутонюшка!

Приплыви ко мне.

Кашка масленая,
Ложка крашеная!

Иногда Лутонюшка услышит, а иногда и не услышит.
Тогда она снова кричит:

Луты-луты, Лутонюшка!
Приплыви ко мне.
Шаньги масленные,
Пирожки квашеные!

Лутонюшка услышит, приплывет, отдаст ей рыбы ведро, поест у ней тут и опять уплывет. А она приходит домой, приберет эту рыбку, часть сварит, часть соседям снесет, ну а что лишнее, и продаст. На другой день Лутонюшка опять рано-рано уплывет, а мать снова днем идет к берегу его покормить. Опять кличет:

Луты-луты Лутонюшка!
Приплыви ко мне.
Кашка масленая,
Ложка крашеная!

Лутонюшка и приплывет к ней. Опять они обменяются: она ему пирожки, да шанежки, да кашку масленную, да молочка бутылочку, а он ей рыбы ведро.

А тут на берегу недалеко жила одна женщина, ведьма. А у этой ведьмы была дочь. Вот захотелось им этого Лутонюшку съесть. Ведьма подслушала, как мама Лутонюшку зовет, пришла раньше ее и кричит:

Луты-луты, Лутонюшка!
Приплыви ко мне.
Кашка масленая,
Ложка крашеная!

А Лутонюшка думал, что это мама его кричит. Приплыл, а ведьма его цап-царап в мешок и утащила домой. Утащила и закрыла, никуда не отпускает. И в тот же день велела дочери жарко истопить печь, чтобы изжарить Лутонюшку и съесть. Истопила дочь печь и говорит: «Иди, Лутонюшка, садись вот на лопату, я тебя в печь посажу». Ну, куда Лутонюшке деваться, пришлось сесть на лопату. Сел он на лопату, ноги раскинул: одну вправо, другую

влево, – а руки вверх поднял. Толкала, толкала она его на лопате, никак не может затолкать его в печь, говорит:

– Лутонюшка, что ты так-то, ты свернись, как кошечка. Он говорит:

– А я не умею, покажи мне как.

А она говорит:

– Да вот так! – легла сама на лопату-то и свернулась.

А Лутонюшка взял лопату-то, швырк в печь и заслонку припер. Ведьминна дочь и изжарилась. Хотел Лутонюшка убежать, но кругом все было заперто. Забрался он на полати, спрятался в угол и лежит.

Пришла ведьма.

– Ну, пахнет хорошо, вот я шас позавтракаю.

Раскрыла печь, достала мясо и начала есть. Наелась досыта и катается по полу.

– Эх, покатайся бы мне, поваляться бы мне на Лутонюшкиных-то косточках!

А Лутонюшка с полатей не вытерпел и говорит:

– Покатайся-ка, поваляйся-ка на дочериных-то косточках!

Она услышала, посмотрела, покликкала – и правда, дочери нет. Ну, думает, ладно, пуше того рассердилась на Лутонюшку:

– Изжарю я тебя, все равно съем!

Опять жарче того печь натопила. Лутонюшку поймала: сбежать ему некуда. Говорит:

– Садись на лопату.

Он сел, опять точно так же ноги в разные стороны растопырил, а руки вверх поднял. Она его толкала, толкала, никак не могла затолкать. Говорит:

– Дак, Лутонюшка, что это такое, неужели ты не можешь свернуться, как кошечка?!

– Это как, как кошечка? Я не умею.

– А вот так.

Лутонюшка говорит:

– Ну, покажите, как это?

Свернулась ведьма на лопате, а он швырк ее в печь и затолкнул. А сам закрыл заслонку покрепче, знает, что

в доме больше никого нет, стал дверь коверкать, ломать, выдергивать. Освободился и прибежал домой к маме, рассказал, что он у ведьмы был да что с ведьмой и ее дочерью справился. Мать его одобрила, похвалила, но на речку больше не отпускала, пока он не подрос. Он немножко подрос и снова стал рыбу ловить. И стали они жить-поживать и добра наживать. На том и сказке конец.

55. Ваня-полешко

Когда-тоя жили старик со старухой, не было у них детей. Взяли они полешко, стали его чесать и вычесали из полешка мальчика, Ванькой его назвали. Ванька стал ходить и все делать. А старики че – вот радехоньки стали, что, видишь, у них Ванька появился. Ванька все в доме делает, помогает.

А от них была речка недалёко. А на том берегу жила Баба Яга с тремя дочерьми. И вот они стали заманивать парня-то: «Давай, иди к нам, мы тебя блинами, шаньгами накормим». А тятя Ваньке наказывает: «Ты за речку не ходи: там Баба Яга живет». А у Ваньки лодка была, сделали ему старики, чтобы он рыбачить ездил. Он и уплыл в лодке на другой берег. Девки, дочери Бабы Яги, его подманили и у себя закрыли. А Баба Яга говорит старшей дочери: «Мы сейчас уйдем, а ты его к нашему приходу поджарь». Оставили дочь одну дома. Дочь печь жарко истопила и говорит: «Давай садись на лопату! Я тебя поджарю, мамка так велела». – «Ну как я сяду? Как я сяду? Я ни разу на лопате не сидел. Я не могу сесть! Ну-ка, ты покажи, как сесть-то!» Она села, ножки скорчила. Он ее в печку – раз! – толкнул, заслонку закрыл, подпором подпер – все, девка испеклась. А сам в подпол залез и сидит там под полом-то. Баба Яга приходит с девками, а уже на столе мясо-то. Смотрят, а третьей девки где-то нету, куды-то убежала, наверно. Ну, убежала и убежала. Они сели, сидят, нажрались мяса-то и валяются по полу: «Показаться бы, поваляться бы на Ванькиных-то косточках». А он

там в голбе кричит: «Покатайся, повалайся на дочеринных-то косточках!» – «Ух он, – говорит Баба Яга, – он дочь-то у нас испек!» Назавтра оставляет другую дочь: «Ты сильнее буди, ты его испеки!» – «Испеку!» – дочь обещает. Однако Ваня и ее так же испек. На третий раз уже третью дочь оставляет Баба Яга. И снова все повторилось. Всех сожрала сама Баба Яга. Тожно сама осталась и говорит: «Седня я все равно пожарчей печку истоплю, его испеку и съем». Печку истопила. Стала Ваню на лопату сажать. Ваня и говорит: «Ну как я сяду, если я ни разу на лопате не бывал? Ты, бабушка, пожалуйста, сядь сама и покажи мне и тожно испеки меня, раз шибко уж тебе охота мое мясо нсь». Села Баба Яга сама на лопату и говорит: «Давай вот так! Вот так, вот так укладывай руки». А у Бабы Яги когти большие, она не может их никак укласть. Как только уложила, он ее в печку – тур! – и испек. Жердью, что загодя приготовил, печку припер. Она кричала-кричала в печке и испеклась.

Тут отец приезжает, ищет его: «Где ты, где ты, наш Ванюша?» – «Я Бабу Ягу в печке испек, не бойтесь, сейчас Бабы Яги уж не будет за рекой!»

Шука да елец – там и сказке конец!

56. Бисдунок

Жил-был старик со старухой. Жили-жили, и не было у них детей. Вот они думают, как же бы им детей приобрести. Они поставили кадку на печь и все туда сложили: и мусор всякий, и помои, и всякую грязь. И все квасили, квасили, и все это у них там укисло. Они встали, посмотрели – а там мальчишка сидит, такой косматый, толстый. Они достали его оттуда. А как его назвать? И назвали его Бисдунок.

Вырос этот Бисдунок, стал большой, сильный, косматый, ест здорово. И вот однажды старуха села прясть и уронила в голбец клуб* да простень**. Послала Бисдунка:

– Сходи-ка, сынок, в голбец, достань-ка мне клуб да простень.

А Бисдунок был всегда жадный, голодный. Пока в голбец лазил, съел и клуб, и простень. Вылез и говорит: – А я съел клуб и простень. И тебя сейчас съем.

Пришел старик с топором с улицы, говорит: «Зачем же ты клуб с простнем съел? А баба где?» А он взял и старика съел с топором. Побежал по улице. Идет, а там мужики едут, сено везут на лошади. Смотрят: кто-то толстый такой шагает. Они остановились, спрашивают: «Что это ты идешь так?» А он взял да и проглотил и их всех вместе с возом и с лошадыю. Идет дальше. Видит: баба с коромыслом, ходила белье полоскать, несет на обоих концах коромысла белье. Он взял подошел к ней и ее съел.

Идет бык рогатый по деревне: «Му-му!» Бисдунок к нему подошел и его съел. Смотрит: ребята катаются с горы на санках. Гора крутая, а санки ребята большие притащили. Бисдунок и говорит: «Дайте, я прокачусь». Сел на сани. Они его с горы-то как толкнут попуше, он как покатился, покатился да и накатился саниями-то, своим пузом большим на угол бани. Пузо-то у него распоролось, оттуда и выскочили баба с клубком да с простнем, старик с топором, мужики с сеном, баба с ведрами и даже бык последний вышел. И все были очень рады. А Бисдунок, как пузо у него лопнуло, так и пропал. И не стало жадного Бисдунка. На том и сказке конец.

* Клуб – большой клубок ниток.

** Простень – веретено с нарядными нитками, полностью заполненное.

57. Глинышек

Жили-были дед и баба, детей у них не было. Вот баба и говорит деду: «Слепи-ка, дед, мальчика из глины и поставь на печку сушиться». Так дед и сделал: слепил мальчика из глины и положил на печку сушиться. Вечером с печки раздается голос: «Дедка, бабка, я есть хочу!» Посмотрели дед с бабкой на печку – а там живой мальчик.

Обрадовались старики, усадили мальчика за стол, накормили. Съел мальчик все, что было в доме, и запросил еще: «Съел я хлеба пять горбушек, молока пять кадушек и тебя, дед, съем». И съел деда. Съел и говорит бабке: «Съел я хлеба пять горбушек, молока пять кадушек, дедку с клюшкой и тебя, бабка, съем». И съел бабку. Вышел мальчик на улицу, смотрит: косари идут – и говорит им: «Съел я хлеба пять горбушек, молока пять кадушек, дедку с клюшкой, бабку с прялкой и вас, косари, съем». И косарей съел. Идет дальше, а навстречу ему лесорубы. И говорит он им: «Съел я хлеба пять горбушек, молока пять кадушек, дедку с клюшкой, бабку с прялкой, косарей с косами и вас, лесорубы, съем». И съел. Идет дальше, повстречался ему баран с большими рогами. И говорит мальчик барану: «Съел я хлеба пять горбушек, молока пять кадушек, дедку с клюшкой, бабку с прялкой, косарей с косами, лесорубов с топорами и тебя, баран, съем». А баран ему отвечает: «Ты встань под горку и открой рот пошире, а я разбежусь и прыгну прямо тебе в рот». Послушал его мальчик, встал под горкой, раскрыл рот. Баран разбежался да как ударит мальчика – тот и разлепился. Глина рассыпалась, и вышли на свет дедка с клюшкой, бабка с прялкой, косари с косами и лесорубы с топорами.

58. Нюрочка-снегурочка

Жили-были старик со старухой, а детей у них не было. А раз нет детей, значит, нет и внуков. Как же им быть? Все-таки хотелось дочь или внучку приобрести. Взяли да из снега девочку и слепили. А когда сели обедать, вдруг в комнату заходит девочка и говорит:

– Папа, мама, я тоже есть хочу.

Они обрадовались, что их назвали папой и мамой.

– А кто, – говорят, – ты такая?

– А я Нюрочка-снегурочка. Вот та, что вы сейчас из снега слепили.

Они тем более обрадовались. Посадили ее за стол, не знают, чем ее и напоить, чем и накормить, все угощения перед ней переставили.

И стала она у них жить. Вот зима прошла, стало тепло. Ягоды выросли. Прибежали подружки и говорят:

– Отпустите Нюрочку-снегурочку за ягодами.

А старики:

– Нет, не отпустим: она еще у нас маленькая.

А подружки настаивают: отпустите да отпустите, отпустите да отпустите. А старикам тоже охота ягодок, они взяли да отпустили. Дали ей красивую-красивую чашечку. Вот побежали девочки со своими чашечками, катают эти чашечки по земле и говорят:

– Чашечка, чашечка, полная-волная, верховата!

Прибежали в лес и стали ягоды собирать. Девочки-то все ягоды-то едят да едят, а Нюрочка-снегурочка все в чашечку да в чашечку собирает. И всех вперед насобира-ла полную чашечку с верхом.

А девочкам завидно стало, что у ней чашечка полная, а у них ягод только еще на доньшке, они и решили эту Нюрочку-снегурочку убить и ягодки разделить. Так и сделали. Ягодки ее разделили, остатки набрали и домой прибежали. А старик со старухой спрашивают:

– А где же наша Нюрочка-снегурочка?

– Так она, – говорят, – давно насобирала, давно уже домой ушла.

Заплакали старик со старухой. Нюрочки-снегурочки час нету, два нету, вечер настал. Пошли искать. Искали, искали – нигде не нашли. На второй день опять пошли – так и не нашли. А Нюрочка-снегурочка лежит в чаше закопанная.

Шел по лесу какой-то прохожий, дядечка. И увидел: очень красивая трубочка из земли растет, а на трубочке какой-то еще красивый цветочек. Он взял и срезал эту трубочку – цветочек упал. А из трубочки он сделал пикульку. Идет пищит, играет. И вдруг эта трубочка человеческим голосом запела:

Дяденька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Он думает: «Что такое?» Второй раз проиграл – опять это же. Пошел в деревню. И как раз зашел в тот дом, где жили старик со старухой. Он им проиграл то, что трубочка поет. А старик и просит:

– Ну-ка, дай-ка я поиграю.

Взял у него, стал в эту дудочку дуть, а дудочка то же:

Тятенька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

А старуха говорит:

– Ну-ка я.

Выхватила трубочку и стала в трубочку дуть, а трубочка и поет:

Мамочка, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Она думает: «Это же Нюрочка-снегурочка в трубке сидит». Взяла, как топнула по трубочке, оттуда Нюрочка-снегурочка и выскочила.

И вот стало радости у старика и старухи сколько много. И дяденьку этого наградили за то, что он им эту трубочку принес. И стала Нюрочка-снегурочка расти-подрастать и родителей почитать.

59. Анна-снеженичка

Жили-были дед да баба. Детей у них не было. Вот пришла зима, старуха и говорит старику: «Давай сделаем Анну-снеженичку». Как сказали, так и сделали. Принесли снежок, вылепили девочку, стала она с ними жить. Вот настало лето. Пришли к Аннушке девушки и говорят: «Пойдем с нами в лес по губки* да по ягодки». Аннушка-снеженичка им на это отвечает: «Да нет, у меня башмачков нету». Ушли девушки, потом опять приходят: «Аннушка-снеженичка, пойдем с нами в лес по губки да по ягодки». Аннушка им опять: «Да нет, у меня платочка нету». На третий раз пришли девушки и опять зовут. Аннушка им и говорит: «Не пойду, у меня плетеночки** нету!» – «Дак возьми у бабушки да у дедушки». Так и сделали. Пошли в лес. Шли, шли, шли. Вот уже плетеночки у всех полные, а домой не знают как идти. Заблудились. Вдруг видят: избушка стоит. Постучались, зашли. В избушке той жил Ванька-коростовик. Он их накормил, обогрел, а потом принес ступку, поставил у порога и говорит: «Кто перескочит – домой пойдет; а кто нет – останется». Все девушки перескочили, а Аннушка не смогла. Ванька-коростовик и не отпустил ее домой. Принес зыбку***, лег в нее и велел качать его. Вот Аннушка-снеженичка сидит, байкает****: «Спи час, спи два. Спи час, спи два». Когда Ванька уснул, Аннушка вышла на крылечко, села на ступеньки и плачет. Идет мимо избушки заяц и спрашивает: «Почто, Аннушка, плачешь?» Аннушка ему и отвечает: «Да как мне не плакать. Ванька-коростовик меня домой не отпускает, велит его байкать». Заяц ей и говорит: «Садись на меня, я тебя домой отвезу». Вот Ванька проснулся, глядит: Аннушки-снеженички нигде нет, – бросился вдогонку, догнал зайца, схватил девочку под мышку, унес обратно, опять велит байкать. «Спи час, спи два. Спи час, спи два». Уснул Ванька. Аннушка опять на крыльцо вышла, плачет. Шел мимо волк и спрашивает: «Почто, Аннушка, плачешь?» – «Да как мне не плакать? Ванька-коростовик домой меня

не пускает, велит его байкать». – «Дак садись на меня, я тебя отвезу домой». Ванька-коростовик проснулся, опять бросился в погоню, опять схватил Аннушку под мышку, опять принес домой, велит байкать. Уснул. Аннушка опять на крыльце сидит, плачет. Идет мимо медведь: «Почто, Аннушка, плачешь?» – «Да как мне не плакать? Ванька-коростовик меня домой не пускает». Медведь говорит: «Садись на меня, я тебя домой отвезу». Ванька-коростовик проснулся, бросился в погоню и на третий раз догнал Аннушку, опять домой принес и заставил его байкать. На четвертый раз уже потеряла Аннушка всякую надежду. Сидит на крыльце, плачет. Идет мимо бык и говорит: «Му! Почто, Аннушка, плачешь?» – «Да как мне не плакать! Ванька-коростовик меня домой не пускает, велит его байкать!» – «Не плачь, Аннушка-снеженичка. Ты возьми-ко лучше сук, сделай из него пробку и в задок мне забей. Вот Ванька проснется, бросится за нами в погоню, как будет нагонять, ты пробочку-то выдерни, я ему все шары-то и залеплю». Так и сделали. Ванька-коростовик побежал на речку умыться, а Аннушка-снеженичка убежала домой на быке.

* Губки, губы – грибы.

** Плетеночка – плетеная корзинка.

*** Зыбка – люлька, колыбель.

**** Байкать – убаюкивать.

60. Девочка-курочка

Жили-были старик со старухой. У них детей не было. Вот старушка и говорит: «Я уже робить не могу: ни посуду помыть, ни в избе подмести. Надо нам все равно ребешка какого-то!» Тут какая-то старушка приносит им курочку: «Вот вам курочка Ряба, пусть у вас живет». Взяли они эту курочку Рябу. А как они уйдут из дому-то, курочка Ряба превращается в девочку и все по дому делает. А старики

придут домой – у них везде все прибраное, на столе ужин готовый. Они своим глазам не верят: «Как это? Кто это все делает?» А курочка на окошечке сидит, их дожидается: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко!» – радуется им, старикам. Старуха и спрашивает: «Не ты ли это все сделала? Ну как ты могла все это сделать?» А курочка только: «Ко-ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко!» Назавтра опять старики идут со двора, а старуха думает: «Дай-ко я подкараулю, узнаю, как и че». В щелочку глядит: курочка вышла середь пола – фырк! – перышки все отпали, и она в девочку-красавицу превратилась. Старуха за стариком побежала, привела его и рассказывает: «Вот ведь у нас какая радость-то дома!» А девочка-курочка и говорит: «Почему ты, бабушка, в щелочку глядела? Вон как все неплохо было, а теперь ведь я заболела. И болеть буду, если еще будешь глядеть. Ты поновови маленько, больше не гляди. Я сама превращусь потом в девочку насовсем, когда мене срок придет. Я заколдованная». А тут старушка, которая им курочку Рябу принесла, научила: «Ты ее поцелуй». Старуха ее поцеловала, и курочка в девочку превратилась. И до сих пор они все живут, все старушку слушают.

БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ

*А теперь расскажу вам сказку старинную,
Не шибко короткую, да и не шибко длинную,
А такую: как раз – от меня до вас...*

61. Добрыня и сорочинская змея

Добрыня Никитич в Почай-реке купался. А в этой реке жила сорочинская змея, которая у князя Владимира племянницу утащила.

Эта сорочинская змея и говорит: «Неправду, Добрынюшка Никитич, святые отцы написали на святых воротах, что ты меня должен победить-погубить. Я тебя сейчас в реке-то захочу – задушю, захочу – просто убью».

А Добрыня ей говорит: «Ну дак че, скажут, что Добрынюшка Никитич в Почай-реке купался да утонул». – «Ну, выходи тогда на сушу, на суше поборемся», – говорит ему сорочинская змея. «Отвори хоть большие свои шары: ведь ты женщина, а я мужчина. Я хоть одежду одену на себя-то».

Змея глаза-то и отвортила. Добрыня выскочил из реки-то, даже штаны и рубаху не стал надевать, сразу убил эту сорочинскую-то змею, язык у ей вырезал, чтобы повесили ему, и поехал.

Поехал Добрыня по этим по Сорочинским-то горам. Доезжает. А там змеенышей полным-полно, коню на ноги обвиваются. А ему мать-то сплела плеточку из семи шелков, он ею по ушам коню-то прохаживается и говорит: «Ты, Бурушко, поскакивай, этих змеенышей попинывай, побрасывай». Бурушко всех змеят этих и потоптал. Так приехал он в самое змеиное царство, куда сорочинская змея у князя-то Владимира племянницу утащила. Видит: племянница-то распятая на стене висит, змея ее распяла. Он ее снял и повез к князю Владимиру. Много там было еще народа всякого, оне все в пояс кланялись за то, что он их освободил.

62. Исцеление Ильи Муромца

Был Илья Муромец, самый главный богатырь, у отца с матерью один сын, больше детей у них не было. Он тридцать лет не ходил, все лежал на печи. К нему раз пришли странники, нищие.

– Давай вставай, – говорят.

– Да я уже вот тридцать лет лежу – не могу встать.

– Вставай – может, встанешь.

– Нет, не могу.

Тогда они ему чего-то налили, заставили выпить и спрашивают:

– Ну, встанешь теперя?

– Да.

Пошевелился Илья Муромец, встал. Они ему еще налили. Он выпил, говорит:

– Вот я теперь в себе силы чувствую.

А когда они ему третью чашу налили, он выпил и говорит:

– Если бы сейчас кольцо в земле было, я бы всю землю вдруг поверотил.

Странники ушли, а Илья Муромец пошел к отцу с

матерью. Отец с матерью корчевали лес, пенья, расчищали поля.

Он им и говорит: «Вы отдыхайте – я один буду». Взаяся, пособил им – все выдержал моментально, а потом собрался в город Чернигов идти.

Мать и отец спрашивают:

– Воевать пойдешь?

– Пойду я, посмотрю: может, помогу черниговцам врагов победить.

– За друга стой, за недруга не стой.

Пришел он в город Чернигов. А там весь народ в церкви собрался, все ревут. Илья Муромец говорит:

– Вы, черниговцы, не плачьте.

Пошел, сынов князя с их войском против врагов повернул, всех победил.

Стали спрашивать люди черниговские, чем его отблагодарить, а он говорит:

– Ниче мне не надо, только дайте хлеба каравай, а больше ничего.

И ушел.

63. Про Илью Муромца

Был Илья Муромец, богатырь. И конь у него был бойкий, и сам он такой был.

Едет Илья Муромец, а навстречу ему Калика Перехожий. Сам грузный, тихий и конь у него такой. Спрашивает Илья Муромец:

– Калика, где ты был?

– У царя был, за милостиной ездил.

– Что там у него делается?

– К его жене Идолище поганый пришел, стал жить, сидит, жрет, а царь у них заместо прислуги, исть готовит и подает.

– Давай мне свою одежду и все свое.

Калика все снял и Илье отдал. А у этого Калики был

костыль сто пудов и шляпа полтора пуда. Илья Муромец все взял и поехал к царю. Приезжает, костыль поставил, аж стекла посыпались. А Идолище спрашивает: «Это кто там приехал? Не Илья Муромец ли?» А Илья Муромец отвечает: «Да нет. Это Калика Перехожий приехал за милостиной».

Идолище сидит, жрет. Илья Муромец шляпу с головы снял, в Идолище бросил, попал ему шляпой в грудь, тот с простенком на улицу вылетел, там Илья Муромец его еще палицей пристукнул и сказал: «Не человек человека убил, а царя освободил».

После этого вскочил на коня, поехал, догнал Калику Перехожего:

– Давай, слазь скорее, давай мне моего коня и одежду.

Переоделся во все свое и ускакал. Понял Калика Перехожий, что это Илья Муромец был.

64. Смерть Ильи Муромца

Пришло время Илье Муромцу умирать. Ну, смерть-то ни с кем не считается. Смерть пришла – умер, к женщине женщина приходит, к мужчине – мужчина. А он, Илья Муромец, он стопудовой палицей хотел смерть побороть. Ну вот смерть пришла к нему и говорит:

– Тебе время уже помереть. Я за тобой пришла.

А Илья Муромец ей и отвечает:

– Ты за мной пришла, чтобы я помер. А вот у меня стопудовая палица. Я тебя «дых», вот тебе самой смерть и будет.

Он ее стопудовой палицей дыхнул – у нее и волос не потресся. Испугался Илья Муромец, стал ее упрашивать:

– Ну оставь меня хоть на час.

– Не оставляю.

– Ну оставь хоть на полчаса!

– Не оставляю.

И у него голова полетела...

65. Про князя Владимира и Ставра Годиновича

У князя Владимира

Было пированье,

Было столованье.

И все при беседушке расхвастались. Кто хвастат силою, кто хвастат молодой женой, кто хвастат старой матерью, кто хвастат добрым конем. А молодой Ставр, сын Годинович, в углу сидел, а потом говорит:

– А у меня жена, Василиса Тимофеевна, – такой ни у кого нет. Она меня двои продаст, а трои выкупит.

Тут народ, кто там был, на него накинулись и в Сорочински-то погребу его бросили: посмотрим, мол, как твоя жена тебя выкупит, будешь знать, как похвально.

А у князя-то была княгиня, Апракса Королевишна. Эта Апракса Королевишна от князя-то воровски есть носила Ставра в погреб-то.

А Василиса-то Тимофеевна узнала, какая беда с мужем случилась, со Ставром Годиновичем. Говорит служанкам:

– Ложитесь спать!

А сама сидела, сидела, думала. Взяла свои волосы остригла по-молодецки, только забыла сережки из ушей достать. Потом села на коня и приехала к князю Владимиру. Назвалась она Василиом, послом земли Тувайской, говорит:

– Ты, князь, за много лет подать не платишь. Давайте, сильцов, борцов, на кулачки биться или бороться, и если кто меня победит, то прошу вам долг.

Кого к ней ни ведут, она всех перебивает.

– А что, – говорит Апракса Королевишна, – раз никто этого посла побить не может, позови, князь, молодого-то Ставра, сына Годиновича. Может, он не живой уже, а ежели живой, дак не поможет ли.

Князь пошел, кричал, звал Ставра – никто ему не ответил. Апракса Королевишна пошла сама. Закричала,

позвала Ставра – он ей голос подал. И добыли его, привели к князю. Посол посмотрел и говорит:

– Он мне знакомый, этот молодой Ставр Годинович. Отдайте мне его – я вам долг прошу.

Обрадовался князь, отпустил Ставра с послом.

А она, Василиса Тимофеевна, на царских лугах шатер изладила, никого туда не запускала. Вот она его, Ставра-то, туда привела, тут он ее по сережке-то и узнал, за ушки взял и поцеловал. А потом и говорит:

– Не я ли всем говорил, что моя жена Василиса Тимофеевна двои продаст, а трои выкупит. Вот так-то.

66. Про Степана-царевича

Было у Степана-царевича два брата. Поехали они все троим через Почай-реку. Уговорились на мосту той реки по очереди караулить. Сперва старший брат Степана-царевича пошел. Слышит: идет Идолище одноглавое, идет и поет:

Кто этот мост мостил,
Меня за реку пустил.
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединщика,
Да нет со мной супротивника,
Есть Степан-царевич,
Да он еще в колыбели качается.

– Че ты, – говорит старший брат, – Идолище Поганое, глаголешь?

– А я, – отвечает Идолище, – думал, что ты в колыбели качаешься, а ты по всей земле шатаешься.

Тогда старший царевич ему говорит:

– А ну-ка, Идолище Поганое, дунь по реке, чтобы река помедневела, бережки поджарились!

Идолище как дунет, дух у него захватило, тут старший царевич его и победил.

На другой день надо другому брату ехать мост караулить. Идет на мост Идолище двуглавое, идет и поет:

Кто этот мост мостил,
Меня за реку пустил.
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединщика,
Да нет со мной супротивника,
Есть Степан-царевич,
Да он еще в колыбели качается.

– Че ты, – говорит средний брат, – Идолище Поганое, глаголешь?

– А я, – говорит Идолище, – думал, что ты в колыбели качаешша, а ты по всей земле шатаешша.

– Ну-ка, Идолище Поганое, – говорит средний брат, – дунь по реке, чтобы река помедневела, бережки поджарились!

Как дунет Идолище, чуть дух не испустил, тут его царевич и победил.

На третий день уже очередь пришла Степана-царевича. Он пошел на мост. Идет Идолище трехглавое, идет и поет:

Кто этот мост мостил,
Меня за реку пустил.
Ехать бы мне, переехать бы мне,
Нет со мной поединщика,
Да нет со мной супротивника,
Есть Степан-царевич,
Да он в колыбели качается.

Степан-царевич спрашивает:

– Ты че, Идолище Поганое, глаголешь?

А он удивляется:

– А я думал, что ты в колыбели качаешша, а ты по всей земле шатаешша.

– Ну-ка, – говорит Степан-царевич, – Идолище Поганое, дунь по реке, чтобы река помедневела, бережки поджарились!

Тот дунул. Ничего с им не сделалось. Тут оне бились, бились. А братья спят, ничего не знают. Тут Степан-от царевич бросил шляпу свою, да в караушку-ту попал, где братья спали. Там только окна защелкали. Тут братья проснулись, прибежали на подмогу и убили Идолище трехглавое.

67. О вишерских богатырях

Говорливской камень есть над Вишерой. В этом камне жили богатыри. Вот они раз похвастали: «Ежли бы были кольца из неба и из земли, мы сволокли бы вместе и небо, и землю». Такая у них была сила. И вот Бог на них разгневался, и они окаменели. Только говорили, что при окончании жизни они все воскреснут.

Вот и про Ветлан-камень так рассказывали, и про речку Полюдику. Жил там тоже богатырь, дом там у него был. Он коня поил, потом привел, поставил в стойло – и конь окаменел. Потом он сам пришел, сел за стол, руки положил на стол и тоже окаменел. А жена лежала на полатах, и через брус у нее волосы висели – и она тоже окаменела.

Так и остались камни – это богатыри. Говорили у нас в Акчиге, что на Пасху слышали выстрелы в Писанском камне. Это богатыри встречают Пасху.

68. Полюд и Пеля

В наших краях на Вишере был богатырь Полюд на западе и великан-богатырь Пеля на востоке. Они далеко отстояли друг от друга, а высотой были одинаковы.

Полюд пил воду из своего озера, находящегося под ним. Пеля пил воду из речки Золотанки, которая бьет из-под него. Между богатырями был камень Помяненный. Богатырь Пеля был очень богатый, а Полюда не любил, так как считал, что Полюд хочет у него отобрать страну и богатство. Полюд был коренным уроженцем и тоже славился богатством, много у него было золота, серебра и меди. Его богатство лежало под озером.

Из поколения в поколение передавались рассказы о богатыре Полюде, что он имеет соляные рассолы и хлеб.

У Пели богатства было больше в несколько раз, но Полюд был сильнее Пели. Пеля питался разным земным мясом и воздушной рыбой. Пеля первым затеял ссору с Полюдом. Он считал, что западнее Помяненного камня его владения. А тогда Пеля бросил двадцатипудовую палицу через Помяненный камень в богатыря Полюда, но палица упала севернее его. Полюд встал и спокойно взял палицу, а Пеля решил посмотреть через Помяненный, попал ли он Полюду в голову. А Полюд махнул палицу в Пелю, когда тот хотел сесть. Палица скользнула по голове и череп его вмяла так, что уши Пели стали выше головы и вытянулись в длину. За три-четыре версты уши видны выше черепа на два аршина – острые, большие, как у осла. Пеля сгоряча, взбудораженный ударом, схватил палицу и пустил ею в Полюда. Палица заклинила главную пещеру, не причинив вреда Полюду. Полюд даже не встал, а посмотрел на камни Ветлан, Говорливый и Березовый, скользнув взором по Помянному, и, повернув голову на свои владения, заснул беспробудно. А Пеля от неудачного броска больше не встал: он окаменел.

69. Полюд и Ветлан

Вишерский Ветлан тоже был сказочный богатырь. О нем рассказывают так: у богатыря Полюда был железный топор, а у Ветлана топора не было. Вот кричит Ветлан Полюду:

– Выручи, друг, дай топор: дров нечем расколоть.

Богатырь Полюд бросает топор через леса и реку, а Ветлан ловит его с налету и сразу берется за дело. Приготовит дров и возвращает Полюду топор таким же путем – броском в северную сторону, где жил Полюд. Переброска топора продолжалась до тех пор, пока богатыри не окаменели.

70. Как Полюд и Пеля врагов победили

В те далекие времена, когда страна, расположенная по берегам Верхней Камы в низовьях Колвы и Вишеры, носила имя Пермь Великая, на горе Полюдов камень жил великан Полюд, а напротив, за рекой Вишерой, на горе Помяненный камень, жил великан Пеля. Великаны-богатыри несли дозорную службу на рубеже Перми Великой, проходившем как раз по этим горам, и первыми грудью встречали набеги враждебных племен, приходивших в Прикамье время от времени по Вишере из-за Урала.

И вот однажды с сибирской стороны по Вишере пришла набегом несметная орда. Бьются с ней богатыри день, другой, третий... Мечут во врагов с горных вершин громадные камни, каждый величиной с добрую избу. До сих пор они по склонам гор валяются. Но не убывает вражеская сила. Рассердился тогда Полюд, топнул что было мочи по горе ногой – земля затряслась. Лес провалился, Вишера разбушевалась и из берегов вышла.

Вражеское войско бросилось наутек. Но не тут-то было. Кого деревьями придавило, кто в разбушевавшейся реке захлебнулся. Если кто и ушел, то навеки наказал своим внукам и правнукам не ходить войною на пермскую землю.

71. Полюд, Ветлан и Вишера

Были два богатыря – Полюд и Ветлан. Поссорились они из-за красавицы Вишеры, стали воевать. Вишера не могла спокойно смотреть на это и бросила между ними платок. На том месте, где упал платок, протекла река Вишера. По один берег остался Ветлан, по другой – Полюд. Больше друг с дружкой сцепиться они не могут – окаменели. Полюд стоит на правом берегу Вишеры, а Ветлан – на левом, выше по течению.

72. Кар-богатырь и девушка

У нас много богатырей было. Давно жил в наших горах Кар-богатырь. В него влюбилась девушка, которая жила на Дивьей горе. Богатырь Кар жил на городище Искор. А девушка эта пряла нитки. Как только нарядет путлю*, любимому ее бросит, чтоб он одежды шил для боевого похода. Так и перекидывались.

**Путля – полностью заполненное напряденными нитками веретено, то же, что и простень.*

73. Ветлан, девушка и Полюд

Наш Ветлан ныробский стоит на берегу Колвы. А на другом берегу – Дивий камень. Когда-то одна красавица дева и богатырь Ветлан друг друга полюбили, но злой Полюд разлил между ними воду. Там, где была разлита вода, появилась река Колва, а дева и Ветлан от горя окаменели. Так и стоят два камня по берегам реки.

74. О чердынских богатырях

Наше село Янидор в старину было большим и богатым городом. Город имел «три девяносто домов». В этом городе жил Ени – сила небесная. Народ чтит его, и он оберегал население лесного края от вражеских нашествий. Однажды неожиданно-негаданно появились в этих краях два богатыря – Еграмшор и Шавельшор. Откуда они прибыли, никто не знает. Приехали они на оседланных конях сказочной красоты и небывалой силы. Появились они с злодейской целью – внезапно напасть на город и завладеть

его богатством. Прежде чем напасть, они остановились на самом высоком увале, урочище Кудайб, и зорко всматривались, как хищники, в сторону Янидора. Они тут определяли место, где лучше и надежней сделать лошадиный прыжок на заманчивый город. Для богатырей была одна преграда – речка Ыпан да темный лес по берегам ее. Не взирая на это, оторвались от земли богатыри Еграмшор и Шавельшор и на своих волшебных конях полетели по воздуху на богатый город Янидор. Узнал об этом грозный Ени, страшно разгневался. Понял он, что летят богатыри и несут горе и слезы Янидору. А они, обольщенные легкой наживой, летят и летят на своих ретивых конях, аж земля дрожит и темный лес качается.

И вдруг случилось великое чудо. Богатырь Еграмшор с высоты небесной вместе с лошадью грохнулся оземь, как камень тяжелый. На том месте сразу образовалось болото сырое, с небольшим озером посередине. След за Еграмшором и Шавельшор с поднебесья шлепнулся вместе со своим конем так, что сразу провалился сквозь землю, и на том месте болото появилось травянистое. Это Ени им устроил наказание. Так и есть там сейчас два болота: Еграмшор и Шавельшор.

В урочище Кудайб сохранилась площадка, на которой нет никакой растительности, только «вертечий» песок. На этом месте богатыри Еграмшор и Шавельшор лошадей готовили к бою, кровь кидали – так старики говорят. Где кровь-то лошадей натекла, там с тех пор ничего и не растет, даже пустяшная травка.

75. Полюд и Кичимовы ямы

Полюд был богатырь. Чтобы судить о его силе, нужно посмотреть на Кичимовские ямы. Они остались как память от тех времен, когда Полюд воевал, защищая наш край от вражеской силы. Таких ям на Кичимовской верхо-

тине сохранилось семь: две больших и глубоких и до пятка меньшего размера. Полюд на головы врага бросал огромные камни.

Брошенные им камни пробивали землю и уходили вглубь нее. Размером с упавший камень и появились ямы. Возвышенность находится на проселочной дороге из деревни Бигичи в деревню Кушеву. Там-то и увидишь, как наковырял землю богатырь Полюд.

76. Богатство Полюда

Бабушка моя, Степанида, о Полюде так рассказывала. Жил на земле богатырь Полюд. Век свой скитался по земле в боевых походах. На старости лет с награбленным богатством он уехал в каменную пещеру, там и окаменел.

Поднесь сидит Полюд на этом камне и с ним богатство – заколдованное. Справа его – сундук с золотом, слева – сундук с серебром. Но чтобы получить это богатство, надо найти тайный вход в пещеру и разыскать окаменевшего Полюда. Он там в пещере-то сидит на большой окаменевшей глыбе как на стуле. В зажатых коленях Полюда большая чаша и ложка к ней, как поварешка. Попадешь в его подземное царство – смело бери ложку и выхлебай все содержимое, наполненное до краев чаши. Тогда и богатство попадет в твои руки – расколдуется.

77. Следы Полюда

На вершине камня Полюд есть след человеческой ступни: и пятка, и подошва, и пять пальцев. Бытует легенда о том, что быллинный богатырь Полюд, сядясь в седло боевого коня для похода на вражескую силу, ступил своей

боевой ногой на землю и запечатлел на веки вечные свой след, чтоб знали люди, какой он был богатырь, и могли бы по гигантскому следу определить, какого он был роста, мощности и силы...

78. Пеля и русский царь

Давно при старых царях нашим краем владел чудский народ, который не имел жилищ, а жил в пещерах. Потом появились русские, и у них началась очень жестокая война с чудью. Но чуди было много, а русских мало. На помощь русским явились богатыри. В памяти вишерцев остались имена двух богатырей: Полюда и Пели. Каждый из них жил одиноко. Первый обитал на камне Полюд, а другой на Колчимском камне. Богатыри вели жизнь охотничью, и лучшим считался Пеля. За услуги русским царь призвал Пелю и спросил, чем его наградить. Пеля не желал брать ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, а попросил шелковых тенет*, которые не рвутся, чтобы ловить соболей и кунниц. Желание Пели было исполнено, и царь подарил ему шелковые тенета, при помощи которых стал Пеля добывать множество всякой пушнины.

* Тенета – плетеные снасти, сети для ловли пушных зверей.

Социально- бытовые сказки

*В некотором царстве, в одном государстве,
Да только не в нашем,
Жили-были дед да баба.
На Бога надеясь, сами не плошали,
Хлеб в сыру землю сажали,
Крепко спали, много ели,
А поутру встав,
За стол садились, перекрестясь.
Все то, парень, присказка,
А вот слушай сказку, что они мне рассказали.
Ты, молодец, умен да зелен,
Слушай меня да на ус мотай.*

79. Про Нужду

Жили два брата, богатый и бедный. Созвал как-то богатый брат на пир гостей. А бедный брат спрашивает: «А мне-то можно прийти?» – «Ну, приходи». Вот гости подходят и подходят. «Ты, брат, свой, подвинься. Не обидишься», – говорит богатый брат бедному и все дальше да дальше его отодвигает. Под самый порог его задвинул. Вот гостей поят, подают вино, а бедного брата и вовсе не замечают. Жена и говорит ему, своему мужику-то: «Пойдем домой. Нечего нам тут делать». Вышли. Мужик-от и говорит: «Давай, жена, споем песню». – «Че ты, с ума сошел? Люди-то пьяные поют, а мы с тобой трезвехоньки». – «А пусть подумают, что мы тоже у брата в гостях выпили. Давай запоем». И запели они песни. Вдруг слышат: кто-то им подвывает тонким голоском. «Кто это там поет с нами?» – они спрашивают. «Это я, Нужда, Нужда, пою», – кто-то им отвечает.

Вот когда домой пришли, бедный брат и говорит жене: «Жена, давай пойдем, Нужду схороним». Жена согласилась.

Пошли они Нужду хоронить. Стали копать могилу и нашли золото. Господи! Сразу зажили богато, корову завели, пару лошадей, дом хороший. А богатому брату интересно, как это бедный брат разбогател.

– Тебе кто деньги дал? Как ты разбогател? – спрашивает он у брата.

– А мне Нужда пособила разбогатеть-то, – тот ему отвечает.

– А где она, Нужда-то?

– Я ее схоронил.

– Где схоронил?

– Да вот тут-то и тут-то.

Богатый брат пришел домой и говорит жене: «Жена, пойдем, Нужду выкопаяем. Брат гляди какое богатство нашёл». Жена говорит: «Пойдем». Вот пришли они, куда им бедный брат указал, копают яму, могилу-то и спрашивают: «Жива ли ты там, Нужда?» – «Жива», – Нужда им из земли-то отвечает. Выкопали, Нужду достали – она сразу вскочила богатому брату на плечо. Тот ее спрашивает: «С кем будешь, Нужда, жить-то: со мной али с бедным братом?» – «С тобой. Он меня схоронил, а ты меня выкопал, с тобой буду жить», – Нужда ему отвечает. И стал этот брат жить хуже нищего. Вот она Нужда-та.

Вот вам и сказка, а мне кринка масла. Сказке конец, кто слушал – молодец.

80. Ножик

Два мужика шли Богу молиться. Один был богатый, другой бедный. Идут они по дороге и вдруг видят: ножик лежит. Бедный говорит:

– Чур, пополам.

А богатый:

– Дай мне ножик – я тебе за него пять копеек дам.

– Ну, ладно, бери.

Идут они с богомолья домой, богатый и говорит:

– Приходи за деньгами завтра.

Пришел богатый мужик домой и рассказал все своей старухе:

– Как теперь быть-то. Ведь деньги надо отдавать.

Старуха и придумала:

– А мы вот что сделаем. Когда увидим, что мужик за деньгами идет, я тебя посажу в мешок и спущу в картофельную яму. А ему скажу, что ты в лес уехал.

Вот на следующий день в назначенное время идет бедный мужик к богатому за деньгами. Старуха увидала его, посадила своего мужика в мешок и спустила в картофельную яму.

Бедный мужик заходит в избу, перекрестился и говорит:

– Я за деньгами пришел.

– Ой, батюшка, да мужик-то мой в лес ушел, а денег у меня нету, приходи в другой раз.

– А когда придти?

– Да уж через неделю заходи.

Ну, мужик вышел да и пошел по-за-избе, видит там яму, а в ней мешок, и дышит кто-то в мешке.

Мужик сразу все сообразил. В этой деревне был бык бодучий. У мужика с собой была палка толстая с острым наконечником. Вот он начал этой палкой тыкать в мешок, тычет, тычет, а сам кричит по-бычьи. А в мешке мужик вертится и орет:

– Ксы, пошел! Ксы, пошел!

А бедный-то мужик бодает его палкой да ревет по-бычьи, бодает да ревет. Набодал, набодал его как следует, а потом кричать начал, будто быка гонит:

– Ксы, пошел, не видишь, что ли: в мешке живой кто-то сидит.

И начал отходить немножко от мешка, и все кричит, будто быка гонит:

– Ксы, пошел, ксы, пошел!

Потом перестал кричать, подошел к мешку, развязывает его и спрашивает:

– Кто это в мешке сидит? О, да это ты! Ну, вылезай. Ведь я тебя от смерти спас. Если бы не я, то избодал бы тебя бык. А ведь я за деньгами пришел.

– Ох ты, батюшка мой, от смерти ты меня оборонил. Дай Бог тебе доброго здоровья. А денег-то у меня нет. Уж теперь я расстараюсь, деньги как-нибудь заработаю: ведь ты меня от смерти спас. Ну, приходи уж за деньгами через неделю. Уж я заплачу тебе тогда, – богатый мужик ему отвечает.

– Ну ладно, приду через неделю.

Когда бедный мужик ушел, баба и говорит богатому мужику:

– Что же делать? Жалко ведь пять копеек платить, деньги большие. Давай вот что сделаем. Припасем солому, белую простынь и свечу. Когда увидим, что мужик идет, ты ляжешь на солому, я тебя задерну простыней, зажгу свечку, а сама на колени встану и буду молиться, будто ты умер.

Вот они все приготовили и ждут мужика.

Проходит неделя – мужик за деньгами идет. Старуха увидела его, расстелила солому, мужик ее на солому лег, она закрыла его простыней, зажгла свечку, а сама давай молиться.

Входит бедный мужик в избу, видит: покойник лежит. А старуха:

– Ой, батюшки ты мой, ты за деньгами пришел, а ведь мужик-то мой умер. Видно, сильно его бык убодал.

– Ну, так царство ему небесное, помолюсь и я за упокой его души.

Мужик молится и видит: простыня у мужика как на живом поднимается.

А в это время у бабы в сенях свиньи заканителились, и она ушла из избы. Мужик открыл простыню у ног и начал свечкой ноги у покойника подпаливать. А тот как вскочит да как закричит:

– Ой, больно, больно. Да как же ты меня воскресил. А я уж там везде побывал, и в аду, и в раю, все видел, через все муки прошел, а ты меня воскресил.

– Я за деньгами пришел.

– Ой, батюшки ты мой, денег-то у меня нет. Да ладно, уж я теперь постараюсь тебе деньги отдать. Уж больно трудно даются эти пять копеек, никак не могу накопить. Ты через неделю приходи, я уж в лес схожу, заработаю тебе пять копеек.

Ну, бедный мужик ушел. Вечером старуха и говорит богатому мужику:

– Теперь лучше сделаем. Ты гроб себе сколоти. До его прихода я тебя в церковь сведу и оставлю там.

Проходит неделя. Богатый мужик сколотил себе гроб, все приготовил и ждет. Вот утром баба и мужик повезли гроб в церковь, поставили там, мужик лег в него, а чтобы легче дышать было, в гробу отдушины сделали.

Вернулась баба домой, а бедный мужик уже идет за деньгами. Вошел в избу, перекрестился и говорит:

– Я за деньгами пришел.

– Ой, ой, батюшка ты мой, да ведь умер мой старик-то, умер. Все у нас какие-то шутки были, а теперь уж умер, вот и в церковь свезла, завтра хоронить буду.

– Ну, что ж. Царствие небесное ему. Мне уж теперь и денег-то не надо: раз он умер, так с кого же брать.

И ушел мужик, а сам пошел не домой, а в церковь, спрятался там за алтарь да на гроб все поглядывает. А ночью мимо кладбища должна была ехать почта с деньгами. Ночь в это время была темная, дождливая. Разбойники разузнали все о почте и засаду сделали у кладбища. И вот, когда проезжала почта, они напали на нее и ограбили. Надо им стало деньги делить, а где делить – на улице дождь. Пошли они в церковь, начали деньги делить. Разложили на четыре кучки, так как их четверо было, а одна денежка лишняя оказалась. Кому ее дать, не знают.

А бедный мужик за алтарем сидит и все слышит. Вот главарь разбойников говорит:

– Что вы, поделить не можете? Вот кто голову покойнику снимет, тот и получит эту денежку.

Один не хочет, другой не хочет, а третий говорит:

– Я пойду.

Берет кинжал и подходит к гробу. Богатый мужик лежит ни жив ни мертв, слышит: к нему уж разбойник подходит. Тут он как ногой пнет в крышку гроба, да как повалится на пол, да как закричит:

– Ой, святые угодники, помогите, помогите, приходите ко мне на помощь!

А бедный мужик бежит за алтарем и кричит:

– Идем, идем, уже идем!

Разбойники перепугались, побросали все и убежали. Вот бедный мужик выходит из-за алтаря, а богатый поднимается с полу и говорит:

– Давай теперь мы будем деньги делить.

Начали они деньги делить. Делили, делили, остается одна денежка. Кому ее взять? Спорят, спорят, не могут поделить. Разбойники тем временем опомнились, один говорит:

– Пойду-ка, посмотрю, что там делается.

Подошел он к церкви, глядит в окно. Мужики услышали, что кто-то царапается в окно, и вдруг в окне шапка показалась. Богатый мужик подбежал к окну, схватил шапку и кричит бедному мужику:

– На, бери шапку вместо пяти копеек.

Разбойник перепугался, прибежал к своим и говорит:

– Ну, полна церковь святых. Столько их там, что по пять копеек каждому не хватает, шапку даже с меня сорвали, одному отдали вместо пяти копеек.

А мужики взяли денежки и стали мирно жить-поживать да добра наживать.

81. Марко Скоробогатый

Жили мужик с бабой – Марко Скоробогатый и Мартиха. Богатые они были. Мужик-то не любил нищих братьев, а баба любила. Раз, когда уехал Марко куда-то по делам – товар продавать, к ним нищенок зашел в дом-то.

Мартиха ему подала. А тут Марко подъехал, жена нищего в сенки отправила: иди, мол, спи там на мочальных кулях. Марко зашел, поели они: суп был да пирог рыбный. Мартиха говорит: «У меня нищенок там в сенях, дак я снесу ему поесть-то». Марко ничего, не заругался.

– Ну дак че, снеси.

Мартиха хлеба корочку взяла да супу налила в чашечку и понесла. Принесла и стоит у дверей-то, слушает. Прилетели голуби, воркуют:

– Ты, Господи, здися?

– Да, здися.

– У кузнеца восьмой сын родился. Чем благословишь?

– Че буду пить-ись, тем и благословлю.

Мартиха ничего не сказала. Отдала еду, а надо убрать сходить, чашечку-то обратно унести. Пошла опять, стоит снова у дверей. Опять голуби прилетели.

– Ты, Господи, здися?

– Да, здися.

– У кузнеца восьмой сын родился. Чем его благословишь?

– Марко Сыробогатого именем*.

Пришла Мартиха домой. Рассказала мужу, что она выслушала. Марко сделал палку, побежал, а нищего-то уж и нету.

Собрался Марко и поехал в деревню, где кузнец-то жил. Видит: кузнец дрова ладит.

– Здорово!

– Здорово!

– Че рано дрова ладишь?

– Да баба восьмого сына родила.

– Отдай мне его в сыновья – у меня нету.

– Нет, не отдам.

– Отдай, мы его хоть в баньке вымоем, выпарим ребенка-то!

Кузнец и отдал выпарить ребенка. А Марко Скоробогатый взял этого паренька, выехал за деревню да и выбросил его прямо в пеленочках, а сам дальше уехал.

Ехали по этой дороге извозчики, товары везли. Видят:

связочек лежит, пищит. Они его подобрали и к Мартихе увезли. Ну, та его взяла, водится. А ребенок растет не по годам, не по часам, а по минутам. Сколько-то там Марко ездил, возвращается – а парнишка уже на ногах крепко стоит и смеется.

Стал Марко думать, куда ему деть этого паренька, как от него избавиться и именье свое спасти. Был у него завод, деготь там гнали, бочки ладили. Наказал Марко бочку большую изладить и парнишку туда посадить. Подушку туда положили, конфет насыпали и по большой воде весной отправили его в бочке-то.

Плыла бочка по воде, много ли, мало ли. Ветер поднялся – выбросило бочку на берег. Парнишечка там лежал, лежал, потом встал, поднатужился, донышко-то и выпало.

Он по берегу бегают, собирает цветочки. А недалеко монастырь был девичий. Монашки по воду ходили на речку-то. Пришли, видят: паренек бегают маленький. Подобрали этого паренька, вырастили. Долго он у них в монастыре жил, уже большой стал, жених.

Как-то приехал в тот монастырь Марко Скоробогатый, товар привез монашкам, стал расспрашивать:

– У вас монастырь девичий, а зачем держите паренька?

Монашки рассказали, как они этого ребенка нашли. Понял Марко, что это тот самый парнишко-то и есть, стал он просить:

– Отдайте мне его в работники. Не положено вам держать парня-то, раз монастырь девичий.

Монашки и отдали парня к Марко Скоробогатому в работники. Написал Марко Скоробогатый записку: «Дню не дневать, часу не часовать, бросить этого парня в смо-лу», – а сам опять по делам поехал. Идет парнишечка-то, несет записку. Не дошел до деревни – попадает ему навстречу старичок с бадожечком:

– Ты куда, молодой человек?

– Да вот пошел к Марку Скоробогатому: он в работники меня подрядил.

– А бумажку он тебе дал?

– Дал, да я не знаю какую, читать-то не умею.

А старичок поглядел, прочитал, дунул да плюнул на бумажку-то – в бумажке и оказалось: «Дню не дневать, часу не часовать, с дочерью повенчать». А к тому времени у Мартихи девочка народилась, большая уж выросла.

Приехал паренек, отдал бумажку Мартихе. Ну, та, раз приказ такой от мужа получила, скорее дочь с ним обвенчала. Живут. Приехал Марко. Узнал обо всем, стал опять думать, как от парня избавиться. И вот однажды пришел Марко на свой завод, где смолу гонят, позвал работников, уплатил им и говорит: «Сегодня ночью кто придет, вы его бросьте в смолу, хоть он че будет кричать, хоть будет кричать: «Сам я Марко Скоробогатый». Ничего не разбирайте, бросьте в котел и все».

Мартиха пришла, видит: зять на завод идти собирается, раз папаша велел. Мартиха спрашивает:

– Куда собрался?

– Да на завод папаша велел идти.

– Да че ты пойдешь: ночью-то темно, грязь да дождь, – не ходи.

– Кабы кто не украл чего.

– Да кому тащить-то, не ходи.

Он и не ушел. А у Марко-то душа не терпит: надо узнать, бросили ли нет зять в смолу, – побежал. Прибегает, а те работники сдапали его – да в смолу. Он кричит: «Я сам Марко Скоробогатый». А те не слушают, бросили – он и вскипел в смоле-то. А зятю все богатство досталось.

* Именье – имущество.

82. Лиза и разбойники

Жил-был один купец. У него была дочь, Лиза. Раз купец уехал по делам, а Лиза одна в доме осталась. А воры это дело подкараулили: раз одна осталась, можно их ограбить. Приспособили лестницу на второй этаж и залезают. Лиза услышала, что кто-то карабкается. А у них там сабля

лежала, на койке-то, близко. Она схватила саблю – и к окошку. Видит: кто-то поймался за подоконник. Она как саблей рубанула – тот и полетел. Залезает второй. Она и второму так же. Ну, последние-те уж не посмели. Убежали.

Сколько-то времени после того прошло. Раз служанка сходила на базар и говорит: «Ох, Лизонька, сходи-ка на рынок-от. Там один до того красивый торгует. Поди-ка, там все по дешевой цене продают». Лиза пошла. Пришла, товары разглядывает. А товары эти те самые воры-разбойники продавали. Они ее узнали, сказали своему главному, что это она. Заводит этот главарь-то ее за прилавок: «Вот погляди, что тут у нас есть. Я очень тобой интересуюся. Говорят, ты очень боевая». Лиза молчит, ничего не говорит, а сама поняла, что это те самые люди и есть, что к ним в дом лезли. Посмотрела она, ничего не купила, домой пришла.

А главному разбойнику, атаману, она очень понравилась, он и придумал, как ее заманить. Приехал ее сватать. Рассказал: мол, тут-то, тут-то я живу; богатый дом у меня в лесу на поляне; вот такой-то дорогой можешь ко мне прийти.

Лиза эта, правда, бойкая была, решила пойти. Пошла, как тот ей рассказывал: лесом, потом дорожкой. По этой дорожке на поляну вышла – там дом стоит. Зашла Лиза в этот дом, огляделась: так все красиво, богато. В доме нет никого.

Лиза села, ждет. Слышит: едут, такой гам, шум. И девку везут какую-то, похитили, видно. Лиза испугалась, взяла под кровать залезла и сидит.

Разбойники девку привели, за стол посадили. Лиза только хотела выскочить, сказать, что ведь я невеста-то, зачем другу-то привели. Ну, думает, еще перенесу, потерплю. Видит: они ее с ножа кормят. Кормили-кормили с ножа и закололи. А потом кольцо хотели у нее с пальца снять. Снимали, снимали, не могли снять, взяли и отрубили ей палец-то. Палец отлетел под кровать. Лиза кольцо сдернула с пальца, себе на палец надела и лежит.

Разбойники перепились все, спать легли, и главарь их лег на эту кровать, под которой Лиза пряталась. Лиза думала-думала: «Что же мне делать? То ли мне его разбу-

дить, то ли убежать». Ну, она его сколько-то потрясла – не разбудается. Она и решила: «Пойду домой». Взяла, одежду его надела и пошла. Караульщики подумали: главарь их куда-то пошел, – внимания не обратили. Она и прошла.

Тем временем атаман пробудился, видит: его одежды нет. Он в погоню. А Лиза выскочила из леса-то, видит: мужик сено кладет. Она подбежала к нему и говорит: «Пожалуйста, заложи меня сеном, а то за мной гонятся». Мужик ее в сено и заложил. Только заложил – разбойники подбегают: «Ты тут девушку не видел?» – «Нет, не видел. Ничего, ребята, у меня нет, окромя сена». Так и привез ее домой целую-невредимую.

А атаман все равно добивается этой Лизы. Опять приехал он свататься, теперь уже по-настоящему. Лиза попросилась с ним один на один поговорить, а сама за дверью караул поставила, засаду. Все ему рассказало: «Я у вас была и видела, как вы эту девку закололи. Зачем вы ее закололи? Вот на этом персту кольцо у меня ее». Бросился он на нее – тут двери распахнулись, его скрутили, связали и всех других, кто с ним был. Атаман и говорит: «Вы меня не троньте и не убивайте. Сколь у меня есть богатства, я вам все отдам». Они не соглашаются ни в какую! Его не развязывают. Он и говорит: «Вот давайте поедем к нам, в нашу лесную избушку». Люди согласились, пошли большой толпой. «Вы, – говорит, – если меня связанного поведете, караульные будут в вас стрелять. А если вы меня развяжете, я пойду свободно, и вас никто не тронет». Они послушались, руки ему развязали, освободили. Все идут, и он идет, заходит в дом, а людям наказывает: «Вы никуда не уходите, я сейчас прикажу на столы собрать, и вы у нас поедите, мы вас угостим». Лиза от него не отстает, забежала туда и помахала, что заходите, мол, все. Ну, они все зашли. Их всех угостили. Атаман, сколько у него этого богатства было, все отдал. А сам к Лизину отцу жить перешел, их зятем стал и больше не разбойничал.

И я у их была, мед пила. По носу бежало, да в рот только не попало. Мне дали колпак да в подворотню меня

так. А потом дали мне-ка красные сапожки, синий халат и шапку с пухом. Вот иду я – летит ворона, кричит: «Красные сапожки! Красные сапожки!» А мне слышится: «Чирей на ножку, чирей на ножку». Ну, я взяла, сапоги-то сняла, пешком пошла. Дальше иду. Ворона опять кричит: «Синь да хорош! Синь да хорош!» А мне показалось: «Скинь да положи, скинь да положи». Я скинула, положила. Ворона опять кричит: «Шапка с пухом! Шапка с пухом!» А мне слышится: «Чирей в ухо, чирей в ухо». Я и шапку скинула, так и пришла безо всего. Все.

83. О царе Петре

Поехал царь Петр со своим ординарцем на охоту. Ехали, ехали они по лесу, стемнело, ординарец говорит: «Сейчас я залезу на высокое дерево, посмотрю, где здесь жилье есть». Вот залез он на сосну, посмотрел во все стороны и увидел: в одной стороне огонек горит. Пошли они в ту сторону. Шли, шли и вдруг видят: стоит перед ними большой дом. Стали царь Петр и ординарец в ворота стучать. Выходит к ним хозяйка. Они просят: «Пустите переночевать». Она говорит: «Некуда». – «Да нам хоть где, хоть на вышку». А она: «Нечем кормить». Ординарец: «Как это нечем?» Прошли в дом, ординарец полез в печку, по чугункам пошарил, нашел еду. Поели они, попили, ушли спать на вышку. Ординарец говорит: «Ложись, царь Петр, отдыхай, а я покараулю». И сел у потолочины. Через некоторое время слышит: собаки залаяли, стук, бряк, звон. Приехали разбойники, хозяйка их встречает и говорит: «У нас сегодня гости в доме, на вышке спят». Атаман говорит: «Сначала поедим, а потом разберемся». Вот они поели, попили. Атаман говорит старшему сыну: «Сходи, Васька, на вышку, снеси им головы». Пошел Васька на вышку, стал подниматься по лестнице. Только голову высунул – ординарец ему башку шашкой и снес. Через некоторое

время атаман говорит другому сыну: «Сходи, Ванька, на вышку, сними им головы». Пошел Ванька на вышку, и случилось с ним то же, что и с Васькой: ординарец ему башку шашкой снес. Решил атаман сам пойти на вышку. Стал подниматься по лестнице, а там ординарец его уже поджидает и тоже снес ему башку. Наутро говорит ординарец царю Петру: «Смотри, царь Петр, какие тут гости были ночью». Сели на коней и поехали домой.

84. Сварливая жена

Жили-были муж с женой. Не было между ними согласия: мужик слово скажет – жена ему три поперек. Вот пошла она к людям. «Что, – говорит, – мне делать со злым мужиком?» Ей посоветовали сходить на гору к колдуну: тот, мол, поможет. Вот пошла она к колдуну, рассказала ему все, как есть, а он ей говорит: «Есть у меня святая вода. Как только муж начнет ругаться, ты возьми немного воды в рот, да не пей, не выливай воду-то. А то счастья не будет у вас». Налил ей из кадушки воду, она поблагодарила его и пошла домой.

Вот пришел с работы мужик, ворчит, чем-то недоволен. А жена воды в рот набрала – сидит, молчит. Мужик думает: «Неужто баба образумела». В другой раз принялся он ругаться, а та опять отпила воду и рта не открывает.

Обрадовался мужик, с тех пор и живут спокойно, дружно. Жена сидит, глаза веселые, а губы-то не улыбаются: боится воду святую пролить.

85. Про зеркало

Однажды мужик поехал в город на базар, продал зерно, масло, купил стекла, мыла, соли. А еще купил зеркало, но решил его пока никому не показывать. Привез его домой, поставил в спальню и завесил, а сам уехал. У него жена была молодая, красивая, пошла в спальню прибираться, отодвинула занавеску и видит: стоит красивая женщина. Жена увидела ее и заплакала. Побежала жаловаться свекрови:

– Посмотри, что муж с базара привез. Привез другую себе женщину, такую красавицу.

– Да где ты видела?

– Там в углу, в комнате, за шторкой стоит.

Пошла старуха, глянула – а там стоит женщина старая, сгорбленная. Подбородок с носом сросся, сама беззубая.

– Что ты врешь! Там старуха стоит, страшная, горбатая. Разве он променяет тебя на старуху?

Спорят, ругаются. Идет сосед с топором, спрашивает, о чем спорят. Рассказали они ему, в чем дело. Сосед говорит:

– Я схожу посмотрю.

Пошел, глянул – а там стоит мужчина красивый, богатырского вида. Сосед говорит:

– Там вообще мужчина стоит.

Вернулся хозяин.

– О чем спорите?

Жена в слезы, рассказала, что видела женщину красивую, старуха – что дряхлую бабушку, сосед – что богатыря видел.

– Где видели? – хозяин спрашивает.

Пошел посмотрел и рассказал, что это зеркало, что кто смотрит в него, тот сам себя и видит. Жена расцвела. Мужик был доволен. Только мать была недовольна, что сама себя старухой обозвала.

86. Ленивая жена

У одного мужика жена ленивая была. Вот пошла эта Маланья жать. Утром ушла, проспала целый день, а вечером пришла домой. Муж спрашивает, много ли выжала.

– Да местечко выжала.

На второй день опять так же: придет – говорит:

– Местечко выжала.

Муж поехал, посмотрел – а поле не жато. И решил он ее наказать. Пришла жена с поля домой, а муж ворота закрыл. Она в подворотню стала пролезать и там уснула, в подворотне-то. Муж взял и остриг ее наголо. Жена утром встала, пришла домой, в зеркало посмотрела и говорит:

– Вроде бы я Маланья, а голова-то у меня баранья. Вроде бы я, да голова-то не моя.

87. Как над мужиками подшутили

Раз поехали мужики из деревни в город, остановились где-то на постоялом дворе. А раньше ведь тоже посмеивались, как и сейчас посмеиваются. Вот на том постоялом дворе другие мужики взяли у этих мужиков сани-то и развернули в обратную сторону. Те утром встали и поехали. Им в город ехать, а они поехали обратно, к себе в деревню. Куда оглобли повернуты были, туда они и едут. Едут, едут. Один-от и говорит: «Вань, а Вань, в городе все, как у нас в деревне. Вань, а Вань, глянь, там баба вроде твоей Мани идет. Вань, точно твоя Мань».

88. Шут да Маришка

Жили-были шут да Маришка. Раз Маришка и говорит: «Шут, сходи к батюшке, я хоть попряду». Шут говорит: «Ладно, схожу». Пришел к батюшке, а тот хочет идти подать собирать по деревне. Батюшка и говорит ему: «Шут, ты сшуту мне шутку». – «Ладно, ладно, батюшка, поезжай, сейчас я тебе сшутю». Батюшка только уехал – шут прибежал, матушке его рассказывает: «Ты скорее собирай народ – дом раскатывай. Вам дают семь деревень, восьмое село». Матушка быстро сбежала, собрала всех мужиков, дом раскатывают. Батюшка приехал домой. Едет и кричит: «Не троньте двери-то, не троньте!» А мужики уж последние бревна раскатали.

Батюшко-то уж шибко рассердился на шута: «Ну, шут, я тебе сшутю эту шуточку, ну и сшутю». Решил шуту отомстить, пошел к нему домой. А шут Маришке говорит: «Вари скорее картошку и на порог поставь». Она варит картошку, чугунок* кипит во все моченьки. Батюшка заходит – она чугунок на порог поставила.

– Это у вас че такое?– батюшка спрашивает.

– Да вот, чугунок-самокипка. Всегда на пороге варит картошку, у нас всегда тут все готовое.

– Шут, продай мне эту чугунок: мне, сам же знаешь, надо дом рубить.

– Да ты че, батюшка, а я как же без нее?

– Ну, продай!

– Нет, не продам. Как я без нее стану?

Ну все ж таки дал себя уговорить.

Принес батюшка картошки, накла в чугунок. Поехали в лес, а зима – холодно. Поставили картошку на пень вариться. Мужики рубят. Рубили, рубили, пришли – а в чугунке все колом замерзло.

Батюшка снова рассердился на шута:

– Пойду, я его распеку. Я ему сейчас дам, этому шуту-то!

Идет. А шут опять что придумал: приготовил пузырь, налил туда крови и Маришке своей за пазуху подвесил.

- Батюшка заходит – а шут орет:
- Маришка, собирай на стол!
 - Да ты че, сейчас только что поели и опять за стол?!
 - Я сказал: собирай на стол.
 - Не буду.

Шут – раз ножом. Маришка пала, кровь пошла. А у шута плетка была, живулькой он ее звал. Раз хлестанул плеткой-живулькой – Маришка соскочила как ни в чем не бывало.

Батюшка глядел, глядел и говорит:

– Меня часто попадья так не слушает, ты, слышь-ко, продай мне эту плетку.

Шут говорит:

– Нет, я Маришку всегда так проучиваю. Она у меня соскакивает быстро.

– Слушай, продай. Я свою старуху проучу. Она у меня шибко вредная.

Шут вертелся, вертелся, но продал.

Батюшка пришел домой, так же, как шут, заорал на жену:

- Давай собирай на стол!
- Да ты че, только что обедали, с ума сошел!

Батюшка схватил нож, раз – упала. Хлестал-хлестал, хлестал-хлестал, ничего не мог сделать. Уходил свою старуху.

Опять идет к шуту батюшка.

А тот что придумал: поставил короб большущий, денег туда насыпал, полог послал, лошадь поставил задом, чтоб она оправляться могла. Забегает к нему батюшка в ограду. Уж такой злой, такой злой. Поглядел:

- Это че у тебя, шут?
- Да че, вот лошадь деньгами оправляется.
- Как деньгами, все деньгами?
- Деньгами. Кормим вот овсом, а деньгами получаем.
- Ну, шут, уж очень я на тебя злой. Но ты продай мне эту лошадь – я тогда тебе все прошу.
- Нет, как я жить-то буду! У меня всегда деньги есть. А без этой лошади как я буду жить?

Тот одно свое: «Продай да продай». Шут продал.

Привел батюшка лошадь домой, так же все сделал. Гм! Денег нет! Опять обманул шут! Пошел снова к шуту. А шут наказал Маришке:

– Ты реви, будто я умер.

Могилу сделали и закопали шута. Маришка сидит ревет. Батюшка пришел.

– Где шут?

– Да ведь он умер, его схоронили.

– Давай веди на могилу. Хоть я на могиле его потопчусь. Уж шибко я на него злой.

Маришка повела. Батюшка топтался, топтался, ругался, ругался. Дай, думает, хоть сяду на могилу, посижу. А шуту созорничать охота, он жигало** еще загодя приготовил. Батюшка сел – шут ему горячим-то ткнул. Батюшка спрыгнул, больше того рассердился, заорал:

– А, дак он, видимо, живой. На любую могилу сядь – ниче. А тут меня ведь ожгло.

Пошел батюшка домой, думает: «Живой – дак придет, мы его все равно уходим».

Позвал брата своего и пошел с ним к шуту. Пришли – он дома. Посадили его в мешок и повезли топить. Притащили к берегу. А прорубь-то мала, еще надо прорубать. Они побежали за кайлом, а мешок оставили. Едет мимо один богатый человек. А шут орет из мешка-то:

– Судить-рядить не умею, а в судьи выбирают. Судить-рядить не умею, а в судьи выбирают.

А богач слышит и думает: «А я судить-рядить умею».

Разрезал мешок, спрашивает:

– Чего ты орешь? Может, я вместо тебя?

– Лезь в мешок – тебя в судьи и выберут вместо меня.

Шут его завязал в мешок, а сам сел на его лошадь и уехал.

Батюшка с братом прибежали: раз мешок – и в прорубь. А шут тут и выезжает.

– Ты как, ты откуда взялся? Это откуда у тебя лошадь-то? – они его спрашивают.

– Оттуда: из реки.

Батюшка первый и кинулся в воду, а брат за ним. Ну и сейчас там.

* Чугунка – сосуд для варки пищи в русской печи.

** Жигало – горячий предмет, используемый для того, чтобы обжечь, прижечь.

89. Беззаботный поп

Жил в одной деревне поп. Работы у него особой нету, на полях он не работает: это не поповское дело – коров доить, хлеб растить. А у того попа был работник. И подговорил он попа написать у себя на воротах объявление «здесь живет беззаботный поп», чтобы все знали, что у него заботы нет.

Долго ли, коротко ли эта бумажка у него висела, едет архиерей, смотрит: бумажка висит, – читает: «Беззаботный поп». «Да какой же это поп, разве может у нас быть такой поп, у которого нет заботы. У попа должна быть всегда забота: то крестить, то отпевать, то венчать, то соборовать. А это какой же поп? Надо такого попа убрать».

Посылает архиерей своего слугу. «Сходи-ка, – говорит, – позови этого попа ко мне». Ну, слуга сходил. Пришел поп. Архиерей говорит:

– Значит, ты поп беззаботный? Нам таких попов не надо. Ведь у тебя же каждый день должна быть забота. Вот крестить, отпевать, венчать – ведь это же все равно забота; а ты говоришь: беззаботный поп. Я вот тебя за это накажу.

А поп ему:

– Дак ну уж прости меня, батюшка, это ведь я нечаянно так написал.

– Ну, ладно, – говорит архиерей, – если отгадаешь мои три загадки, то я тебя прощу. А если не отгадаешь, то накажу.

– А какие загадки?

– А вот первая загадка: сколько я стою? какая моя цена?

– А вторая?

– А вторая загадка такая: сколько весит моя голова?

– А третья?

– А третья загадка: что я думаю?

Пошел поп к себе домой, переживает: «Как такие загадки отгадать? Вот если я скажу, сколько он стоит, он скажет: я не столько стою, а дороже. Как я ему цену дам? Сколько он стоит? Кто его знает. Или вот вторая загадка: сколько весит его голова? Я вот скажу, сколько она весит, а он скажет: нет, она больше весит, – или скажет: меньше весит. И тем более как я угадаю, что он думает? Я скажу, что он думает, а он скажет: нет, я это не думаю, я другое думаю. Как у человека мысли угадать?»

Пришел домой и своему работнику говорит:

– Ты меня подучил написать такое объявление, так вот давай и загадки вместе угадывать. А если не угадаем, то нам обоим плохо придется.

Работник и спрашивает:

– А когда он велел угадывать?

– А завтра.

– Ну че, завтра и угадаем.

Приходит назавтра работник к попу и говорит: «Снимай свою одежду: я пойду вместо тебя загадки угадывать». Снял поп свою рясу, все поповское одеяние, работник его надел и пошел загадки угадывать.

Приходит к архиерею и говорит:

– Вот, я пришел загадки ваши угадать. Повторите мне первую загадку.

Архиерей ему повторяет:

– Сколько я стою?

– Сколько вы стоите? Ну, я бы, по вашему виду, по вашему уму, дал бы за вас тридцать три серебряника.

Архиерей удивляется:

– Что, так мало? Неужели я только тридцать три серебряника стою?

– А что, – говорит работник, – Иуда продал же Христа за тридцать три серебряника, а вы ведь все-таки не Христос, а только архиерей, ведь это же большая разница. А я и то вам предлагаю тридцать три серебряника.

– Да, пожалуй, – согласился архиерей. – Ладно,

первую загадку, предположим, ты угадал. Давай, теперь угадай вторую: сколько весит моя голова?

– Ну, килограмма три.

– Да нет, – говорит, – не думаю. Пожалуй, не три килограмма, а больше – может быть, три с половиной. Ты не угадал.

А работник ему:

– Ну че, давайте отрубим вашу голову и взвесим. Узнаем, больше или меньше, кто из нас прав. А я говорю, что три.

Архиерей аж попятился: как отрубить голову и взвесить!

– Нет, – говорит, – я свою голову рубить не дам. Ладно уж, я согласен: пусть моя голова три килограмма весит.

А сам думает: «Вот третью он все равно не угадает. Он скажет: то думаю. А я скажу: я это не думал, а совсем другое».

А работник просит:

– Повторите третью загадку.

Архиерей говорит:

– А вот третья загадка: что я думаю?

А работник и говорит:

– Вы думаете, что я поп. А я не поп – я только его работник.

Взял и снял с себя одежду. И оказалось действительно так, что он не поп, а только его работник. И архиерею пришлось признаться, что он действительно думал, что он разговаривает с попом.

Ну вот, все угадал, архиерею деваться было некуда, он сказал: «Ладно, я вас прощаю, только эту бумажку убрать надо».

Бумажку убрали, и стал опять поп жить-поживать, добра наживать.

90. Поп и работник

Вот жили-были поп с попадьею. У них двое детей было – Лукша да Перша. Взяли они себе работника, Иванушку, и так с ним договорились: если поп на работника рассер-

дится – у работника три ремня со спины вырезать, а если Иван на попа рассердится – то у него вырезать. Хозяйство у попа было большое-большое, много скота и всякой всячины.

Вот садятся они завтракать, Лукша с Першей в уборную захотят – работник веде. Пока они ходят, поп пообедаёт, а работник голодный. Так и утром, и вечером, и в обед. Поп спрашивает: «Ты, работник, сердисься?» Иванушка отвечает: «Нет».

Раз поехали поп с попадьею на базар, а Ивану наказывают: «Заколи овечку!» А Иван спрашивает: «А которую?» Поп говорит: «Зайди в конюшню, крикни: «Мыс, мыс!» – которая взглянет на тебя, ту и бери, заколи и свари суп. И положи туда луку и перцу». А Иванушка подумал – Лукшу и Першу. Он овцу заколол, суп сварил и Лукшу с Першей туда же в котел утолкал. Вечером приехали с базара поп с попадьею. Поп спрашивает: «Суп готов?» А Иван отвечает: «Готов, батюшка, готов!» Поп дальше спрашивает: «А где Лукша с Першей?» Иван говорит: «Ты же сам велел их в суп положить». Попадья заревела, а поп молчит. Хоть и сердится, а признаться нельзя. Стали поп с попадьею думать, как бы им от работника избавиться.

Поп говорит: «Ты, матушка, сухарей насуши. Насушим – уйдем из дома, пусть он, дурак, здесь остается».

А Иванушка в то время на печи лежал, подслушивал. Дождался, когда попадья мешок сухарей приготовит, взял, отбавил сухарей, залез в мешок и завязал его. А поп пришел домой, взял мешок на закромки, и побежали они с матушкой. А Иван кричит из мешка: «Поп, стой! Поп, стой!» Поп говорит: «Матушка, догоняет он нас!»

Подошли к речке, сели отдохнуть. Иван вылез из мешка и сел за ними. Поп удивился: «Откуда ты здесь?» А Иван говорит: «Ты же сам меня нес».

Поп говорит попадье: «Давай здесь пока заночуем у речки. Как он заснет, я тебя ткну под бок, мы его за руки, за ноги и кинем в реку». Поп с попадьею бежали весь день, устали, как легли – сразу же уснули. А Ивану хоть бы что: он нисколько не устал, лежит – не спит. Взял и переложил

попадью на свое место. Поп проснулся, толкнул Ивана и говорит: «Давай!» Взяли попадью и утопили. «Ну, – говорит поп, – слава богу». И снова спать лег. А утром поп спрашивает: «А ты откуда взялся здесь? И где попадья?» Иван-то и говорит: «Батюшка, так ведь мы матушку вместе в реку бросали!»

Поп думал, думал и сам утонул. На том и конец.

91. Иван-дурак и поп

Стал Иван-дурак в работники наряжаться. Да никто его, дурака, не берет. Пошел он на рынок. Идет батюшка и говорит:

- Мне бы надо работника.
- А меня не возьмешь?
- Дак че не возьму? Возьму!

Иван согласился, батюшка согласился. Пошли к попу домой. А Иван слышал, что поп работников брал, да не кормил. Сели есть. Поп говорит:

– Давай, старуха, пообедаем, а заодно уж и поужинаем. И уж потом отробимся, да и спать.

Поели, Иван забрался на полати, спать ложится. А батюшка ему говорит:

- Да ты что, Иван, надо поробить.
- Ха, да после ужина в каждом доме спят.

И все, завалился спать и не встает. Батюшка думает: «Как же мне с ним быть; надо, видно, как-то по-другому его работать заставить». На следующий день говорит:

- Иван, ты сегодня погони овец пастись.

Пошел Иван овец пасти. Едет мимо один богатый человек, спрашивает:

- Чье это стадо пасется?
- Я пасу и стадо мое.
- А ты не продашь?
- Дак че не продам, если хороши деньги дань. Продам.

Тот купил. А Иван одну овцу связал и в болотину воткнул. Домой пришел – поп его спрашивает:

– А где, Иван, овцы?

– А зашли вон в такую-то болотину, до единой погибли все, вот одну только видно немного.

– Дак че это, Иван, тебя никуда послать нельзя, ниче робить нельзя заставить.

А матушка попу и шепчет: «Батюшка, есть такая мельница, откуда никто живой не выходит. Давай пошлем его туда!» Послали Ивана на мельницу. Иван собрался, поехал. А на той мельнице чертей шибко много водилось. Приехал Иван, засыпал зерно, сам сел, ножку на ножку закинул, сидит, покачивает. Прибежал чертенок, остановил мельницу. Иван соскочил.

– Какая это гадина мельницу остановила?

Пустил мельницу, опять сел. Мельница опять стала. Иван увидел чертенка, поймал его и говорит:

– Тебе что тут надо?

– А мы тут никогда не даем никому молоть. И живым отсюда никто не выходит.

Иван говорит:

– Я выйду живым, да еще и с богатством, и муку домой привезу.

Чертенок побежал, рассказал все это старшему черту. Старший черт говорит:

– Спроси, сколь ему и чего надо? Мы с ним поборемся. Если наперегонки – дак я его перегоню.

Пошел чертенок к Ивану, предложил ему со старшим чертом наперегонки сбегать. Если, мол, черт его обгонит, Ивана черти в омут утянут; а если Иван черта обгонит, то черти разрешат ему и муку на мельнице смолоть и золота мешок дадут.

А Иван уж двух зайцев поймал, одного в мешок спрятал, а другого гладит и говорит:

– Вот у меня младший братик, вы уж сначала с ним наперегонки сбегайте. Если уж не получится, я сам побегу.

Взял и выпустил зайца, черт бежит, запыхался весь,

подбежал, а Иван уж второго зайца достал, на коленках держит, гладит и говорит:

– Устал, бедный, умаялся!

Пришлось чертям свое обещание держать.

Приехал Иван домой, золото привез и муки мешок. Батюшка увидел его, обмер, говорит попадье:

– Все равно он нас перехитрил. Видно, нам от него не отбиться.

А матушка и говорит:

– Так надо его еще в такое место послать, чтобы он живым не оказался.

– А нет, лучше вот что сделаем. Сами от него убежим и золото все заберем.

Положили золото в мешок, а сверху пирогов наклали. А Иван опять подслушал все, забрался тихонько в мешок, под пироги, и сидит.

Взвалил батюшка этот мешок.

– Ой, матушка, столь тяжело наклала. Как тащить – сам не знаю.

– Ну, батюшка, жить-то чем-то надо, своя ведь ноша-то.

Ну ладно, бежали, бежали и остановились, мешок развязали, а оттуда Иван вылезает.

– А че, я опять тут.

Не знают, че и делать, как от него отделаться. Пришли к какой-то реке, там гора крутая. Матушка и придумала:

– Батюшка, он уснет, дак мы его с горы-то и спихнем, вот и отделаемся от него.

А Иван снова подслушивает. Поп с попадьею уснули. Иван матушку переложил на свое место, а сам на ее место лег и говорит тихонько:

– Ну, батюшка, пора.

Раскачали, матушку бросили. А Иван кричит:

– Батюшка, а я ведь тут.

Так и не мог поп от Ивана отделаться. Вот и все.

92. Про Игнашку вора

Жил один барин, и был у него работник Игнашка.

Игнашка был хорошим парнем, работающим. А барину все казалось, что он мало работает, много ест, что он даже тащит от барина, ворует, скрывает. И он стал называть Игнашку вором.

– Ты, – говорит, – Игнашка, вор!

А Игнашка ему:

– Вор так вор.

– Ну вот, если ты, Игнашка, вор, то вот попробуй укради у меня лошадей с конюшни. Если украдешь, то я тебя не буду наказывать за это пока, я только проверю, как ты воровать умеешь.

А Игнашка говорит:

– Ладно, украсть так украсть.

А барин привязал к конюшне злых собак, чтобы Игнашка туда и подойти не смог.

А Игнашка пошел в магазин, купил водочки, взял муки, на водочке сделал колобки и набросал собакам. Собаки наелись этих колобков и пьяные стали и уснули, а он взял их, хвостами связал и через забор перебросил, а лошадей увел.

Утром барин проснулся и слышит: собаки возле забора воют. Говорит:

– Что такое, что случилось, почему собаки воют?

– А они, – ему говорят, – хвостами связаны и через забор брошены.

– Лошади-то целы?

Кинулись слуги – а лошадей-то нет.

Вызывает поп Игнашку. Пришел Игнашка – поп спрашивает:

– Ты, Игнашка, украл лошадей?

– Украл так украл, вам дела нет.

– Ладно, Игнашка, прощаю тебе лошадей, а вот давай укради-ка из-под меня войлок.

А поп не только сам на войлок спать лег, а даже еще

свою жену положил. Думал-думал Игнашка, как из-под них войлок вытащить, думал-думал, посмотрел: на печи квашня киснет. Он взял да отбавил от квашонки в криночку, да и вылил между ними тесто-то. Попадья проснулась и говорит:

– Батюшка, что ж ты, смотри-ка, че-то неладно у нас тут.

Поп проснулся, смотрит: правда, неладно, – говорит:

– Игнашка-то, наверное, спит, давай тихонько войлок на печь положим сушить, чтобы никто не видел.

Ну и тихонько втащили войлок-то на печь. А Игнашке только это и надо, он с печи войлок-то и стащил.

Утром проснулись – войлока нет. Опять Игнашку поп вызывает:

– Игнашка, ты войлок стащил?

– Стащил так стащил, вам дела нет.

– Ну, подожди, Игнашка, я тебя все равно поймаю! А укради вот из сундука деньги!

Стал Игнашка думать, как эти деньги украсть. А сундук, в котором деньги лежали, стоял в комнате с одним окном. Поп сел с топором к окну, сидит и ждет, когда Игнашка полезет.

А Игнашка взял запасные брюки, запасную рубашку, натолкал туда соломы – сделал чучело, шапку надел на это чучело, голову сделал и тихонько это чучело ночью толкает в окошко. А барин увидел, что Игнашка лезет, раз – ему по башану* и рубанул. Побежал к попадье рассказать о том, что он Игнашке отрубил голову. А Игнашка в это время бросил чучело, залез в окно да и вытащил деньги. Вот наутро хватился поп – а денег нет; опять Игнашку вызывает:

– Игнашка, ты украд деньги?

– Да украд, украд, а вам дела нет.

– Ну, Игнашка, попадешься, все равно я тебе голову отрублю. А если ты такой вор хороший, укради у меня попадью.

А сам думает: «Ну уж попадьё-то ему ни за что не украсть: ведь она, если что, кричать будет». А сам все-таки Игнашки боится. Наутро взял, запряг пару лошадей и

повез свою жену подальше, чтоб Игнашка не видел, а сам кучером сел.

А Игнашка все это выследил, вперед них побежал по дороге и бросил на дорогу сапог новый. А поп едет и говорит: «Смотри-ка: новый сапог на дороге валяется. Ну, куда мне его один-то. Ладно, пусть валяется». Дальше поехали. А Игнашка опять вперед забежал и второй сапог на дорогу бросил. А поп смотрит: и второй сапог на дороге валяется. «Что, – думает, – я тот-то сапог не подобрал: ведь бы пара была. Ну-ка я сбегая, подберу, недалеко ведь».

Остановил лошадей-то и побежал обратно, чтобы первый сапог подобрать. А Игнашке это и надо, он выскочил из леса, сел, понужнул лошадей и увез попадью. Поп прибежал – ни лошадей, ни телеги, ни жены. Вернулся домой, опять вызывает Игнашку:

– Игнашка, ты украл?

– Украл так украл, вам дела нет, теперь я ее вам не отдам.

– Как так? Отдай, отдай, Богом прошу! Я тебе за это дом построю, корову дам, свадьбу соберу.

Игнашка и согласился, у него уже и невеста была. Женится Игнашка и стал жить-поживать и добра наживать.

* Башан – голова.

93. Удалой Савва

Жили-были Савва и его жена. Жили они плохо. Вот сдумали они корову заколоть. Закололи. Понес Савва шкуру коровы продавать.

В дороге застала его ночь. Надо ему где-то заночевать, и постучался он в один дом. Хозяйка его пустила. Мужа у хозяйки дома не было, а к ней пришел ухажер. Немного погодя вернулся хозяин и стучится в дверь. Савва спит, ухажер тоже. Хозяйка и Савва не знают, куда девать ухажера, а Савва придумал снарядить его в кожу коровы с копытами и рогами и говорит ему: «Буду кричать «черт,

выходи» трижды, выйдешь на третий раз». Спустил Савва ухажера в голбец*, а сам думает: «Скажу хозяину, что у него в доме черт есть».

Хозяин зашел в избу, а Савва ему и говорит: «Хозяин, у тебя в избе живет черт. Если неправда – заплачу тебе двести рублей, а если правда – то ты мне». Хозяин согласился: «Давай будем вызывать черта». Савва кричит: «Черт, выходи», – черт не показывается. Второй раз Савва кричит: «Черт, выходи», – опять черт не выходит. А хозяин ему и говорит: «Нет у меня никакого черта – отдавай деньги». Савва же в ответ: «Погоди, не спеши, я еще третий раз гаркну: «Черт, выходи». Черт вышел рогатый с копытами. Хозяин испугался, отдал Савве деньги двести рублей, а Савва и выгнал черта из дому.

Савва вернулся домой, деньги при себе, соседи спрашивают его: «За что такие деньги выручил?» А Савва отвечает: «За кожу, в город ходил, кожи нынче там дорогие, по двести рублей». Соседи тут же закололи всех коров и повезли в город на продажу. У них кожи никто не купил. Вернулись они домой озлобленные, завязали Савву в мешок и бросили в прорубь. Савва тонет и кричит: «Ни писать, ни читать не умею, а в старосты ставят. Подходи, кто желает». В то время едет барин на паре коней, услышал, как Савва кричит. Подбежал барин к проруби, достал Савву, выпустил и говорит: «Я пойду в старосты». Савва сунул его в мешок и в прорубь бросил, сел на пару коней и поехал домой.

Соседи видят, что Савва живой и невредимый приехал, да еще на паре коней, спрашивают: «Мы тебя утопили, а ты на конях приехал. Как так?» А Савва в ответ: «У чертей кони дешевле: купил коней за пару рублей». Бабы мужиков засунули в мешок и побросали в прорубь. Ждут, ждут, а мужики в это время-то и потонули. Побежали бабы за Саввой, завязали его в мешок и уволокли в поле, там бросили. Но Савва не растерялся и кричит: «Кому жениться неохота – полезай в мешок!» Идет мимо холостой парень и говорит: «Я не хочу жениться», – развязал Савву и полез в мешок. Савва вышел с поля и пришел домой.

Живет Савва с женой хорошо: деньги есть и кони есть. Под окном у них озеро. В озере щука да елец, и всей сказке конец.

* Голбец – подполье, находящееся в избе.

9/4. Шел солдат со службы

Шел солдат со службы. Путь домой дальний, а есть у солдата нечего. Сколько там было сухарей – все уже съел. Зашел на квартиру, попросился ночевать, а старик-хозяин ему и говорит:

– Будешь мне всю ночь сказки рассказывать – пушу тебя на ночлег.

Солдат согласился:

– Ладно, буду рассказывать.

Пожинали они и легли на полати. Лежат.

– Давай, – говорит старик, – теперь рассказывай.

Пришлось солдату рассказывать. Сначала рассказал, где служил, что видел, какая служба была, потом уже на сказки перешел: и про медведей, и про волков, и про зверей разных. Старик слушал, слушал да и уснул. Уснул, да и приснилось ему зверье-то это, он испугался да с полатей-то и упал на пол. А солдат уже уснул крепко, не слышит. Вот старик упал на пол, ему старуха и говорит:

– Ой-ой, что ж ты, старичок, упал-то?

– Не подходи ко мне, старуха: я не старик твой, я – волк!

– Как, – говорит, – волк, ты же не волк, ты же мой старичок.

– Нет, я теперь волк. Иди, а то я тебя съем.

Испугалась старуха.

– Это, – говорит старик, – вовсе не солдат к нам зашел – это медведь. Он сделал меня волком. Теперь я волк. А ты, старуха, теперь будешь волчица. Не подходи, а то я тебя съем!

Завыла старуха, заплакала:

– Да что с тобой, милый мой старичок, мы же с тобой долго прожили, да какой же ты волк, да ведь это же солдатик зашел ночевать.

Он все равно свое:

– Не подходи, не подходи!

Старуха старалась его вразумить, тут и солдат проснулся.

– Что, – спрашивает, – случилось?

– Да вот, – говорит, – старик в волка превратился.

Нет-нет и вразумили старика, что он действительно не волк, а старик. И солдат ему сказал:

– Вот не надо много сказок-то слушать, а то ведь, действительно, потом превратишься в какого-нибудь зверя.

И стал после этого старик умней: не стал выпрашивать у всех сказки, а сам стал спать крепким сном.

95. Солдат и шаньги

Шел солдат со службы. Дорога была длинная, а продуктов на дорогу давали мало – чаще всего одни сухари. Вот идет солдат уже вторую неделю. Переночует у кого-нибудь и дальше идет. Зашел он к одной пожилой женщине. Покормила она солдата чем бог послал: разными репными паренками. Ел солдат, ел да спросил: «Нет ли у тебя еще такого добреца?» Ну, женщина добавила еще тарелочку. А ночью-то и разболелся живот у солдата. До утра промаялся и утром не смог идти дальше. Еще ночь пришлось ночевать. А на следующее утро хозяйка шаньги стряпала. Сложила шанежки на дощечку и поставила дощечку на залавочек. Сама ушла за водой на речку. А солдату так охота шанег поесть. Ведь в армии шаньгами не кормят. Взял одну и съел. А сам все еще в постели лежит, болеет. Пришла хозяйка с водой, вымила воду в кадку и стала шаньги вслух считать: «Пара, пара, пара –

у одной шаньги пары нету. Видно, солдат одну шаньгу съел».

Солдат эти слова слышал и понял, что она только парами считать умеет. Хозяйка снова за водой ушла, а солдат еще одну шаньгу съел. Пришла хозяйка с водой, снова вылила воду и стала опять шаньги считать: «Пара, пара, пара – все шаньги парами». Говорит: «А, испугался, видно, и обратно положил».

Тут солдат понял, что надо есть не по одной шаньге, а парами. Хозяйка ушла, а он съел шанег парами столько, что наелся. И шаньгами наелся, и женщина ни о чем не догадалась.

96. Я молодец – с того света выходец

Шел солдат со службы. Впустила его одна бабушка ночевать. Напоила, накормила, а солдат и говорит: «Бабушка, нет ли у тебя аршина холста? Я молодец – с того света выходец. Твой сын там овец пасет, просит, чтоб ты послала ему холста на штаны: он весь обносился». Старуха ему холста отрезала, он и ушел с холстом. Вскоре у старухи сын домой вернулся, она у него и спрашивает: «А я вот тебе холст посылала. Ты получил его, нет?» – «Куда ты его послала?» – «Да на тот свет, солдатик один сказал, что ты там овец пасешь». – «Ну, мама, какая же ты глупая! Как на тот свет, да разве я там был? Я же в армии служил». Посокрушалась старуха, а сын потом говорит: «Ну ладно, мама, ты холст отдала, а я пойду по свету, может, что-нибудь получше найду».

Едет, едет на лошади, видит: барыня стоит на крылечке, улыбается, а рядом с ней свинья пасется. «Куда, – говорит барыня, – добрый молодец, поехал?» – «Я поехал вашу свинью в гости звать. Наша свинья замуж идет, вашу свинью с поросятами в гости зовет». – «А когда свадьба?» – барыня спрашивает. «Да завтра. Давай погрузим свинью,

я ее на свадьбу к сестре свезу. Ведь наша свинья вашей свинье сестра». Взяли свинью погрузили, поросят погрузили. Уехал парень со свиньей и поросятами. Хозяин у барыни вернулся, спрашивает: «Где свинья?» Барыня ему рассказывает: «Вот приезжал молодец, сказал, что его свинья замуж идет, нашу свинью в гости зовет. Я и отправила нашу свинью на свадьбу». Хозяин заругался, на лошадь сел и за тем молодым поехал, который свинью увез. А парень услышал, что за ним погоня, лошадь со свиньей и поросятами загнал в лес, а сам сел у пенечка, шапку на пенечек положил и сидит. Подъезжает хозяин свиньи, спрашивает: «Что, не видал, не проезжал ли кто со свиньей?» – «Да проехал, – парень ему отвечает, – я видел куда. Могу догнать. А ты сядь тут, шапку мою покарауль: там у меня птица сидит, под этой шапкой. Не поднимай шапку, пока я не подъеду. Только у меня лошадь, наверное, хуже твоей будет, дай мне свою, я на ней быстрее догоню». Взял парень лошадь и поехал, потом и свою лошадь со свиньей забрал. А мужик тот сидел, сидел, ждал, ждал. Шапку поднял – ничего нету. Так и остался безо всего.

97. Про золотую голову

Жили мужик да баба. Пошел раз мужик на работу, слышит: кто-то кричит:

– Спасите, спасите, тону, тону!

Подбежал, видит: кто-то тонет. Он взял его и вытащил из воды. А оказывается, это был барин. Поблагодарил он мужика и за то, что он его спас, дал ему золота с конскую голову. Обрадовался мужик, что у него много золота появилось. Идет по дороге, не знает, куда это золото девать. И надумал он пойти на базар и продать его. Идет, идет, и догоняют его мужики на лошадях, тоже на базар едут лошадей продавать.

– Эй ты, мужик, что несешь?

– Золото с конскую голову.
– А куда ты его понес?
– На базар продавать.
– Дак зачем тебе продавать? Ты лучше поменяй на лошады: ты в хозяйстве живешь, тебе лошадь нужна. На лошади и за сеном съездишь, и дров привезешь.

Мужик согласился, взял и поменял золото на лошадь. Ведет лошадь под уздцы. Идет дальше, видит: мужики ведут на базар коров продавать.

– Эй, мужик, откуда лошадь взял и куда ведешь?
– Да вот, поменял на лошадь золото с конскую голову, домой веду.

– Дак зачем тебе лошадь? Вот ты бы корову взял. От коровы и молоко есть, и теленочка она тебе родит. И молоко тебе будет, и сливки, и сметана, и масло.

Подумал, подумал мужик, взял и поменял лошадь на корову. Идет дальше, ведет корову за рога. Попадаются ему опять мужики по дороге, везут свиней на базар.

– Эй ты, мужик, куда корову-то тащишь? У тебя и веревки-то нет.

– Да я ее недавно выменял на лошадь.

– А лошадь ты где взял?

– Да я ее выменял на золото с конскую голову.

– А золото где взял?

– Да я спас барины, он мне подарил.

– Дак зачем тебе корова? Вот возьми свинью, вот свинья другое дело. Ведь свинья она два раза в год опорос даст, да по десять-пятнадцать поросят. Ты их продашь и себя накормишь, и мясо, и сало, и щетина у тебя будут, и жить ты будешь хорошо.

Подумал, подумал мужик, взял и поменял. Едет дальше, там мужики овец на базар везут. Давай его уговаривать свинью на овцу поменять, давай нахваливать, что овца шерсть дает и вся семья будет одета. Уговорили, поменял мужик свинью на овцу. Ведет овцу, видит: гусей везут на базар продавать, спрашивают у него:

– Эй, мужик, что это ты так волокешь?

– Да я овцу на свинью выменял.

– А свинью где взял?

– Да выменял на корову, а корову – на лошадь, а лошадь – на золото с конскую голову.

– Дак ты что, променяй овцу на гусиху. Гусиха знаешь сколько гусят выводит, у тебя и перо будет, и пух, и гусиное вкусное мясо.

Поменял мужик овцу на гусиху, а гусиху променял еще потом на курицу. А курицу в конце концов променял на иголку. Идет домой. Стал перелезать через изгородь и иголку потерял. Ходит, ищет, шарит. Едут мужики и спрашивают:

– Ты что это, мужик, тут ищешь, шаришь?

– Да иголку потерял.

– Да какая иголка, где ты ее взял?

– Да я ее на курицу променял.

– А курицу где взял?

– А курицу на гусиху сменял, а гусиху я на барана сменял. Барана на свинью, а свинью на корову, а корову на лошадь. У меня лошадь была.

– А лошадь ты где взял?

– Да выменял на золото с конскую голову.

– Ух, ты, мужик, мужик, разве так можно. Вот ты сейчас придешь домой – баба тебя выгонит из дома. У тебя столько богатства-то было, золото было, а ты с одной иголкой остался и ту потерял.

– Да нет, не заругается.

– Нет, заругается. Давай поспорим.

И поспорили об заклад, о ста рублях срядились. А в то время сто рублей были большие деньги. Мужики думают: «Возьмем мы с него сто рублей, нам на всех хватит». Приходят к мужику домой, стали под порогом, а жена его вышла и говорит:

– Что пришли?

– Да вот, твоего муженька привели.

– А в чем дело?

– Да вот, – говорят, – шел он на работу и барина из реки вытащил. А барин ему дал золото с конскую голову. А это золото он променял на лошадь, а лошадь променял

на корову, а корову променял на свинью, а свинью променял на барана, а барана – на гуся, а гуся – на курицу, а курицу – на иголку, а иголку потерял.

Жена слушала, слушала и говорит:

– Слава богу, что сам пришел живой, и за то спасибо!

Пришлось этим мужикам отдать проспоренные сто рублей. А муж с женой стали жить да поживать и добра еще наживать.

98. Кобыльи яйца

Пошел поп по базару. А до этого все ходили у него работники да попадая, он больно-то и не бывал. Смотрит: арбузы лежат, – а он и не видал никогда арбузов. И спрашивает у продавцов:

– Это что за яйца, чьи это яйца такие?

Ну, тем смешно стало, что он арбузы яйцами называет. Они говорят:

– Да это лошадиные.

Поп говорит:

– А я давно хотел, чтобы у меня две лошади были, давайте мне парочку.

И купил два арбуза. А еще спросил: «А как их высиживать?» – «Да так же, как курица высиживает яйца: их нужно нагревать, сидеть на них три недели, и из них вылупятся маленькие жеребята. Надо будет этих жеребят так же, как цыплят, кормить, и они вырастут и будут лошадики». Понравилось попу, что так легко можно жеребят вырастить. Он принес эти арбузы домой, нашел сито, постелил в него соломки, положил эти арбузы и, чтоб тепло было, поставил их на печку в уголок, а сам сверху сел, чтоб парить, как курица. И не стал на службу выходить.

Неделю сидит, парит, вторую неделю сидит, парит. А люди удивляются: «Куда у нас батюшка девался, почему на службу не ходит?» И спрашивают попадая:

– Где у нас батюшка, почему это он не стал на службу выходить?

– Да он, – говорит попадья, – болеет, не может выйти.

– Ладно, – говорят миряне, – раз батюшка болеет, надо сходить его попроведать.

Сказали матушке, что попроведать придут, а матушка попу передала. Он говорит:

– Нет, ты пока не пускай ко мне никого: я только две недели просидел, значит, еще надо неделю сидеть.

Ну, а люди все равно волнуются: как же это мы не попроведаем батюшку, больного такого? И вот собралось много людей около дома, все похаживают, поглядывают, а попадья их в дом не пускает. А поп испугался, что кто-нибудь все же зайдет и увидит, что он сидит, яйца выпаривает, и решил сбежать от людей-то. Привязал это лукошко к себе, чтобы яйца-то не остыли, и побежал в лес.

А люди-то уследили и следом побежали: мол, неладно что-то с батюшкой-то, побежал он куда-то, в уме ли он?

Поп видит, что люди-то за ним идут, не знает, куда деваться. Взял и на елку залез. Сидит там в гуще, поглядывает. А они уже ближе подходят, люди-то. Поп решил лучше припрятаться, и у него лукошко-то за сучок задело и оторвалось. И арбузы оттуда выпали. А под елкой этой в чаще* зайцы сидели. Зайцы-то выпрыгнули и побежали, а поп подумал, что это уже у него жеребята выпарились и разбегаются. Ему жалко, что он столько труда потратил, столько сидел, он с елки соскочил и бежит, кричит:

– Тпру, тпру, стойте, я ваша мать; стойте, не убегайте, я ваша мать!

А люди смотрят: что такое, почему он кричит, бежит? Окружили его, поймали, думают: не с ума ли он сошел. А поп им:

– Не трогайте меня. У меня жеребята побежали. Я их высидел. А теперь должен их воспитать.

– Да где, – говорят, – жеребята-то?

– Да вон бегут, белянькие такие, светленькие.

– Да это ведь зайцы!

– Как зайцы? Я ведь жеребят высиживал.

Рассказал поп, как он кобыльи яйца на базаре купил и как их высиживал, а люди рядом арбузы разбитые нашли и стали смеяться над батюшкой. «Вы уж не говорите никому», – попросил поп мирян.

И стал он снова жить-поживать и добра наживать.

* Чаша – здесь: куча сучьев, веток в лесу.

99. Как Иван-дурак за счастьем ходил

Жил-был старик, был у него сын – Иван-дурак. Говорит он однажды: «Отец, я пойду счастье искать». – «Иди», – отец ему разрешает. Шел, шел Иван-дурак по дороге, видит: люди рожь жнут. Он взял да и сказал им что-то невпопад – те его бить стали. Вернулся домой: «Отец, меня били». – «За что?» – «Я шел по дороге, там люди рожь жали, а я сказал им что-то невпопад». Отец ему говорит: «Дурак, ты бы сказал: носить вам, да не выносить». Иван говорит: «Ну, я пойду, скажу». Пошел по дороге, а навстречу несут покойника. Он остановился и говорит: «Носить вам, да не выносить». Люди стали его бить. Иван вернулся домой, рассказал отцу, за что его били. А тот и говорит: «Дурак, ты бы сказал: святы крепкие, бессмертные, помилуйте нас». Иван говорит: «Ну ладно, пойду, скажу». Идет по дороге, видит: мужик штаны спустил, сидит на корточках. Иван подошел и говорит: «Святы крепки, бессмертны, помилуйте нас». Мужик штаны надернул, давай Ивана бить. Иван домой вернулся, снова отцу все рассказал. А тот ему говорит: «Дурак, ты бы увидел, плюнул да дальше пошел». Вот идет Иван по дороге, на улице жара, видит: люди тюрю с творогом едят. Он подошел – харь им в чашку-то. Они еду побросали, стали его бить. Вернулся Иван домой, рассказал все отцу. А он: «Дурак, надо было сказать: хлеб, соль, милости вашей». Иван говорит: «Ну, я пойду, скажу». Идет снова по дороге, видит: лошадь пала, люди шкуру обдирают. Он подошел да сказал: «Хлеб, соль, милости

вашей». Те стали его бить. Вернулся Иван домой, рассказал все отцу. А отец его поучает: «Дурак, Иван, ты бы шел да мимо прошел». Пошел Иван снова. Идет по дороге, а там мужик везет воз сена, и он у него развалился. А Иван шел да мимо прошел. Мужик стал Ивана бить. Вернулся Иван побитый домой, рассказал все отцу. Тот говорит: «Ты бы взял да подсобил». Иван говорит: «Ну, я пойду, подсоблю». Идет по дороге, никого уж не встречает. Вот лежит соха. Он взял ее на плечо и дальше пошел. Видит: лежит борона. Он ее на плечо взял и дальше идет. Идет, видит: лежит старуха, умерла. Он ее на плечо взял, дальше пошел. Видит: дом стоит. Зашел – там никого нет. Поднялся Иван на чердак. Через какое-то время приехали разбойники. Наставили питье, еду, денег насыпали на стол. Поели, попили. А Иван-дурак вскрыл потолочину и опустил соху, держит ее над столом. Атаман говорит: «Это нам Бог дает». Приняли соху. Иван опустил борону и держит ее над столом – те и борону приняли. Иван и старуху опустил, разбойники сидят, на нее смотрят, и никто не берет. Иван держал ее, держал да и опустил на стол. Старуха пала, разбойники перепугались, заорали, завопили и подрали из дому-то. А Иван все собрал богатство и домой пришел.

100. Про Ивана-дурака

Жила в одной деревне женщина, у ней было три сына – двое-то умные, а третий дурак. Они все так и называли его – Иван-дурак.

Погнали два брата овец пасти, а Иван-дурак дома остался. А мать испекла пирогов да шанег и говорит: «Иван, отнеси, покорми братьев». Пошел Иван, понес еду, а рядом с ним тень от солнца шагает, а он думает, что это кто-то идет за ним, крадется. Испугался и говорит: «На пирог да не ходи за мной». А тень идет. Он говорит: «На шаньгу да

не ходи со мной». А тень идет. Он кидал, кидал, выкидал все пироги и шаньги. Пришел в поле, а братья говорят:

– Ты зачем, Ванька, пришел?

Он говорит:

– Вам поесть принес.

– А че ты принес?

– Пироги да шаньги.

– Ну где они, давай!

А он говорит:

– Этот все сожрал, – показывает на тень.

– Как сожрал?

– А я говорю: не ходи за мной, я тебе пирогов да шанег дам, – а он все, идет.

– Да это же, – говорят, – тень! Ах ты, Ванька, Ванька, дурак!

Надавали Ваньке тумачков, оставили его овец пасти, а сами домой пошли и говорят:

– Ты, Ванька, хорошо паси овец, чтобы они у тебя не разбредались, все в кучке были.

А сами ушли домой обедать. А Ванька думает: «Как сделать, чтобы овцы не разбредались?» Сходил в лес, надрал лыка и давай овец связывать: кого за рога, кого за хвост – и связал всех в кучу. Они режут, рвутся.

Идут братья. «Что, – думают, – такое, почему это овцы-то все режут?» Подошли.

– Че, – говорят, – Ванька, ты сделал?

– Так вы сказали, чтоб не разбредались, чтоб все в кучке были, вот они у меня и не разбредаются и в кучке все.

– Ох, ты, Ванька, Ванька!

Надавали ему тумачков.

– Иди, – говорят, – домой.

Долго ли, коротко ли время прошло, братья вздумали на работу поехать куда-то и говорят: «Ванька, сиди дома, да дом-то охраняй, вот дверь-то стереги». Ванька остался дома, а поиграть охота сбегать. Думает: «Да че дверь-то, обязательно, что ли, ее тут сидеть стеречь, я дверь-то могу и с собой взять». Взял дверь, снял с петель и на спину себе взгромоздил. Пошел, играет там с ребятами, бегают, а дверь на лугу лежит. Он поглядывает на нее, на дверь-то.

Приехали братья, смотрят: дом открытый, и двери нет. «Да что, – думают, – это такое?» Пошли Ваньку искать, а он на лугах с ребятами играет.

– Ты, – говорят, – Ванька, че наделал, дверь-то где?

– А вон она лежит. Вы же сказали ее охранять. Я вот и охраняю, чтоб ее никто не утащил.

– Ох ты Ванька, ты Ванька, дурак! Ведь мы тебе сказали охранять дверь, чтоб в дом никто не зашел.

Надавали Ваньке тумачков.

Подошла осень. Вздумали братья жениться. Говорят:

– Ванька, съезди на базар, купи соли, горшки, ложки: все это для свадьбы нужно.

Ванька поехал, купил все, что заказывали. Едет домой на лошади. Подъехал к реке, стал лошадь поить. Лошадь не пьет. Он бросил горстку соли – она не пьет, он две горсти – она не пьет. Он сыпнул – она не пьет. Он взял и высыпал весь мешок – она все равно не пьет. Он рассердился на лошадь, как ей даст – она упала да пропала. А горшки-то теперь не знает, как нести. Взял палку, донышки вышиб все у горшков, горшки надел на палку, палку на плечо и шагает. Идет, идет и думает: «Че это я понесу горшки эти: они все равно ведь без донышек, варить-то нельзя будет. А че это я их тащи, майся». Взял и одел их на пенечки. «Милые, – говорит, – пенечки, стойте вы без шапочек. Я вам хоть шапочки подарю». Одел горшки на пеньки, идет дальше, несет ложки в мешке. А ложки в мешке «бряк, бряк, бряк, бряк». А ему кажется, что они говорят: «Иван-дурак, Иван-дурак!» Он говорит: «Не дразнитесь». Опять шагает, быстро шагает. Они «бряк, бряк, бряк, бряк». «Я сказал: не дразнитесь, не обзывайтесь». А они все равно «бряк, бряк», а ему кажется: «Иван-дурак». Он взял, бросил их на дорогу и растоптал.

Пришел домой – братья говорят:

– Ты че, Ванька, купил ли хоть нам че-то?

– Купил, все купил.

– Соль-то купил?

– Купил.

– А где она?

– Так я ее в реку высыпал: лошадь не хотела пресную воду пить.

– А лошадь-то где?

– А я ее стукнул – она пропала.

– Ух ты, Ванька, Ванька-дурак! А горшки-то купил?

– Купил.

– А где они?

– Да я, – говорит, – на пенечки их одел, че они без шапочек.

– Ну, а ложки-то купил?

– Купил. Они обзываются, говорят: «Ванька-дурак! Ванька-дурак!» Я их растоптал, вон на дороге бросил.

– Ох ты Ванька, ты Ванька.

Опять Ваньке тумачков надавали.

– Ладно, – говорят, – Ванька, теперь сиди дома. А мы сами съездим, все купим.

Поехали, а Ваньку дома оставили, наказали:

– Ты на крючок закройся.

А Ванька сидел, сидел дома – скучно. Нечем ему заняться. Встал, воду вылил из кадки на пол, брагу вылил, пиво вылил. Там водочка была на свадьбу куплена – вылил; все молоко из горшков вылил. У него стало воды много в избе, прямо до окон. Взял сельницу, взял лопату и плавает по избе. Туда плывет, сюда плывет.

Ну, а братья приехали, постучали – закрыто, кричат:

– Ванька, открывай!

– Сейчас доплыву.

Они думают: «Да что это такое, где он там плавает?»

– Открывай, – говорят, – быстрей.

– Щас доплыву.

Ну, открыл он дверь с крючка, а вода вся хлынула на них.

– Ох ты Ванька, ты Ванька-дурак! Что ты наделал! Ведь это все было на свадьбу припасено, все надо было.

Опять тумачков Ваньке дали. Все-таки стали они свадьбу собирать, снова все это приобрели. Пиво наварили, браги наделали, водочки купили. Говорят:

– Ванька, ты иди овцу заколи на свадьбу-то.

– А какую, – говорит, – заколоть-то, которую?

– Да котора, – говорят, – на тебя поглядит.

Ну, Ванька пошел во двор. А овец в конюшне много было: семь или восемь. Он взял залез повыше – как в середину прыгнул к ним! Они испугались и все на него поглядели. Он взял и всех зарезал. Братья прибежали, охнули:

– Ты, – говорят, – че это, Ванька, наделал?!

– Так они все на меня глядели – я всех и заколол.

– Ох ты Ванька, Ванька-дурак!

Опять Ваньке тумачков надавали.

Ну, все-таки свадьбу собрали. «Иди, – говорят, – Ванька, позови гостей». Ну, Ванька пошел звать гостей. «Мужики, – говорит, – идите на свадьбу, а баб не берите». Ну, мужики пришли. А хозяева спрашивают: «Так че это одни мужики, бабы-то где? Почему баб-то нет?» – «А я их не позовал». – «Ну, так иди и баб позови».

Он пошел: «Бабы, идите на свадьбу, а ребят не берите». Пришли бабы и заботятся: что там ребятишки делают, поди, ревут они там без нас.

Опять говорят братья: «Ванька, так ты че, ребят-то иди тоже собери на свадьбу, чтоб бабы не заботились об них».

Ванька думает: «Их много, в каждом доме по пять, по шесть. Как я их соберу?» Запряг лошадь, взял большой короб. Подъедет к дому, вытащит ребят и в этот короб бросит; в том, в другом, в третьем доме так-то; их много стало, полный короб с верхом. Он взял бастрык*, придавил их бастрыком-то, которого за ногу, которого за руку, которого посередке. Они пищат, верещат. Ванька едет по деревне, ребятишки ревут. Привез на свадьбу. Повыскакивали матери. «Что, – говорят, – это ты, Ванька, наделал!» Опять Ваньке тумачков надавали.

Ну, Ваньке надоело: все ему тумачки да тумачки. Прошла свадьба – отделились братья, отдельно стали жить. И Ванька остался один, некому стало его бить. И Ванька вырос, стал хорошим человеком, умным, не стал вредничать. На том и сказке конец.

* Бастрык – длинная жердь, которую используют для поддержания на возу сена.

101. Про Солнышко

Жили-были старик со старухой. Была у них одна дочь, да и ту они выдали замуж за Солнышко. Скучно стало старику, вот и пошел он в гости к Солнышку. Шел, шел, шел, насилу пришел.

– Здравствуй, старик! Чем тебя потчевать? – молвило Солнышко и сказало жене, чтоб блинов испекла.

Вот, когда тесто поспело, Солнышко уселось посреди пола и говорит жене:

– Лей мне на голову.

Жена налила на голову – блин испекся. Понравилось это старику. Пришел он домой и кричит старухе:

– Эй, старуха, затевай блины!

Старуха бросилась было печь топить, а он говорит:

– Не надо, замеси только тесто.

Замесила старуха тесто. Подставил старик голову.

– Лей, – говорит, – мне на голову!

Налила ему старуха теста, залепила старику глаза, и уши, и нос, и рот. Блины не испеклись, а старик целый день потом в бане отмывался. После того старик часто повторял пословицу «Чужим умом жить – добра не нажить».

102. Мужики-тасимичи

Жили в одной деревне мужики-тасимичи, беда бес-толковые. Придумали себе церкву строить: «У всех есть церква, а у нас нету». Живо состроили какую-то балагушечку. «Надо, – думают, – ишшо колокольную». Сделали. Тожно надо колокол, а где его взять? Придумали лыко надрать и из него сплести. Сказано – сделано. Сплели колокол, повесили, за веревку дернули, никакой звон не идет, только: «шлык!» Им и чуеться: «еще лыко». Давай еще лыко приплетать. А колокол все однако: «шлык, шлык». Сколь бы они еще бедные промаялись,

да по ту пору ветер сильный задул, у них колокол-то и сдуло на землю. Так, поди, все еще лежит.

103. Глупые люди

Жила одна старушка. Вот стала она олады печь, а сметану из погреба ложкой таскает. Зашел к ней чужой человек и спрашивает:

– Ты, бабушка, что делаешь?

А она говорит:

– Сметану ношу, олады вот напекла.

Он говорит:

– Дак возьми чашку да с ней в погреб и сходи.

Старуха обрадовалась:

– Ой, добрый молодец, спасибо тебе: надоумил. Оставайся с нами жить.

А человек ей и отвечает:

– Нет. Пойду. Если дурней тебя найду, дак не приду, а не найду, дак приду.

Пошел дальше. Шел, шел, в деревню одну зашел. Видит: там вся деревня вздымает корову на баню. Он спрашивает: «Че вы, ребята, тут делаете?» А они ему отвечают: «Дак вот видишь: у нас трава выросла на бане, надо ее убрать, траву-то. Вот мы корову и поднимаем, чтоб она траву выела». Человек сходил, нашел литовку, выкосил сам траву. Люди обрадовались, обедать пошли. Час обедали, два, три. Дело к вечеру – они все еще обедают. А человек прохожий на улице остался, сидит и думает: «Что же это они делают? Ну-ка, я зайду». Поглядел: они сидят все за столом и одной ложкой все едят. Один хлебнет, ложку на полати бросит. Другой сходит, ложку подберет, хлебнет один раз, снова ложку на полати бросит. Так вся деревня и ест.

Подивился человек, достал из рюкзака ложку, кружку, дал им: нате, мол, ешьте, так-то не делайте. Наелись они, потом и человек поел. «Да, – думает, – эти еще дурнее».

104. Солдат и черти

Идет солдат из армии. Пришел в одну деревню, попросился ночевать.

В один дом попросился – его не пустили; в другой дом попросился – опять не пустили; в третий дом попросился – хозяева говорят:

– Да у нас семья очень большая, негде тебе спать-то будет. Вон там у нас свободный дом есть, новый, недавно построенный, дак там черти живут. Мы там и не живем, не знаем, как чертей выгнать.

Он говорит:

– Так вот и пустите меня, я и с чертями заночую.

– Ну, если не боишься чертей, так иди, вместе с чертями и спи.

Вот он пошел в этот дом новый, где черти живут. Сделал постель, поужинал и лег. Откуда ни возьмись выскочил чертенок:

– Чего ты тут на нашей квартире разлегся?

– Я солдат, мне же где-то ночевать надо. Я спросился, мне хозяева сказали: можно с чертями ночевать.

– А что ты умеешь делать?

– Да все умею: я ж солдат!

– А умеешь хоть в карты играть?

– Да, умею.

– Ну так че, давай хоть в карты будем играть, все равно нам вместе ночь коротать.

Встал солдат, сел с чертенком в карты играть и спрашивает:

– А на что играть будем? У меня денег нет, я могу только на шелчки играть. Ну, кто кого обыграет, тот тому шелкает в лоб.

– А сколько раз?

– Ну, хотя бы три шелчка.

– Ну ладно, хорошо, – согласился чертенок.

Играют в карты, и обыграл солдат чертенка.

– Подставляй, – говорит, – лоб.

Чертенюк подставил свой лоб.

Солдат ему щелкает: один, два, раз, два, один, два, раз, два, один, два, раз, два, – а три-то не говорит. А чертенюк-то счет-то не знает, он ждет, когда солдат скажет «три». А солдат все только «один, два, раз, два». У чертенюка уже весь лоб покраснел. Говорит:

– Ладно, так и быть, ночуй, только завтра пораньше уходи отсюда. Я все-таки здесь хозяин.

– А мне, – говорит, – не надо хозяйства, я переночую да дальше уйду.

Так и сделал. Переночевал, а наутро хозяева увидели, что он живой и его черти не заели.

– Ты, – говорят, – как? Видел чертей?

– Видел.

– Да-к ты еще ночуй, пожалуйста, а то мы не знаем, как с ними справиться; может, ты нам поможешь их выгнать.

– Если надо – выгоню.

Снова остался солдат ночевать. Чертенюк опять выскочил ночью.

– Ну, что, – говорит солдат, – снова будем в карты играть?

– Нет, у меня еще до сих пор лоб не отошел, – чертенюк ему отвечает.

– А я, – говорит солдат, – здесь тоже поселился, здесь буду жить. А если не будешь со мной играть, то я вас всех чертей к чертям пошлю.

– Как так?

– А вот так: или в карты играй на щелчки, или отсюда все уходите.

Ну, чертенюку делать было нечего: он ушел и всех чертей с собой увел.

А дом-то солдату отдали, за то, что он чертей выгнал.

А солдат жену себе красивую нашел, стал в новом доме жить-поживать да добра наживать.

105. Чертова невеста

Две девки заспорили. Одна говорит:

– Я пойду в пустую избу прясть.

А другая говорит:

– Не сходишь.

Та пошла, села и прядет на голбе. Прядет, лучина светит. У нее веретешко упало. Она наклонилась за веретешком, а веретешко чертенок схватил. Она ему:

– Отдай веретешко!

– Не отдам. Пойдешь за меня замуж – дак отдам веретено, а не пойдешь – нет.

– Пойду, отдай веретено.

Черт ей веретено отдал и говорит:

– Ну, давай, пойдём!

– Нет, у меня нет пары* хорошей подвенечной.

Он пришел, пару ей принес.

– Нет, у меня нет шали хорошей под венец ехать.

Принес шаль.

– У меня нет шубы хорошей.

Принес шубу.

– У меня нет ботинок хороших.

Принес ботинки.

– У меня нет бруслета.

Принес бруслет.

– У меня нет кольца: венчаться-то кольцо надо.

Принес ей кольцо.

– Мне еще серьги надо хорошие, чтоб золотые, дутые.

Он по серьги-то ушел, а девка назад пятками и убежала.

И все, что ей черт подарил, домой принесла.

А той, второй девке, завидно стало, что эта девка столько богатства нанесла.

Она пошла тоже в пустой дом прясть. Опять веретено упало, подхватил там его чертенок.

Говорит:

– Пойдешь за меня замуж – отдам веретено.

Она говорит:

– Пойду. Только у меня нет шали, нет шубы, нету бруслету, нету кольца, нету пары, нету ботинок.

Он ей все принес. Она одела. И он ее задавил.

* Пара – костюм, состоящий из кофты и юбки.

106. Баба и черт

Мужик женился, баба у него была упрямая. Мужик и говорит:

– Завтра поеду смотреть покосы, а ты со мной не езд.

Выходит, а баба уже на возу сидит. Едут мимо поля, а там один лужок хорошо скошен. Мужик и говорит:

– Гляди, баба, как хорошо скошено, как ножницами пострижено.

А баба:

– Не пострижено, а выбрито.

Мужик подъехал к колодезю и говорит:

– Говори, что пострижено, а то утоплю в колодезе.

– А хоть то же, но выбрито.

Бросил мужик бабу в колодезь, а сам уехал. А в колодезе жил черт. Баба как стала черта гонять: гоняла-гоняла, гоняла-гоняла. Черт стал маленький, как горошина, залез в щелку, а баба все равно его хлещет.

Наутро поехал мужик посмотреть бабу, а черт ему говорит:

– Мужичок, миленький, достань меня отсюда. Чем хочешь, заплачу.

Достал мужик черта из колодезю. Говорит ему черт:

– Я пойду к пану, а ты приходи меня выгонять.

Пришел мужик в корчму и сказал, что чертей умеет выгонять. Пан дал мужику пятьсот рублей. Пришел мужик к пану, выгнал черта. А черт пошел к другому пану, а мужику говорит:

– Ты за мной не ходи.

А пану уже сказали, что мужик умеет черта выгонять. И тот пан дал ему тысячу золотых, а потом говорит:

– Это ты сам чертей нагоняешь.

Черт ушел к третьему пану и говорит мужику:

– Ты за мной не ходи.

А пан зовет мужика выгнать черта. Мужик приходит, а черт говорит:

– Ты зачем пришел? Я ведь не велел тебе приходить.

А мужик говорит:

– Да я пришел тебе сказать, что та баба из колодца вылезла и бежит, говорит, что тебе еще хлеще будет, чем в колодце.

А тут мышь за окном «шир-шир». Черт испугался и убежал. А мужик получил от пана полторы тысячи золотых.

А черт убежал в болото. Так там и живет.

107. Охотник и леший

Один мужик на охоту пошел. А уже в этой деревне молва была, что охотники теряются. А это какой-то ушлый был мужик. Вот он сделал нодью*, положил возле этой нодьи чурак и закрыл своим лазаном**. А сам ушел подальше. Глядит: идет мужчина. Пришел, раз стрельнул в это бревно, второй раз стрельнул. И говорит: «Десятого на стрелу». Уже десятого мужика убил, значит. Ну, а он там, охотник-то, сидит. Взял, нацелился в него и ранил. Тот бежит домой и кричит: «Ой, оса ожалила, оса ожалила». А кака зимой оса. А охотник по крови пошел за ним. Ну, тот добежал до дому до своего, забежал, посередь пола пал и умер.

Видит охотник: сидит на залавке такой же мужик. Он и в его стрельнул, тот тоже пал. Видит: другой точно такой же сидит на грядочках. Он опять стрельнул, тот опять пал. Жена выбежала на улицу, запричитала:

«За двоих выходила за нормальных мужиков, а за третьего за лешия, и опять житья не стало». Ну, охотник ей и говорит: «Ну, айда, я тебя за себя возьму замуж». И увел ее домой к себе. В самом деле, видимо, есть эти лешие.

* Нодья – охотничий костер из двух уложенных друг на друга стволов деревьев.

** Лазан или лузан – шерстяной или кожаный жилет, верхняя одежда охотника.

108. Мужики и леший

Рассказывал когда-то мой отец. Было их три брата. Пошли они лесовать осенью. Задожжело. Слякоть. Спички у их замокли. Огонь надо достать, а огня нету. Че делать? Когда-ко полезли оне на елку, высоко полезли, глядят: не увидят где-ко огонек. Вот увидели: огонь горит, – они и пошли к этому огню. Когда-ко подошли к огню, там лешой лежит, вокруг огня-то обвился пять раз и лежит.

Первой-от брат подошел, лешой ему и говорит: «Скажи небывальщинку, тогда получишь огонь. А не скажешь небывальщину, то из спины ремень вырежу у тебя». Брат стал рассказывать: «Было, – говорит, – у нас такое: в одну ночь сорок однорядок намолотили, нажали». – «Ну, это все бывшее, – леший говорит, – давай, ложись». Вот у брата вырезал из спины ремень и отправил его без огня. Другой брат пошел, так же сходил. Тоже без огня пришел.

Потом третий брат пошел, мой отец. Он приходит: «Здорово, дедушко!» – «Здравствуй, добрый молодец. Зачем пришел?» – «Да вот, – говорит, – дедушко, пошли мы лесовать, спички замокли, огонек бы надо». – «Давай, – говорит, – сказку мне Расскажи, небывальщину. Расскажешь – вырежешь у меня со спины вожжи и огонь получишь». – «Давай, – говорит отец, – дедушко, садись да слушай: я буду рассказывать тебе!» Восподи! Лешой вился да вился, развился. Он сидя-то выше лесу, а как встанет, так до неба вовсе. Ну, вот.

Стал отец рассказывать: «Была, – говорит, – у нас кобылица. Один раз мы поехали на ей в город. Ехали, ехали, вдруг кобыла у нас порвалась. Че делать? Далеко ишшо, воз большой. А тут береза растет рядом с трактом-то. Я березу достал, вырвал ее вместе с корнем, сшил эту кобылу и опять поехали. А береза в кобыле растет. Росла, росла береза, до неба доросла. Уперлась в небо. Лошадь ни взад ни вперед, никуда больше не идет. Че делать-то? Давай я лезти на небо-то. С топором лез, лез, там и прорубил дыру в небе-то. Дедушка, слушаешь ли?» – «Слушаю, слушаю, добрый молодец». – «Че делать на небе? Я на небо залез и сделался там чеботарем*. Всем божонкам сшил по сапожонкам. Всем царицам сшил по рукавицам, а Богородице – коти**, она не ходит никуда. Вот так. Прошло время-то – надо как-то слезать обратно. Я подошел к дыре-то, гляжу: там уж лошадь-то отошла с березой-то. Однако надо как-то спускаться. Я привязал к небу веревку – долгу веревку сделал, думал: хватит до земли. Стал по веревке-то спускаться, конец уж, а земли-то ишшо конца-края не видать. Но обратно не полезешь. Я взял да и опустился от веревки-то, да в болото. В болоте весь угряз. Дедушко, слушаешь ли?» – «Слушаю, слушаю, добрый молодец». – «А раньше волосы носили долже, не стригли, как у девок волосы были, у меня на голове-то свила утка гнездо. И насносила яйца утка-то. А горностаи повадился воровать яйца из гнезда-то. Когда-ко налетели утка и горностаи в одно время. Я схватил их двумя руками – они меня и вытащили из земли-то. Ну, вот тебе, дедушко, и небывальщина».

Лешой говорит: «Ты молодец, давай вырезывай». Развился, лег, дак он из его спины вожжи и вырезал-от. Вожжи сейчас все ишшо у нас на участке. Токо выездные. Только председателя возили на этих вожжах. Ну вот, вожжи вырезал и огонь получил. Пришел к братьям, рассказал, че да как было дело-то. Огонь развели, ночь-та прошла, они домой ушли. Вот и все.

* Чеботарь – сапожник.

** Коти, коты – кожаная обувь.

109. Фома-старичок

Был Фома-старичок. Родители оставляют детей одних, а они идут к бабушке Фоме. Стучат-стучат к нему в дверь – он их пускает. А дети спрашивают:

– Бабушко, что у тебя на двери?

Он отвечает, что это клюшка*. А то вовсе не клюшка, а рука человеческая. Идут в избу к деду, видят: на крюке висят кишки человеческие, – спрашивают Фому, что это. Он говорит, что это вожжи. Видят дети на лавке персты, спрашивают опять Фому, что это, а он отвечает, что это вилки. Подводит Фома детей к печке и говорит, что там у него жаркое. А там в чугуне человеческое мясо варится. И ведет затем Фома детей в подпол и показывает им бочки с пивом, а то вовсе не пиво, а кровь детская. Тут Фома детей и убивает. И родители больше никогда не видят своих мальчиков и девочек.

* *Клюшка – палка, на которую опираются при ходьбе.*

110. Норушка

Жили старик и старуха, у них девка была. Вот они ушли куда-то, а девка вышла на улицу, увидела в лесу огонек и побежала. Попали ей навстречу лошадь белая и мужик белый.

– Куда, девка, побежала?

– В лесок, по огонек.

– Не ходи, тебя там норушка съест.

– Никто меня не съест.

Опять бежит. Бежала, бежала, а навстречу ей лошадь красная и мужик красной.

– Куда, девка, побежала?

– В лесок, по огонек.

– Не ходи, тебя там норушка съест.

– Никто меня не съест.

Опять побежала. Бежала, бежала, а навстречу ей лошадь черна и мужик черный.

– Куда, девка, бежишь?

– В лесок, на огонек.

– Не ходи, тебя норушка съест.

– Никто меня не съест.

Опять бежит, видит: домик стоит. Зашла в ограду – а там головы валяются. Зашла на мост – в каце* кровь переливается. Зашла в избу, поглядела в стол – бабьи косы лежат. Поглядела в голбец – там норушка сидит, спрашивает:

– Че да че, девка, видела?

– А видела: лошадь мне попала навстречу белая и мужик белой.

– Это у меня день.

– Видела лошадь красна и мужик красной.

– А это у меня огонь.

– Лошадь черна и мужик черной.

– Это у меня ночь.

– Поглядела – в ограде головы лежат.

– Это у меня куры ходят.

– Зашла на мост – из кацы в кацу кровь переливается.

– То у меня пиво бежит.

– Поглядела на стол – бабьи косы лежат.

– Это у меня веревки.

– Открыла голбец – ты, норушка, сидишь.

Ах! Оне вздрогнут!

* Каца – кадка, бочка.

Сказки-притчи

*Начинается новая сказка,
Варится в печи кашка,
Кашка упрет –
И сказка поспеет.*

III. Мужик на небесах

Жили муж с женой. Детей у них не было. Раз был в деревне престольный праздник. Пошли все в церковь, а после церкви надо было обязательно кого-нибудь вести домой на обед. Вышли они из церкви, никого не могли сговорить обедать идти. Пришли они домой – жена стала обедать собирать. А муж сел у окошка, глядит: на берегу возле речки вороны то садут, то взлетят. «Что такое? – думает. – Ну-ка я посмотрю». Пошел он туда, видит: лежит старичок, маленький, грязный. Он его принес домой на руках и говорит: «Давай, жена, беги скорее баню топить». Баню истопили – мужик его опять на руках в баню сносил. Вымыл, принес домой, посадил за стол, стали обедать. Тут старичок и говорит: «Ты мне, молодича, дай-ка две тряпочки: я в одну буду плевать, а другой вытираться». Она дала ему два полотенчика. Пообедали – мужик опять взял старичка, на койку положил. А жена стала убирать, взяла полотенчики, слышит: в них что-то тяжелое. Поглядела:

в одной золото, а в другой серебро. «Значит, это не простой старичок», – она думает.

А старичок у них день живет, другой живет. На третий день вышел мужик в ограду, видит: стоит конь. А старик и говорит: «Этот конь пришел по меня, этот конь мой, а за тобой я другого пошлю. Ты на него сядешь, но им не управляй: он тебя сам повезет». Сказал так старичок и уехал. День, два, три проходит. Вышел мужик в ограду, смотрит: конь стоит. Сел на его и поехал. Конь его сам повез.

Ехал, ехал, видит: два мужика катают колоду. Один со своего поля на поле соседа колоду перекатит, а другой ее обратно. Вот они и катают эту колоду туда-сюда. Один из них говорит: «Ой, господи, конь идет истинного Христа, а на коне сидит не истинный Христос. Скажи: будет ли нам отрадушка, будет ли жизнь вечная?» Он ничего не сказал, мимо проехал. Едет опять, видит: мужик бежит. То одну руку поднимет, то другую и кричит: «Ой, замерз, ой, замерз!» Опять те же слова ему говорит. Мужик проехал, ничего не сказал. Едет дальше, видит: другой мужик бежит и кричит: «Ой, горю, ой, горю!» И опять те же слова ему сказал. Мужик опять мимо проехал. Потом видит: две бабы льют друг на друга воду и плачут: «Мы уже перемерзли». Дальше поехал, видит: жука по камню ползает, а в воду скатиться не может. Потом повстречалась ему женщина: на раскаленной сковороде пляшет и раскаленный столб обнимает. Потом еще немного проехал. Видит: строятся два дома по воздуху. Строителей нет, дома сами строятся. «Ну, приехал наконец», – мужик думает.

Понял он, что к самому Христу попал. Сам истинный Христос куда-то ушел, а мужика на свой престол посадил, заместо себя. Сидит мужик на престоле, видит: идет корабль по морю. Он говорит: «Вот бы поднялась буря, этот корабль по бревешку раскидало». Тут же буря поднялась, разбросала корабль по бревнышку. Христос вернулся, спрашивает: «Ты что, грешник, наделал, сколько людей погубил? За что их наказал?» Понял мужик, что неладное натворил, истинный Христос так-то бы не сделал. Сколько-то времени прошло –

Христос спрашивает: «Ко мне ехал, что видел?» Мужик рассказывает: «Сперва видел: мужики колоду катают туда-сюда, умаются». – «Это за то, что они не могут между поделить между собой, каждый год у них скандал. А второе что видел?» – «А второе: бегают мужик, замерзает». – «Этот зимой никого в дом не пускает, никого не обогревает. А еще что видел?» – «Видел: мужик горел заживо». – «А этот у соседа овин поджег, хлеб сгорел полностью». – «А потом видел шуку на камне». – «Она человека без моего веления съела, я ее за это наказал». – «А еще видел, как две бабы льют воду друг на друга». – «Эти друг дружку обманули. Одна женщина пришла к другой и молока попросила, а та ей в молоко воду налила. Она ей тоже воду обратно принесла, та не стала брать. Вот они теперь водой и обливаются». – «Еще видел: на сковороде пляшет женщина и раскаленный столб обнимает». – «Эта женщина изменяла мужу, за это и наказана». – «А вот еще два дома по воздуху строятся». – «Это один дом для тебя, а один дом для твоей жены, моей хрестницы». Слышит мужик рядом за стеной какой-то шум. Он и спрашивает: «А это, хрестный батюшко, что у тебя за шум?» – «А это самый ад. Слыхал? Хочешь посмотреть?» – «Хочу». – «А хочешь свою мать увидеть?» – «А как же. Столько годов прошло, как она умерла. Как не хочу – хочу». – «Ну вот, щас увидишь».

Бросили какую-то веревку вниз, чтобы мать вытянуть, – обгорела веревка, улетела. Снова бросили, по пояс уже вытянули – опять веревка обгорела. Тут Христос сказал: «Вечная память и бесконечная жизнь». У мужика на глаза накатались слезы. Христос и говорит: «Что с тобой?» – «Да ветер подул – соринка в глаз попала». – «Да нет, тебе мать жалко. А знаешь, за что она так мучается? Как-то я бродягой пришел к ней, попросился переночевать, а она меня за шиворот выбросила, напинала».

Пожил еще мужик у Христа – надо ему назад домой возвращаться. Ни лодки, ни коня, ничего нет, только хлеба ему Христос на дорогу положил. Пошел мужик незнаемо куда. Шел, шел, шел, дошел до речки. Такая речка чистая, камешки на берегу тоже чистые. Мужик думает: «Ну-ко, я хлебушко поем. Да лягу полежу

маленько, пушай солнце сядет, потом пойду». Хлеб в воде помочил, поел, так стало его спать клонить. «Ладно, – думает, – лягу, маленько вздремну, потом пойду». Лег и уснул. Слышит: кто-то трясет его за плечо. Открыл глаза-то – жена. «Ты что это тут спишь, не мог домой зайти?» Видит мужик: он возле своего дома. «Да обожди ты. Что я тебе расскажу, где я был-то и что видел, дак ты не поверишь».

112. Почему у кукушки своего гнезда нет

Вот когда-ко Господь на коне ехал. Видит: на земле горошина валяется. Господь и говорит кукушке: «Кукушка, подыми горошек». А кукушка горошек не подняла. Господь ей на это и говорит: «Кукушка, век бы тебе куковать, а своего бы гнезда не видать». Так оно и стало.

113. Почему пчелку убивать нельзя

Господа в Ефтимайском саду поймали, распяли, руки пригвоздили и хотели в грудь гвоздь вбить, а гвоздя-то и не хватило. Они, палачи-то, убежали по гвозди-те. А на это место, куда гвоздь-то вбить хотели, села пчелка. Пчелка-то села, и кажется, что это гвоздик. Они вернулись, обрадовались, что гвоздик-то уже вбитый. В то время Господь пчелке-то душу и внес. Вот сейчас пчелку шибко великий грех бить. Пчелку убить – это как человека убить.

114. Почему у павлина красивый хвост

Жили такие птицы: павлин и пава. Господь сказал всем идти в церковь на Пасху нарядными. Пава стала мужа своего сряжать. Так хотелось ей хорошо да баско* его срядить**. Всяко-всяко сряжала да сряжала, да так долго, что уж колокол ударил – к заутрене идти, а она сама-то и не успела срядиться. Поэтому павлин красив: и перья, и хвост, и все у него нарядное, а у павы только голова сряжена.

* Баско – красиво.

** Срядить, сряжать – одеть, нарядить.

115. Почему куры все время едят

Куры-то ведь прокляты, их Господь проклял. И вот почему. Раньше Господь их кормил. Кормил, кормил – а они опять скребутся, царапаются, еду ищут. Решил им Господь белояровой пшеницы насыпать: может, наедятся. Насыпал белояровой пшеницы Господь-батюшка. Они давай белоярову пшеницу есть. Ели-ели, зобы у них набок своротили, до того наелись, больше некуда. Отошли от пшеницы – опять царапаются. Господь и сказал им: «Будьте вы, курочки, от меня анафем, анафем, анафем».

116. Почему рябчики маленькие

Рябчики сейчас фыркают так, что испугаетесь: «Ф-р-р-р, ф-р-р-р!» По земле путешествовал Христос на лошади. Ехал, ехал – вдруг мимо рябчик сфыркал, громко так.

А рябчики тогда были огромные, с корову примерно. Лошадь испугалась, Христос упал и рассердился на рябчика. Взял и распределил его мясо глухарю, косачу, тетерке, куропатке, а рябчика размером с галку оставил. Все белое мясо раздал, а рябчику лишь кусочек оставил.

117. Почему воробей на земле все время прыгает

Когда враги преследовали Иисуса, он спрятался в лесу. Стражники побоялись зайти в чащу и спросили у голубя: жив ли еще Иисус, а голубь им отвечал: «У-м-р, у-м-р». Стражники пошли было из леса вон, но у самого выхода встретили воробья и спросили у него: жив ли Иисус. «Жив-жив, жив-жив», — зачирикал воробей. Стражники вернулись в лес и поймали Иисуса. С тех пор воробей не может ходить, а только прыгает.

118. Почему канюк все время кричит «пить-пить»

Господь дал задание вороне и канюку выкопать колодезь. Канюк копал, копал колодезь, а ворона все бездельничала, ничего не делала. И вот канюк докопал до воды, в воде сполоснулся, всю грязь смыл и вылетел чистый из колодезья. А ворона хитрая была: она, наоборот, взяла и в грязи вывалялась. Приходят вместе к Господу.

Господь видит, что ворона вся чумазая, а канюк чистый, говорит: «Кто из вас копал? Вижу, что ворона работала, а ты, канюк, видимо, ничего не делал. Раз ворона выкопала колодезь, пусть она всегда теперь вдоволь пьет, а ты, канюк, все время будешь пить хотеть». С той поры канюк все кричит: «Пить-пить-пить-пить».

119. Почему зерно на колоске только на самом верху

Прежде хлебушко рос на земле не таким, как ныне: колос-от был от самого корня, до верхушки стебля. В те времена люди не знали соломы. Был сплошной колос, а потому и урожай богатый. Жили люди не тужили. Да вот несчастье привалило. И виной тому наша деревенская баба. Пришла она на поле с годовым ребенком. Убирала хлеб, как все, серпом, увлеклась так, что и забыла про свое родное дитя. Всполошилась тогда, когда он громко заплакал. Мать подошла к ребенку и увидела, что он весь опачкался. И она, не долго думая, сорвала стебли, смяла их в руке и очистила ими ребенка. Только протянула свою руку за сочным стеблем, намереваясь вырвать его с корнем, – вдруг на ее глазах произошло неслыханное чудо: в зарослях посева появилась небесная сила в образе женщины, тотчас же схватила стебли, крепко зажала в руке верхушку их, а ниже руки зерно исчезло. И только перед глазами испуганной бабы торчала желтая солома с колосками наверху.

*Вам сказку,
А мне – бубликов связку,
Гречневой каши
В крашеной чашке,
Масла горшок
Да горячий пирожок.*

ПРИМЕЧАНИЯ*

Присказки, помещенные перед разделами

«А было это, голубчики, в старину...»

г. Добрянка, от Калининой М. М., 1910 г.р.

ДКМ. Запись 1988 г. Собиратель Мамонтова М. В.

«За тридцать земель...»

г. Пермь, ГАПО, ф.973, оп.1, д.363.

Запись 1947 г. Собиратель Голубин-Угольников.

«А теперь расскажу вам сказку старинную...»

г. Добрянка, от Калининой М. М., 1910 г.р.

ДКМ. Запись 1988 г. Собиратель Мамонтова М. В.

«В некотором царстве...»

г. Пермь, ГАПО, ф.973, оп.1, д.363.

Запись 1947 г. Собиратель Голубин-Угольников.

«Начинается новая сказка...»

г. Добрянка, от Калининой М. М., 1910 г.р.

ДКМ. Запись 1988 г. Собиратель Мамонтова М. В.

Послесказка

«Вам сказка...»

г. Добрянка, от Калининой М. М., 1910 г.р.

ДКМ. Запись 1988 г. Собиратель Мамонтова М. В.

Докучные сказки

1. Жили два братца...

с. Воскресенское Уинского р-на, от Игошевой Ксении Борисовны, 1924 г.р.

Запись 2001 г. Собиратель Суханова М. Е.

*Все тексты в примечаниях даются без редакторской правки, с сохранением фонетических, лексических и грамматических особенностей речи рассказчиков.

2. Жил-был, жила-была...

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясиной Евдокии Никитичны, 1922 г.р.
Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

3. Жили-были старик со старухой...

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясиной Е. Н., 1922 г.р.
Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

4. Жили-были два мочала...

с. Ашап Ординского р-на.
Запись 1997 г. Собиратель Суханова М. Е.

5. Жил-был царь...

г. Пермь, ФА ПГУ, № 735.

6. Жил-был царь, у царя был двор...

Нытвенский р-н, ГАПО, ф.973, оп.1, д.395, л.23, об.

7. Жил-был карась...

с. Крылово Осинского р-на, от Сырвачевой Анны Ефимовны, 1904 г.р.
Запись 1971 г., ФА ПГУ, № 186.

8. Надо ли сказку...

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясиной Е. Н., 1922 г.р.
Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

9. Дело было вечером...

Нытвенский р-н, ГАПО, ф.973, оп.1, д.395, л.23, об.

Известны и другие варианты:

*Я сидела на окошке,
Ела жарены картошки.
Вдруг свисток,
Я бежать,
Меня держать,
Привели меня в милицию
И спросили: «В чем дело?»
Я сидела на окошке...*

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясиной Е. Н., 1922 г.р.
Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

*Дело было вечером,
Делать было нечего,
Чистили картошку,
Стукнули Антошку,
Антошка закричал,
Повар прибежал
И сказал: « В чем дело?»
Дело было вечером,
Делать было нечего...*

п. Зюкайка Верещагинского р-на, от Филатова В., 1957 г.р.
Запись 1970 г., ФА ПГУ, № 100.

10. Я сидела на пенёчке...

Нытвенский р-н, ГАПО, ф. 973, оп.1, д.395, л.23, об.

11. Сидели два медведя...

Нытвенский р-н, ГАПО, ф. 973, оп.1, д.395, л.23, об.

12. Мы с тобой шли...

Нытвенский р-н, ГАПО, ф. 973, оп.1, д.395, л.23, об.

13. Надо вам сказку...

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

Сказка известна в Прикамье во множестве вариантов:

– Расскажу вам сказку про черные рога, про белого быка.

Хороша ли моя сказка?

– Хороша.

– Расскажу ли я вам сказку про черные рога, про белого быка.

Хороша ли моя сказка?

– Не хороша! и т.д.

с. Камгорт Чердынского р-на, от Сусловой Марии Петровны, 1926 г.р.

Запись 1998 г. Собиратель Русинова И. И.

– Рассказать тебе сказку про белого бычка?

– Расскажи!

– Все говорят, Расскажи. Рассказать тебе сказку про белого бычка?

– Не надо.

– Все говорят, не надо. Рассказать тебе сказку про белого бычка?

г. Пермь, от Собяниной Полины Степановны, 1923 г. р.
Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

Сказки о животных

14. Звери в яме

г. Добрянка. ГАПО, ф.973, оп.1, д.296. Запись 1928 г.

СУС 20А, 21

Афанасьев 29, 30, 5Б, 7

Ранее пермские варианты этой сказки не публиковались.

Иной вариант сказки записан в с. Токари Очерского р-на, от Токаревой Александры Петровны, 1924 г.р.:

Сказка про кота

«Жила-была одна старушка Дуня, у нее никого не было, один кот был. Вот эта Дуня вырастила кота, запрягла в санки и поехала по миру кусочки собирать. Едет, едет, едет, навстречу им заяц.

– Вы куда едете?

– Да кусочки собирать.

– Примите меня с собой.

– Да у нас и так места нет.

– Да примите, мне не много места надо.

– Да ладно.

Посадили, поехали. Едут, едут, попадается им лиса.

– Куда едете?

– Кусочки собирать.

– Возьмите меня с собой.

– Да некуда, у нас и так санки маленькие.

– Да мне не много места надо.

Лиса хитрая. Поехали. Ехали, ехали, им медведь попадает:

– Возьмите меня с собой.

– Да ты что, медведь, у нас некуда вовсе садиться.

– Да уж как-нибудь посадите.

Медведя посадили.

Тогда на поле овины были – большие ямы. Кот вез, вез, да устал, как перепрыгнул через эту яму, а они все в эту яму упали. А кот убежал, всех свалил в яму. Сидят, а есть-то нече. Сидят неделю, две. Че делать? Давайте голосанку тянуть, кто не дотянет, того есть. Тянули, тянули, тянули голосанку, заяц не дотянул, его съели. Много ли от зайца проку, день-два

и его съели. Опять стали голосянку тянуть. Тянули, тянули, тянули голосянку, Дуня не дотянула, и ее съели. Остались только медведь да лиса. А лиса-то хитрая, она все кишочки-то себе под ж...у, да под ж...у и тихонечко их ест. Медведь спрашивает:

– Это ты че, лисофья, все ешь, а я тут голодом сижу?

– А я запихала руку в ж...у, свои кишочки достая и их ем. Ты тоже запихай свою лапу в ж...у и ешь.

Лиса знает, что ей медведя не задавить, надо обмануть.

Медведь запихал лапу в задний проход, все кишки вытащил и пропал. Вот лиса сидела, может, месяц ела, может, больше, опять голодом сидит. Летит мимо ястреб, из ямы мясом-то пахнет. Вот лиса кричит:

– Ястреб, ястреб, вымости мосток, выпусти из ямки, покорми меня досыта, напои меня до пьянки, насмеши меня до слез.

Ястреб думал, думал, как ее вытащить из ямки. Нашел большую-большую палку, подал ей, лиса вышла.

– Ястреб, ястребок, выпустил из ямки, накорми меня досыта, напои меня до пьянки, насмеши меня до слез.

Тогда он думает опять, как накормить ее досыта. А раньше на полях когда сеяли, маленькие ребята все на поле несли: еду, брагу, шаньги. А ястреб сядет перед имя, они его хочут поймать, а он дальше перелетит, и так несколько раз. Так ребята убежали за ним. А лиса наелась и браги напилась, пьяна сделалась. Выпалась. А ребята про ужин забыли, воротились обратно домой.

– Ястреб, ястребок, вымостил мосток, накормил меня досыта, напоил меня до пьянки, насмеши меня до слез.

Думал, думал ястреб и придумал. Раньше в дому молотили. Ястреб залетел под крышу, там молотят женщины. Он одной на голову сел, а другая хотела стукнуть его, по голове другой и шандарахнула, а ястреб улетел. А лиса рядом хохочет. А собаки сорвались и за лисой. А лиса в липовую дуплу забежала и спрашивает:

– Ножки, ножки, что вы делали?

– А то и делали, чтобы от собаки спастись.

– Ушки, ушки, что вы думали?

– А то и думали, что от собаки спастись.

– Хвостик, хвостик, что ты думал?

– А то и думал, чтобы от собак стравиться.

Выставила лиса хвост наружу. Собаки ее вытащили и съели».

15. Лиса и тетерев

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС Прямое соответствия нет, сходна с вариантом **62**.

Афанасьев 31

Ранее пермские варианты этой сказки не публиковались.

16. Волк и баран

г. Добрянка, от Калининой М. М., 1910 г.р.

ДКМ. Запись 1988 г. Собиратели Мамонтова М. В.

СУС 122N*

Ранее пермские варианты сказки не публиковались.

17. Про горшок

п. Черное Соликамского р-на, от Сивковой Александры Егоровны, 1908 г.р.

ФА ПГУ, т. 284. Запись 1972 г.

Сказка интересна тем, что в нее включен персонаж лешего – дяди лесного.

СУС 283B*

Афанасьев 82–84

Пермский вариант сказки см.: Подюков, с.14

18. Михаил Потапович и Лиса Патрикеевна

с. Бигичи Чердынского р-на, от Мяндиной П. С., 1904 г.р.

ФА ПГУ, № 151

СУС 15

Афанасьев 9–13

Контаминированный вариант этой пермской сказки опубликован: Вологдин, № 43; Зеленин, 88.

19. Котик и петушок

с. Цыдва Чердынского р-на, записано от Лыбиной Н. Г., 1903 г.р.

ФА ПГУ, № 151

СУС 61B

Афанасьев 37–39

Варианты сказки записывались в д. Елога, д. Ефремова Юрлинского р-на, д. Покровка Куединского р-на.

В архивных записях есть интересные варианты завершения сказки, например:

«Собрали косточки петуха дочери лисы и отдали коту. Увидел кот ворона с вороненком. Поймал он вороненка. «Если ты не слетаешь по живу воду и по мертву воду, то не видать тебе вороненка в живых», – говорит кот ворону.

Нечего делать, довелось, как трудно это ни было, ворону слетать по воду. Вспрыснул кот петуха сначала мертвой водой, как есть тот стался, вспыснул живой – ожил петух. Зажили они лучше старого».

ГАПО, ф. 680, оп.1, д.209, л.3. Русские народные сказки, записанные неустановленным автором. 1896 г.

Ранее пермские варианты сказки публиковались: Вологдин, № 42; Зеленин, № 84; Спешиллов, с. 30; Подюков, с. 9.

20. Лиса и заяц

с. Токари Очерского р-на, от Токаревой А. П., 1924 г.р.

Запись 2003 г. Собиранье Черных А. В.

СУС 43

Афанасьев 10–14

Пермский вариант сказки опубликован: Подюков, с.12–13.

21. Петух, гусь, баран и бык

г. Пермь, запись 1896 г., ГАПО, ф.680, оп.1, д.209, л.4.

Записано неустановленным автором.

СУС 130, 130*, 130В

Афанасьев 63–65

Ранее пермский вариант сказки не публиковался.

22. Медведь – липовая нога

с. Токари Очерского р-на, от Токаревой А. П., 1924 г.р.

Запись 2003 г. Собиранье Черных А. В.

СУС 161А*

Афанасьев 57

Один из самых распространенных в Прикамье сюжетов сказок о животных. Этот сюжет был опубликован: Афанасьев, № 57; Вологдин, № 40; Зеленин, № 80; Подюков, с.7–8. Известны варианты записи сказки из с. Русский Сарс Октябрьского р-на, д. Неволдино Еловского р-на, д. Бычина Красновишерского р-на, д. Чумна Чайковского р-на, г. Перми.

Со сказкой «Медведь – липовая нога» связаны и варианты сказки, где вместо медведя главным героем выступает волк. Такова сказка, записанная в д. Асюл Бардымского р-на от Петуховой П. П., 1920 г.р. В п. Сыпучи Красновишерского р-на, от Собяниной В. К., 1924 г.р., родом из д. Потоскуево, записан загрязненный вариант этой сказки:

«Посадила дед репку на баню, она очень большая выросла, и к этой к репке прижился медведь, прижился и стал эту репку

ходить ись. Дед приходит домой и говорит старухе: «Медведь репку хочет ись, давай капкан насторожим». А капканы тяжелые были, медведя можно поймать. А ладно, он пришел, этот медведь, и лапку-то отломил. Дед принес домой лапу-ту, говорит старухе: «Давай будем ее, лапку-ту, жарить-парить». Парили, парили. Тут медведь приходит и говорит: «У, русским духом пахнет». Куда им деваться? Старуха спряталась на печку в горшочек, а дедка спрятался в стол. Но не вытерпел дед, пернул, медведь этот стол потянул и вытащил деда. И его съел. А бабка-то соскочила и убежала. А у ее была курочка. Она схватила эту курочку и побежала дальше, в деревню заходит, ее захватила ночь. «Куда бы мне эту курочку девать?» – у хозяйки спрашивает. «А иди, ее пусти там в сарайку, курочку». Она пустила. Утром бабка встает. «У меня где-то не курочка была, а был бычок». И села она на этого бычка и поехала. Ехала, ехала. И этот же медведь попался навстречу, который лапу сломил, на трех ногах и бабку съел. Вот и сказке конец».

В варианте, записанном от Овчинниковой Анны Ивановны 1927 г.р. из д. Елога Юрлинского р-на, пришедший медведь просит у старика старуху, старик отдает ему овцу, корову, жеребца, а затем убивает медведя:

«– Отдай, старик, мне старуху! – Нет, не дам, бери лучше у меня корову. Медведь корову увел, на корову сел, за рога держится, корова ревет, медведко только порявкиват идет. Увел корову, задавил, долго-долго ел, съел, опять пошел. У дедушка нечего больше давать. Последнего жеребца отдал. Жеребца увел медведко, жеребца задавил. А больше че делать-то, нету больше никого. А медведь все равно пришел, говорит: «Отдай мне старуху!» Старика делать нечего, старик двери закрыл, медведко двери его сломал, в избу зашел. А он западню открыл. Как медведко заходит, дедушка его и двинул в голбеч, и ружьем бух-бах, убил. Больше медведко не стало. А старик по дрова ходил пешком, потому что лошадь медведко съел».

23. Мужик, медведь и лиса

г. Пермь, д. Нижняя Курья, от Берниковой Натальи Евгеньевны, 1881 г.р., родом из с. Юг.

ГАПО, ф.973, оп.1, д.353. Запись 1947 г. Собиратель Быкова И. П.

СУС 1030+154

Афанасьев 21, 23–25, 26Б

Ранее пермский вариант сказки не публиковался.

24. Волк и лиса

с. Цыдва Чердынского р-на, от Лыбиной Н. Г., 1903 г.р.

ПГУ № 151.

СУС 1,2,3,4,15

Афанасьев 1–7, 11–12

Вариант сказки записан в д. Елога Юрлинского р-на.

Ранее пермские варианты сказки не публиковались.

25. Коза-дереза

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС 212

Афанасьев 62

Схожие варианты записаны в с. Цыдва Чердынского р-на, от Лыбиной Н.Г., 1903 г.р. (ФА ПГУ № 151), с. Ощепково Усольского р-на (Подюков, с.13), с. Половодово Соликамского р-на, с. Бигичи Чердынского р-на (ФА ПГУ).

Пермские варианты сказки неоднократно публиковались: Вологдин, № 40; Зеленин, № 79; Спешилов, с.15; Подюков, с.13.

26. Старуха с лаптем

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС 170+158

Афанасьев 1, 4, 6–8

Варианты записаны в Юрлинском р-не Коми-Пермяцкого национального округа (ФА ПГУ № 191); вариант сказки см. также: ГАПО, ф.973, оп.1, д.353. Русские народные песни, сказки... Записано Быковой И. П. в 1947 г. в г. Перми (д. Нижняя Курья) от Берниковой Н. Е.; 1881 г.р., родом из с. Юг:

Лапоток счастливый

«Жили старик со старухой. Жили бедно-бедно. Никого не было у них. Надоело старику так жить. Говорит старухе: – Старуха, пойду я счастья искать.

И пошел старик. Шел, шел, шел, до деревни дошел. Отдохнул да и дальше пошел. Видит, лапоток валяется. «Ну-ка, подберу его», – думает. Дошел до деревни, выпросился ночевать.

– Я, – говорит, – хозяйюшка, находный лапоток несу. Куда бы мне его положить?

– Брось, – говорит, – дедушка, с нашими лапотками.

– Нет, хозяйюшка, он у меня с лапотками не спит, а спит с курочками.

– Ну положи с нашими-то курочками.

Старик положил лапоток к курочкам. Встал утром. Хозяйка напоила, накормила.

– А где же у меня, хозяйюшка, курочка?

– Как, дедушка, ты же с лапотком шел.

– Нет, – говорит, – хозяйюшка, я пришел с курочкой.

Хозяйка спорить не стала. Отдала ему курочку. Старик пошел с курочкой. Целый день прошел, напросился ночевать.

– Куда бы, – говорит, – курочку посадить?

– Ну посади с нашими.

– Нет, – говорит, – хозяйюшка. Она у меня с курочками не спит, а спит с овечушками.

Встал утром старик. Хозяйка его напоила, накормила.

Старик и говорит: «Хозяйка, а где же моя овечушка?» Хозяйка спорить не стала, отдала овечку.

Шел, шел старик. До деревни дошел. Выпросился ночевать.

– Куда бы, – говорит, – мне, хозяйюшка, овечку поставить.

Хозяйка говорит:

– Да пусти к нашим овечушкам.

– Нет, хозяйюшка, она у меня с овечушками не спит, а спит с коровушками.

Встал старик утром. Хозяйка его напоила, накормила. Он и говорит:

– Где же моя коровушка?

– Что ты, дедушка, ведь у тебя была овечушка.

– Нет-нет, коровушка.

Спорили, спорили. Хозяйка и отдала коровушку.

Шел, шел дед. До деревни дошел, выпросился ночевать.

– Куда бы, – говорит, – мне, хозяйюшка, коровушку закрыть.

– Закрой, – говорит, – с нашими.

– Нет, – говорит старик, – она у меня не спит с коровушками, а спит с лошадушками.

Встал утром старик, хозяйка его накормила, напоила.

– А где у меня лошадушка?

– Что ты, дедушка, ведь ты же пришел с коровушкой.

Спорили, спорили. И пришлось хозяйке лошадушку отдать.

Запряг ее дед и поехал к старухе. Стал он работать, сено, дрова возить. Заработал деньги. И так они зажили, корову купили. Старик стал хлеб сеять, и так живут, нарадоваться не могут.

Теперь живут – хлеб жуют. Мы придем и нас накормят».

27. Жадный волк

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС 163

Афанасьев 49,50

Вариант сказки опубликован: Серебренников, № 5. Публикуемый нами текст более развернут.

28. Медвежья яма

Чердынский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, НВ 1110/578.

СУС полного соответствия нет, близка по типу к **311**.

Ранее пермские варианты сказки не публиковались. Варианты сказки, кроме того, записывались в д. Дмитриево Сивинского р-на и д. Елога Юрлинского р-на.

29. Про котишку и парнишку

с. Токари Очерского р-на, от Токаревой Александры Петровны, 1924 г.р.

Запись 2003 г. Собиратели Черных А. В.

СУС прямого соответствия нет.

Ранее пермские варианты сказки не публиковались.

30. Про курочку Рябу

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС 2022В

Афанасьев 70–71

Известны и другие варианты сказки:

«Жили-были дедушка с бабушкой, у них была курочка-рябушка, хоро-хорохушка. Снесла яичко синее, багреное. Положила на блюдечко. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и изломалось. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет: «Не плачь, дед, не плачь, баба. Снесу яичко другое, не простое – золотое».

с. Карагай, от Чаловой Таисьи Дмитриевны, 1912 г.р., ФА ПГУ 763.

31. Коза

с. Урталга Куединского р-на, от Трубниковой Прасковьи Васильевны, 1924 г. р.
Запись 1996 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 2015

Афанасьев 60–61

Сказка в Прикамье впервые записана братьями П. А. и А. А. Вологдиными (Вологдин, № 44), этот вариант сказки вошел в сборники Д. К. Зеленина (Зеленин, № 90) и А. Спешилова (Спешилов, № 4). Записанный нами вариант сказки менее развернут, чем ранее опубликованные.

Волшебные сказки

32. Про горох

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.
Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 1960G

Афанасьев 19, 21

Информатор отмечала, что бытовало два варианта завершения сказки. Один из них приведен в сборнике, так заканчивали сказку, когда рассказывали ее детям. В другом варианте, когда сказку рассказывали взрослым, ее завершали по-иному. В этом случае звери съедали старуху, убегали и «оставили старику п...у под лопушкой».

Варианты сказки публиковались: Вологдин, № 44; Зеленин, № 82.

Варианты сказки известны в Прикамье и в других записях, например в д. Таволожанка Юрлинского р-на, от Бартовой Татьяны Ивановны, 1928 г.р.
Запись 2003 г. Собиратель Хоробрых С. В.:

«Вот дедушка посеял репу на голубенку, пошел дозировать, говорит: «Баушка, репка-то большая». Другой раз дозорил: «Ой, бабушка, пошел я резать». Поставил лестницу, а старуха не может лазить. Он посадил в мешок, стал поднимать. Поднимал, поднимал, мешок оборвался, старуха пала. Второй раз поднимать стал, она как дюзнет, мешок оборвался, опять пала. Третий раз поднял и репку срезали. Потом в мешок посадил обратно, спустил».

Еще один вариант – из д. Коптелы Еловского р-на, ныне Чайковский р-н, от Петрова Дмитрия Петровича, 1911 г.р.

ФА ПГУ, № 246:

«Жили-были старик со старухой бедно-бедно. Земли-то у них не было. Вот решили посеять они репу, а сеять негде.

Посеяли на вышке (чердаке). Старик на веревке частенько подымался на вышку. Говорит старухе: «Больно хороша репа-то выросла». Старуха ему говорит: «Подними и меня туда, старик». Вот старик положил старуху в мешок и полез наверх. Мешок-то видно был дырявой. Старуха убилась. И остался старик с одной репой».

33. От Понедельника до Субботы

Карагайский р-н.

ФА ПГУ, № 761.

СУС 315

Афанасьев 201–207

Ранее пермские варианты не публиковались.

34. Про купца и его волшебную птицу

с. Бигичи Чердынского р-на, от Ершовой М. И., 1905 г.р.

ФА ПГУ № 151.

СУС 567

Афанасьев 195, 197

В сказке, скорее всего, пропущен эпизод испытания героев.

Ранее пермские варианты сказки не публиковались.

35. Отдай, чего не знаешь

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1994 г. Собиранье Черных А. В.

СУС 313С

Афанасьев 219–222; 224–226

В Прикамье сказка записывалась неоднократно, например в д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой Александры Фокеевны, 1913 г.р.

ПОКМ, НВ 5060 / 13. Запись 1973 г.

Вариант сказки опубликован Серебренниковым (№ 7).

Приводим варианты сказки:

«Жил-был царь. Раньше-то цари в объезд ездили. Вот этот царь поехал в объезд. Захотелось ему пить в море. Начал он пить нападкой. Черт за бороду его и поймал. «Отдай, – говорит, – что в доме не знаешь». Царь-то не знал, что его жена в положении (цари долго по объездам ездили). Думал-думал царь и говорит: «Ну, что его, возьми». Домой-то приехал, а дома Иван-царевич большой. «Вот, же-

на, – говорит царь, – приходится сына отдавать». Повел сына царь к черту. А черт и говорит: «О, мой посуденный идет». Черт говорит царевичу: «Зажмурься». Очутились они под водой. А под водой такое же селение. У черта было двенадцать дочерей. К Марфе-царевне поставил на квартиру черт царевича.

Наутро царевна говорит:

– Не пора спать, пора вставать, пора к моему батюшке отправляться.

Черт говорит царевичу:

– Выкопай мне море.

Идет обратно царевич и голову повесил. Увидела Марфа-царевна Ивана и говорит:

– Не кручинься, не печалься, молись Спасу, ложись спать.

Марфа-царевна вышла на крылечко, свистнула по-богатырски, крикнула по-молодецки. Набежала рота солдат:

– Что, девка-чернавка, в поход посылаешь или работу накидаешь?

Марфа-царевна отвечает:

– В поход не посылаю, работу накидаю: море выкопайте.

Наутро Иван-царевич поглядел: море выкопано.

Во второй раз черт говорит:

– Изладь мне пароход, чтобы плыть по морю.

Идет обратно царевич и голову повесил. Увидела Марфа-царевна Ивана и говорит:

– Не кручинься, не печалься, молись Спасу, ложись спать.

Марфа-царевна вышла на крылечко, свистнула по-богатырски, крикнула по-молодецки. Набежало две роты солдат:

– Что, девка-чернавка, в поход посылаешь или работу накидаешь?

Марфа-царевна отвечает:

– В поход не посылаю, работу накидаю: пароход изладьте.

Наутро царевна говорит:

– Не пора спать, пора вставать, пора к моему батюшке отправляться.

А царевич:

– Ох, ма, проспал я, что я буду делать!

– Не кручинься, не печалься, сядь у окошка послушай.

Черт говорит царевичу:

– Церкву поставь, чтоб в ней поп был и все.

Еще пуще голову повесил Иван-царевич:

– У нас ее три года делают, не могут сделать.

Марфа-царевна говорит:

– Не кручинься, не печалься, молись Спасу, ложись спать.

Вышла на крылечко, свистнула по-богатырски, крикнула по-молодецки. Набежало три роты солдат. Бегут, что земля дрожит:

– Что, девка-чернавка, в поход посылаешь или работу накидаешь?

Марфа-царевна отвечает им:

– В поход не посылаю, работы накидаю: изладьте церковь с попом.

Кто глину копал, кто кирпичи кидал. Сделали церкву. Днем поп пошел к обедне. А Марфа-царевна говорит:

– Иван-царевич, пойдем в твою сторону, иначе нас солдаты замучают.

Шли-шли они. Марфа-царевна говорит:

– Пади на землю, не слышно ли погони тятеньки.

Пал Иван-царевич – не услышал. Говорит:

– Пади ты.

Она пала и говорит:

– Будь старик, а я буду старуха.

Подошли солдаты и спрашивают их:

– Не пробегал ли кто здесь?

– Нет, – отвечают старик со старухой.

Воротились солдаты, а Марфа-царевна говорит Ивану:

– Иван-царевич, пади на землю, не слышно ли погони тятеньки.

Пал Иван-царевич – не услышал. Говорит Марфе-царевне:

– Пади ты.

Она пала и говорит:

– Ты будь поп, а я попадья.

Подошли солдаты и спрашивают их:

– Не пробегал ли кто здесь?

Марфа-царевна и отвечает:

– Церковь мохом обросла, никого не видали.

Солдаты и вернулись к черту ни с чем. А Марфа-царевна и Иван-царевич дале побежали.

Третий раз говорит Марфа-царевна:

– Иван-царевич, пади на землю, не слышно ли погони тятеньки.

Пал на землю Иван-царевич и говорит:

– Пади сама.

Она пала и говорит:

– Сам тятенька на запятки наступает. Будь один месяц, другой солнце.

Ходят по небу друг за дружкой солнце и месяц. Черт говорит:

– Куда пошли, туда идите.

Черт заворотился, уехал.

Вот Марфа-царевна и Иван-царевич пришли в родную сторону. Марфа-царевна наказывает Ивану-царевичу:

– Иди, всех поцелуй, только девку не целуй, иначе меня забудешь.

Всех поцеловал Иван-царевич, только девку не поцеловал.

Лег он на кровать отдохнуть, а девка и поцеловала его. Он все и забыл.

Начали Ивана женить. Начали у попа брать дочь. Пошла попова дочь по воду и говорит:

– Я молода, я хороша, я, попова дочь, по воду пошла.

У ручья девка маленькая баская сидит. Переговорка (переговаривает слова поповской дочки) говорит:

– Ты хороша, но я лучше тебя.

Вернулась попова дочь домой и говорит:

– Не пойду по воду, там переговорка сидит.

Пошла мать по воду и говорит:

– Я молода, я хороша, я, попова жена, по воду пошла.

Переговорка говорит:

– Ты хороша, но я лучше тебя.

Поставила попова жена ведра и говорит:

– Что здесь за переговорка сидит?

Переговорка и говорит ей:

– Поймай голубя с голубенком и запеки их в пирог, заставь жениху разрезывать пирог.

Разрезал жених пирог, вылетели оттуда голубь с голубенком, сели на брус. Говорит один другому:

– Урку-урку, Иван-царевич, ты был месяц, я был солнце.

Три раза повторили это голуби. Иван-царевич увидел тут девку, сцапал ее и посадил рядом.

Вот и вся сказка».

с. Бым Кунгурского р-на, от Расоловой Е. И., 1900 г.р.

ФА ПГУ, № 220.

«Жил-был поп. Поехал он как-то в дорогу. Захотел пить и пошел на колодец. Нагнулся – его черт туда и утянул. Черт ему и говорит:

– Ты знаешь, что в доме у тебя нового? Если отганешь, то твоя вещь, а не отганешь – наша!

Поп отгадывал, отгадывал, отгадать не мог. Ему черт и говорит:

– У тебя родился сын. И у сына на скулах звезды, на лбу солнце, на затылке месяц. Он растет у тебя не по дням, не по часам, а по минутам. Отправь сына к нам. Пущай приходит, упадет в этот колодец и попадет к нам.

Вот отец приехал домой и говорит:

– Вот, сынок, я тебя отдал.

Сын спрашивает:

– Кому?

Отец говорит:

– Черту! Там в лугах стоит колодец, пади, в том колодце живет черт, и ты к нему придешь.

Собрал сыну котомочку да и отправил.

Пришел сын в луга, пал в колодец, пришел к черту, видит: у черта деревня, а в деревне 12 сыновней и 12 дочерей. Он думал-думал, в какую избу зайти. И зашел в первую, и сел в ней. А в ней самая младшая из двенадцати сестер жила. Она ему и говорит:

– Здравствуй, Иван-царевич. Напейся квасу, помолись Спасу и ложись отдыхать.

Он так и сделал. Наутро будит его хозяйка:

– Ну-ка, Иван-царевич, встань и сходи к черту. Он тебе, наверно, какую работу даст.

Сын встал и пришел к черту. Черт ему и говорит:

– Вот я тебе дам работу, сострой церкву, привези колокола, и чтобы попы служили, и чтобы зайти любо было.

Заворотился тут сын, пришел домой, загорюнился. Хозяйка и спрашивает:

– Что, Иван-царевич, загорюнился?

– Да вот, – отвечает, – черт мне велел построить церкву и колокола привезти, и чтобы попы служили, и чтоб зайти любо было.

Она и говорит:

– Не тоскуй, Иван-царевич, выйди на улицу, свистни по-молодецки, вскричи по-крестьянски, сам напейся квасу, помолись Спасу, ложися спать!

Как Иван-царевич выспался, хозяйка его будит и говорит:

– Ну-ко вставай, Иван-царевич, иди к черту, он что-то тебе

скажет. От черта иди в церкву и возьми с собой молоток. Как черт придет, ты колоти, колоти гвоздики да на черта с молотком-то и кинься.

Пришел он к черту. Тот его хвалит:

– Молодец, такую церкву за ночь сделал, иди теперь домой, отдыхай!

Так не удалось ему на черта кинуться. Он вернулся домой. Хозяйка ему и говорит:

– Не тоскуй, Иван-царевич, напейся квасу, помолися Спасу и ложись спать!

Он так и сделал. Наутро меньшая дочь черта его будит:

– Сходи-ко к черту, он тебе работу даст.

Черт ему дал работу: посеять овес, вырастить, сжать и смолотить и в амбары прибрать в одну ночь.

Молодец пришел домой, опять тоскует.

– Не тоскуй, Иван-царевич. Выйди на улицу, свистни по-молодецки, вскрикни по-крестьянски, сам напейся квасу, помолися Спасу и ложись спать!

Он лег спать. Хозяйка его наутро будит:

– Пойди, посмотри на долоньях (место для молотыбы) уже метут, пойди туда, возьми метелку, подметай-пометай, да на черта и кинься, как он придет.

Послал черт гонца поздравить молодца, что все ладно сделал, а сам не пришел.

Хозяйка и говорит:

– Давай, Иван-царевич, побежали от моего отца на твою родину.

Вот бежали-бежали они, добежали до реки. Чертова дочь и говорит:

– Иван-царевич, я обернусь рекой, а тебя оберну берегом. Но перед тем приклонись к земле: если мать с отцом бежит, то земля дрожит, а если отца посланники бежат – только веточки дрожат.

Он приклонился к земле, слышит: только веточки дрожат.

Дочь меньшая ему и говорит:

– Посланников послали.

Она обернулась рекой, Ивана-царевича обернула уткой.

Посланники черта прибежали, давай в утку палить, да все мимо; ни с рекой, ни с уткой в реке ничего не смогли поделать.

Прибежал молодец с подружкой ко своим родителям и говорит ей:

– Подожди, а я пока с отцом-матерью поговорю.

Он пошел да и влюбился в трепезникову дочь, а про чертову дочь и думать забыл. Так она и осталась одна, бедняжка. Тут и сказке конец».

д. Хохлово Соликамского р-на, от Ширихановой Марии Тимофеевны, 1912 г.р.
ФА ПГУ №342.

36. Иванушка и его невеста

с. Токари Очерского р-на, от Токаревой А. П., 1924 г.р.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

СУС прямого соответствия нет, сходство **400(1)**

Афанасьев сходство **157–160, 237, 267–269**

Пермские варианты ранее не публиковались.

37. Два брата

д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой А. Ф., 1913 г.р.

ПОКМ, НВ 5060/13.

СУС 303

Афанасьев 155

Пермские варианты ранее не публиковались.

38. Как царь сыновей женил

д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой А. Ф., 1913 г.р.

ПОКМ, НВ 5060/13.

СУС 402

Афанасьев 267–269

Пермские варианты ранее не публиковались.

39. Фифилисто ясно перышко

ГАПО, ф.680, оп.1, д.210.

Записана неустановленным автором.

СУС 432 (сходство)

Афанасьев 234–235

Пермские варианты ранее не публиковались.

40. Ореховая веточка

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 425С

Афанасьев 235, 276

Другие пермские варианты сказки неизвестны.

41. Сивка-Бурка

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясиной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 530

Афанасьев 179–184

Один из распространенных сюжетов волшебных сказок Прикамья. Пермские варианты сказки опубликованы: Зырянов, 15. Известны и другие записи сказки: из с. Козьмодемьянск Карагайского р-на (ФА ПГУ, № 301), с. Касиб Соликамского р-на (ФА ПГУ, № 452), с. Усть-Гаревая Добрянского р-на (ДКМ).

Лаконичный, но интересный по лексике вариант сказки записан в д. Елога Юрлинского р-на:

Сивка-бурка

«У старухи было три сына: Гриша, Миша и Иван-дурак. Посияли они пшеничу на полянке. Кто-то эту пшеничу стал ись. Старик и говорит:

– Ребята, у нас кто-то на полянке пакостит, надо караулить. Давай, Мишка, собирайся седня ты.

Мишка собрался, брагу налил, челпан хлеба положил, картошки полведра и пошел. В балагане развел костер, картошки напек, наелся, спать завалился. А утром встал, домой ушел.

Старик:

– Ну че, Мишка, кого видел?

– Никого не было, никого не видел.

Старик днем сходил на полянку.

– Нет, кто-то был. Нет, ребята, пшенича мятая, топтаная. Давай, Гришка, собирайся.

Гришка сходил тоже так же. Опять никого не было.

Братья говорят:

– А что это Иван-дурак-от у вас сидит на пече. Его посылайте.

Пошел Иван. Он ниче не взял. Ни питье, ни еду. Он всю ночь просидел, проходил. Никого не увидел. Как стало солнышко сходить, он увидел: лошадка прибежала, грива золотая до полу висит. Он подкрался, схватил и поймал кобылу.

Она говорит:

– Ой, Иван. Ты меня отпусти. Я тебе очень пригожусь. Как тебе надо будет че-то-ка, кака будет у тебя нужда, ты выйди за околицу и крикни три раза: «Сивка-бурка, вещий каурка,

встань передо мной, как лист перед травой. Я буду тут как тут».

Ладно, Иван ее отпустил. Пришел домой, ничего не говорит. Отец спрашивает:

– Кого укараулил?

Молчит Иван. А пшеничку больше никто не стал топтать.

Отец сходил проверил, все нормально.

Тут неподалеку царь жил. А у него невеста, царевна очень была красива, не знал царь, за кого ее взамуж выдать. И вот объявил царь такую молву, что на втором этаже сидит невеста, у нее кольцо на руке. Вот кто на лошаде прогонит мимо, кольцо это схватит с руки, у того и будет она невеста. Собираются братья ехать тоже туды, коней седлают. А Иван на печи поляживает. Они уехали, он спустился, за околицу вышел, крикнул три раза: «Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой».

Лошадь прибежала, ни вздумать, ни сказать, только в сказке рассказать. Иван в правое ухо вошел, в левое вышел, таким стал молодцом, сел на лошадку, поехал, все разганивается, прогнал мимо окошка, только чуточки не мог сорвать кольцо. И никто его не мог узнать.

Все за ём погнались, никто не догнал. Иван приехал, лошадку отпустил, таким же Иванушкой стал.

Братья приехали, рассказывают: «Ты послушай, послушай, там парень такой, лошадь у него. Нигде мы таких лошадей не видели и такого молодца не видели. Завтра снова поедем». А на следующий день Иван снова. Братья уехали, он пошел в поле, за околицу вышел, три раза крикнул: «Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой».

Лошадка прибежала, Иван в одно ухо вошел, в другое вышел. И снова стал молодцом. Сел на лошадку. Догнал, разогнался и схватил кольцо с руки царевны. «Кто такой был? Кто такой? Держите его», – царь кричит.

А Иван дома решил посмотреть на кольцо, достал его, оно воссияло. Братья заругались: «Сожжет Иван дом, с огнем играть». Собирает царь всех гостей. Вот пришел Иван, сел. А невеста смотрит на него, говорит: «Вот мой жених». Сделали пир. Я там была. Мед пиво пила, по усам бежало, а в рот не попало».

д. Елога Юрлинского р-на, Овчинниковой А. И., 1927 г.р.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

42. Про Буренушку

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 511

Афанасьев 100–101

Пермский вариант сказки, записанный в д. Кормино Карагайского р-на, опубликован: Подюков, с. 29–30.

Известна запись сказки из с. Буб Сивинского р-на:

Аленушка и Буренушка

«Жила у отца с матерью Аленушка. А у мачехи три дочери были, не работали они. А Аленушка коров пасла. Идет и плачет. А корова спрашивает:

– Че, матушка, ревешь? Вот дунь мне в левое ухо, а из правого выйдет готовое.

Приходит Аленушка домой, а все сделано. Не понравилось это мачехе. Послала она старшую дочь Одноглазку, но Аленушка ее усыпила и Двухглазку также, а у Трехглазки забыла третий глаз усыпить, он все и подглядел. Велела мачеха корову зарезать. Заплакала Аленушка, обняла корову, а та и говорит:

– Как зарежут меня, кишки выпори, там узелок найдешь, закопай его, и что попросишь у него, то он и сделает.

Так она и сделала.

Соберутся все девки на вечерку гулять, а она вроде как на печке сидит, а потом переоденется в вещи, что у мешочка попросит, и тоже идет. Ее узнать никто не может. А возвращается она вперед их. Стали они догадываться, что неладно здесь что-то, взяли да намазали на ступеньки серу. Она тапок-то и потеряла. Так они и узнали про нее. Приходит свататься парень, который тапок этот нашел и Аленушку и выбрал. Взял он ее в жены».

с. Буб Сивинского р-на, от Шаламовой Александры Федоровны, 1916 г.р.
ФА ПГУ, № 347, 1985 г.

43. Иван Мельников

д. Филинцы Нытвенского р-на, записана от Торопицыной Екатерины Егоровны, 1887 г.р.

ГАПО, ф. 973, оп. 1, д. 386. Запись 1947 г. Собиратель Диннер Н.

СУС 545 В

Афанасьев 163–164

Известен вариант сказки из с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

44. Про Иванушку

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС аналогов не выявлено

Пермские варианты сказки неизвестны.

45. Морозко

д. Елога Юрлинского р-на, от Овчинниковой А. И., 1927 г.р.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 480

Афанасьев 98, 557 (Б)

Один из самых распространенных в Прикамье сюжетов волшебной сказки.

Варианты сказки см.: Вологдин, № 40; Зеленин, № 77.

Во время наших экспедиций сказка также записывалась неоднократно:

Машенька и медведь

«Жили-были старик со старухой. Первая старуха у старика умерла, и от нее осталась старику дочка Машка. Старик потом взял себе другую старуху, у которой была тоже дочка, Наташка. Машку мачеха сразу же невзлюбила и приказала старику свезти ее в лес. Старик заплакал, но делать нечего, надо выполнять старухин приказ. Снарядил он лошадь, посадил Машку в телегу и поехал в лес. Вырыл в лесу ей землянку, наготовил дрова, воду принес, крупку оставил немного, попрощался с дочкой и уехал. Вот когда-то Машка затопила печку, сварила кашку и села за стол есть. Вдруг выбегает из норки мышка и просит поесть. Машка видит, что мышка худенькая, тощенькая, пожалела ее, накормила досыта, да и сама наелась. Вот ночью стучится в землянку медведь, страшный, свирепый. Говорит Машке: «Давай в жмурки играть. Вот тебе золотой колокольчик. Ты беги да звени, а я тебя с поленом буду искать». Заплакала Машка, думает: поймает ее медведь и съест. В это время откуда ни возьмись выскакивает мышка и говорит девушке: «Не плачь, Машенька, дай лучше мне колокольчик. Я буду бегать от медведя, а ты спрячься». Так и сделали. Мышь бегала, бегала, медведь утомился и ушел домой ни с чем. А наутро привалило

от медведя несметное богатство: и коровы, и быки, и лошади, и другое всякое богатство.

Приехал старик за дочерью, видит такое чудо, радуется, везет домой. А дома собачка под столом тяфкает: «Тяф-тяф! Машенька с богатством едет, волов, да быков, да лошадей ведет!» Старуха ее пнула под столом и говорит: «Тяфкай, что старик Машкины кости везет!»

Вдруг ворота открываются, и въезжают старик с Машкой и богатство везут. Разозлилась старуха и говорит старику: «Вези Наташку в лес, она больше привезет твоей Машки!» Старику опять делать нечего... Отвез Наташку в ту же землянку, направил ей все так же, как и Машке. Вот вечером Наташка сварила кашку и сидит ест. Вдруг выбегает мышка из норки и говорит: «Угости меня, Наташенька!» А Наташка ей: «Ах ты, гадина такая, еще есть захотела! Брысь отсюда, я еще сама не наелась!» Тожно ночью к ней и пришел медведь, дал колокольчик, заставил бегать. Наташка толстая, едва шевелится. Медведь ее живо поймал да стал поленом тузить, тузить и убил. Вот когда-ко собрался старик по Наташку, а собачка под столом: «Тяф-тяф! Наташкины косточки везут!» Старуха ее опять пнула ногой и говорит: «Фу! Дьявольская дочь, говори, что Наташка с богатством едет!» А собачка все свое. Когда-ко отворяются ворота, приехал старик с Наташкиными косточками. Заплакала старуха, да поздно. Не надо быть такой злой да жадной».

с. Камгорт Чердынского р-на, от Чумной М. Д., 1899 г. р.

ФА ПГУ № 15. Запись 1972 г.

Морозко

«Жил-был старик да старуха, у них было по дочке. Старуха послала дедову дочь за водой. Она пошла за водой и уронила ведро в воду. Доставала ведро и не могла достать. Пошла домой, старуха поругала дедову дочь, она пошла и пала в колодец. И увидела вроде дверь. Отворила и увидела там старика Мороза. Он ее заставил стряпать хлеб, потом самовар поставить. Он чаю напился, потом велел постель сделать из пуха. Она все сделала. Он выспался и подарил ей шелковый платок и отдал ведро. Вышла из колодца и пошла домой. Сидит петух и поет: «Идет дедова дочь. Несет шелковый платок и ведро с водой».

Послала свою дочь, скочила та в колодец и увидела дверь,

отворила и вошла к седому старику Морозу. Он ее заставил хлеб печь. Она сказала:

– Сам испекешь.

Потом он заставил ее самовар ставить. Она сказала:

– Сам поставишь.

Потом сказал сделать постель. Она сказала:

– Сам постелешь.

Он сам сделал. Он дал ей ледяной платок. Она пошла домой.

Сидит петух и поет: «Несет бабина дочь ледяной платок».

Как только вошла она в избу, то уронила ледяной платок и изломала.

Вам сказка, мне кринка масла».

Пермская область. ГАПО, ф.973, оп.1, д.261.

Морозко

«У мужика баба умерла, девка осталась. А с мачехой-то у-у как. Заненавидела баба девку. Мачеха говорит мужику: «Сведи ту девку в лес, посади ее на сугроб, она тут замерзнет».

Вот мужики-то, ниче не жаль, только бы баба-то была другая. Мужик говорит дочери: «Поедешь со мной в лес». Она и поехала. Он завез ее, завез в лес и посадил на сугроб. Прибежал Морозко. Скачет Морозко по ельничкам, по березничкам, по частым боркам, по веретникам.

– Тепло ли, девушка?

– Тепло, Морозушко, батюшко.

Он ей бросил шубу.

Вот опять на другой день ли, вечером ли. Скачет по ельничкам, по березничкам, по частым боркам, по веретникам. Морозко прискакал к девушке.

– Тепло ли, девушка?

– Тепло, тепло, Морозушко-батюшко.

Он бросил ей валенки, потом шаль бросил ей, потом еще всего дал.

Две ночи прошло или три, старуха говорит: «Поди, замерзла девка. Едь по девку, я буду блины пекчи, поминки будут». А старик уехал, да везет девку. Везет девку с золотом со всем добром. А собака:

– Тяф, тяф, тяф, старик дочь везет, полный короб денег везет, шубы и все везет.

Она вышла, говорит:

– Не эдак лай-то, лай «свою дочь везет, кости в мешочке стучат да бренчат».

Собака опять:

– Тяф, тяф, тяф, старик дочь везет, шубы да шали везет.

Выскочила старуха, сковородником бьет:

– Не эдак, а «кости в мешочке стучат да бренчат».

И так до трех раз все высказывала.

Приехал мужик, шкатулку золота привез, шубу. Девка в шубе хорошей, в шалке зашла, в валенках. Старуха говорит:

– Старик, веди мою-то дочь, на то же место посади.

Старик повез на то же место. Вот Морозко прискакал. Скачет по ельничкам, по березничкам, по частым боркам, по веретникам.

– Тепло ли, девушка?

– Щекоты те. Тепло. Я уж скоро замерзну вся.

Он еще пуще морозу, опять спрашивают:

– Тепло ли, девушка?

– Тепло – замерзаю уж я, не досажай мне.

Морозко плетью щелкнул, пуще того морозу нагнал.

Вот третий раз к ей приехал.

– Тепло ли, девушка?

А девушка уж застыла. Старуха говорит мужику:

– Едь, там только не растеряй добро, все собери.

Приехал старик, видит: застыла девка вся. Он положил ее, везет.

Старуха опять блины печет, а собака:

– Старик дочь везет, кости в мешочке стучат да бренчат.

Выбежит старуха, ее логнет:

– Не эдак лай, лай «старик дочь везет, полную карету добра везет».

А собака опять повизжит:

– Старик дочь везет, кости в мешочке стучат да бренчат.

Вот старик подъезжает, старуха выскочила. А та вся как кочень замерзла. Вот и заревела, старика давай ругать.

А старик говорит:

– Дак ты сама мне заставила ее отвести. Я уж над твоей девкой умываться не буду.

А девка мужика-то говорит: «Хватит всем, шкатулка полна золота. А золото разделите, буди мне и ей».

д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой А. Ф., 1913 г.р.
ПОКМ, НВ 5060 /13.

В Перми отмечен интересный вариант зачина этой сказки:

«Жил старик да старуха. У старика и старухи была одна разьединая дочь. Раз старуха и говорит: «Если я, старик, наперед умру, то ты меня в залавочек положи». А старик говорит: «А если я, старуха, наперед помру, ты меня в шесточек положи». Вот ладно дело было. Живут, прошло там сколько-то времени, захворала старуха и померла. Похоронил старик на кладбище старуху, а сам женился на Бабе Яге. У Бабы Яги тоже дочь была. Вот хорошо. Живут старик с Бабой Ягой. Баба Яга не залюбила старикову дочь. И стала говорить старику: «Сведи свою дочь в лес. Не хочу я с ней месте жить». Дело было зимой. Уж как не хотелось везти старику дочь в лес, все-таки Баба Яга на своем поставила и заставила его везти дочь в лес. Посадил старик дочь в сани, повез в лес. Завез далеко в лес, посадил под елку и уехал домой.

Сидит девушка. Скачет Морозко по ельничкам, по березничкам, по мелким, по частым по осинничкам. Прискакал вплоту к девушке и спрашивает: «Тепло ли тебе, красная девица?» – «Тепло, Морозушко-батюшко». Принес ей Морозко шубу и шаль. Потом прибежал снова и спрашивает снова: «Тепло ли тебе, красная девица?» – «Тепло, Морозушко-батюшко». Морозко построил ей золотую избушку и имения всякого дал».

г. Пермь, ГАПО ф. 680, оп.1, д.209, л.2. Русские народные сказки, записанные неустановленным автором. 1896 г.

46. Про Ягишну

с. Кузнечиха Осинского р-на, от Пьянковой К. И. 1894 г.р.

ФА ПГУ.

СУС 480

Афанасьев 98, 557 (Б)

Известны и другие варианты сказки:

«Жили старик со старухой. У старика первая жена померла. От нее дочь осталась. Потом старик снова женился, взял в жены пожилую бабу с дочерью. Вторая жена не взлюбила падчерку. Вот и говорит она своему старику:

– Повези, старик, свою дочь куда хочешь, хоть куда ее девай, а чтоб в моем доме глаза ее не видали!

В лесу стояла избушка, летом там охотники жили. Вот

старик и свез дочку в эту избушку, в холодную. Тамо печку затопили, обогрели избушку, старик и уехал, оставил дочь одну.

Она сварила кашку про себя покушать. Выбежала к ней из-под пола мышка, попросила каши поить. Вот девица ее покормила кашкой. Мышка и говорит:

– Вечером тебе в избушку медведь придет, будет забавлять тебя, в жмурки играть.

И убежала. Вечером пришел из лесу медведь, стучится к ней в избушку, она открыла. Мышка выбежала из-под полу и говорит:

– Надень на меня колокольчик, я буду с ним играть, пусть медведь со мной поиграет, а сама ты в подполье залезь, спрячься.

Девица так и сделала.

Медведь пришел, говорит: «Давай играть». Медведю глаза завязали, мышка давай бегать, везде заскочит. Медведь так устал, все бросил, больше играть не стал. Весь пристал, развалился посреди избушки. Так мышка падчерку из беды выручила. Старик вскоре поехал проведать свою дочь да назоло жене и забрал ее назад».

д. Хохлово Соликамского р-на, от Ширихановой М. Т., 1912 г.р.

ФА ПГУ № 342.

47. Семеро братьев и людоед

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС прямого соответствия нет

Пермские варианты неизвестны.

48. Сестра и семеро братьев

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 451

Вариант сказки опубликован: Зырянов, 4. Вариант сказки записан также в с. Насадка Кунгурского р-на.

49. Жадный бобыль

г. Пермь ГАПО, ф.680, оп.1, д.209, л.1. Русские народные сказки, записанные неустановленным автором. 1896 г.

СУС 555

Афанасьев 75–76

Пермские варианты неизвестны.

50. Чудесные санки

с. Кузнечиха Осинского р-на, от Пьянковой К. И., 1894 г.р.

ФА ПГУ № 643.

СУС прямого соответствия нет

Пермские варианты неизвестны.

51. Чудесные жернова

с. Токари Очерского р-на, от Токаревой А. П., 1924 г.р.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 715 А

Афанасьев 188

Пермский вариант сказки публикуется впервые, известны полевые записи варианта сказки из с. Русский Сарс Октябрьского р-на от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

52. Как ветер муку унес

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС прямого соответствия нет

Иные пермские варианты сказки неизвестны.

53. Скатерть, развернись!

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 565А*

Другие пермские варианты сказки неизвестны.

54. Лутонюшка

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 327F

Афанасьев 106–112

Один из самых распространенных сюжетов пермской сказки о чудесных детях. Один из пермских вариантов сказки опубликован: Серебrenников, № 8. Известны полевые записи из д. Емаш-Павлово Чернушинского р-на, записанные от Ильюшихиной Антонида Ивановны, 1917 г.р., в этом варианте главный герой – Липанюшка:

«Вот у одной старушки был сын Липанюшка. И он ходил все время рыбачить. Ты давай, сынок, иди порыбачь. А я блинов напеку. Отнесу сынку, крикну: «Липанюшка, сыночек мой, иди домой скорёхонько, неси рыбки белуженьки...»

В сказке из д. Потаскуево Красновишерского р-на, записанной от Собяниной Валентины Кирилловны, 1924 г.р., чудесный ребенок борется и побеждает не Бабу Ягу, Ягишну или ведьму, как в других пермских сказках, а Убрениху, персонажа, характерного для фольклора Северного Прикамья:

«...Бабка, сделай мне веселышко, я поеду кататься. Катался, катался, и Убрениха ему навстречу попала. Убрениха – нечистой дух... Она нечистая была, колдунья, звали ее Убрениха».

В варианте сказки из д. Седуны Сивинского р-на Баба Яга живет вместе с Липонюшкой:

«Жили Липонюшка и Баба Яга. Обижала его Баба Яга. Захотела она его испекти и проглотить. Сидит она на печке и поет:

*Скрипи, скрипи, нога,
Я Баба Яга,
Я на печке сижу,
Твои костки гложу.*

Говорит Липонюшке: «Садись на лопатку, я тебя в печку посажу».

Липонюшка умнее ее оказался. В печку то одной ногой, то другой ножкой упрется.

«Сама покажи, – говорит, – как садиться надо». Она села, ножки сложила, а он ее затолкал в печку и испек».

55. Ваня-полешко

д. Ефремова Юрлинского р-на, от Суворовой А. И., 1932 г. р.

Запись 2002 г. Собиратель Подюков И. А.

Близка сюжету сказки «Лупонюшка», помещенному в настоящем сборнике.

СУС 327 С, F

Афанасьев 106–112

56. Бисдунок

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1995 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 2028

Близка сюжету о Глинышке, помещенному в настоящем сборнике.

57. Глинышек

с. Вассята Чайковского р-на, от Масленниковой Анны Максимовны, 1904 г.р., родом из д. Плишкари Еловского р-на. Запись 2001 г. Собиранитель Черных А. В.

СУС 2028

58. Нюрочка-снегурочка

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р. Запись 1995 г. Собиранитель Черных А. В.

СУС прямого соответствия нет, контаминация сюжетов **703* и 780**

Афанасьев 244, 246

Пермские варианты сказки публиковались неоднократно: Вологдин, № 39; Зеленин, № 76; Спешиллов, с.5–7; Серебренников, № 12; Подюков, с.39–43.

59. Анна-снеженичка

с. Бигичи Чердынского р-на, от Мяндиной П. С., 1904 г.р.

ФА ПГУ № 151. Запись 1972 г.

СУС - 314А* +314А*

Афанасьев 201, 202

Известны и другие варианты подобной сказки:

«А вот однажды пошли три девочки в лес за грибами. Среди них одна была очень слабенькая: плохо ела, часто болела, и звали ее просто заморыш. То она есть не хотела, то ей молоко не нравилось, то было невкусно сварено. Вот ходили, ходили эти девочки по лесу и не заметили, как далеко в лес забрались, и потеряли дорогу, заблудились. Стали кричать, но их никто не услышал. Стало вечереть. Дождик пошел, идут туда – нет дороги, идут сюда – нет дороги. Поплакали. А что делать. Все равно идут-идут. И вдруг видят избушку, обрадовались. Потихоньку зашли в нее. А там на полу лежит огромный, косматый кто-то: не то человек, не то зверь. Испугались, хотели обратно идти, а этот звериный и говорит: «Хорошо, давно я людей к себе хочу, не ревите, а вот ложитесь спать».

И бросил им на пол какую-то грязную тряпицу. Они и этому были рады. Скоро уснули. Раньше всех проснулась заморыш

и видит, что этот косматый топит печь и что-то готовит, варит. Руки у него грязные, косматые, ложит в горшок каких-то мышей, лягушек, коренья, что-то вокруг собирает и все в похлебку толкает. Проснулись и другие девочки. И стал он их этой похлебкой кормить. Две-то девочки, они не видели, из чего похлебка сварена, они-то наелись. А вот заморыш-то не стала есть, осталась голодной. А после завтрака леший предложил им прыгать через веревочку: кто перепрыгнет, тот, значит, домой пойдет, а кто не перепрыгнет – нет... Эта девочка не могла перепрыгнуть. Потом им дал другое задание: прыгать через яму. Две-то перепрыгнули, а третья опять упала в яму. Ну, он двоих-то отпустил, они-то убежали, а третья у него осталась. Ну, он говорит: «Хорошо. Хоть одна осталась. Много-то мне не надо, не прокормить».

Притащил в избу очеп и большую зыбку, как санки. Привязал на веревки. Забрался сам в эти сани, привязал сани к очепу и заставил девочку качать да песенки петь. День качает, два качает. Домой, конечно, хочет девочка, плачет. Как увидит, что он спит, выбегает на улицу и старается крадучись бежать. Просыпается леший, догоняет ее, заставляет песни петь, качать его. Ну, девочке, конечно, хороших песен не хотелось ему петь, она поет: «Спи глаз, спи два, спи коростина дыра». Снова, когда он уснет, старается убежать. Нет, опять поймают. Опять догонит. Сидит однажды она около избушки, а тут телята ходят. Она и говорит одному, так ласково погладила теленочка и говорит:

– Миленький, помоги мне отсюда убежать. Домой я хочу, да леший не отпускает. Как побегу, он меня догоняет.

А теленок-то ей и говорит:

– Ну ладно, помогу я тебе. Сделай пробку из дерева, чтоб мне з...у заткнуть, а завтра я снова здесь буду. Ты сядешь на меня, а мне пробкой з...у заткни. Как он будет тебя догонять, ты пробку-то достань.

Она так и сделала. Выстрогала деревянную пробку. Видит теленочка, а он тут как тут, прибежал. А этой порой она укачала своего лешего и села-то на теленочка. Теленок-то побежал, а леший-то и проснулся. Видит: нет девочки. И побежал, видит, что она едет верхом на теленке. Вот бежит-бежит. Он быстро бегал, леший-то. Вот догоняет. А теленок говорит:

– Когда он близко подбежит, будет тебя ловить, добывая пробку.

Она достала пробку, как брызнет, прямо в морду этому лешему и залепил ему глаза. Ну пока он эти глаза промывал, проковыривал, в то время теленок уж с девочкой и дальше убежал. Так теленок-то и увез девочку домой, и остался леший ни с чем. Тут и сказке конец».

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В. и Суханова М. Е.

Известны и другие варианты сказок – о появлении чудесных детей. Так, в фрагменте сказки из д. Ощепково Усольского р-на чудесный ребенок появляется из птичьего гнезда:

«Жили-были старик со старухой. У них не было детей, ни одной девки, ни одного парня. Вот старику сон снится: там в лесу дерево растет, надо на дерево залезть, там одно яичко взять. Он взял яичко и на печку положил. Они услышали, что кто-то на печке пищит. И у них вышел сын...»

60. Девочка-курочка

д. Ефремова Юрлинского р-на, от Суворовой А. И., 1932 г. р.

Запись 2002 г. Собиратель Подюков И. А.

СУС прямого соответствия нет

Богатырские сказки

Вопрос о бытовании в Прикамье эпоса в фольклористике не решен окончательно. Отрывочные записи былинных сюжетов, записанные в Прикамье, публиковались неоднократно (Серебренников. Былины, 1–2 и др.).

В настоящем сборнике мы приводим записи былинных сюжетов, жанр которых определить достаточно сложно. Что это: остатки эпических былин или былинные и богатырские сказки? Кроме былинных сюжетов о русских богатырях, приводятся сюжеты и о прикамских богатырях, часть из которых соотносится с топонимическими преданиями.

61. Добрыня и сорочинская змея

д. Шарынино Ординского р-на, от Мелкозеровой Любови Яковлевны, 1909 г.р., родом из д. Колоба Уинского р-на.

Запись 1997 г. Собиратели Черных А. В., Базанова Е. С.

Сюжет сильно разрушен.

СУС соотносится 974*

62. Исцеление Ильи Муромца

д. Шарынино Ординского р-на, от Мелкозеровой Л. Я., 1909 г.р., родом из д. Колоба Уинского р-на.

Запись 1997 г. Собиратели Черных А. В., Базанова Е. С.

СУС соотносится 650*С

Афанасьев 308–310

63. Про Илью Муромца

п. Мутиха Красновишерского р-на, от Филиппович Тамары Егоровны, 1921 г.р., родом из д. Акчим.

Запись 2002 г. Собиратели Черных А. В., Муруева Т. В.

СУС соотносится 650*С

Афанасьев 308–310

64. Смерть Ильи Муромца

д. Петрецово Чердынского р-на, от Пашина Егора Ивановича, 1929 г.р.

ФА ПГУ № 407. Запись 1988. Собиратель Шумов К. Э.

Сюжет сходен с диалогом распространенной в Чердынском р-не святочной игры «Аника-воин». В последней Аника также разговаривает со смертью и просит оставить ему один денечек, один часочек, одну минуточку...

СУС аналогов не выявлено

65. Про князя Владимира и Става Годиновича

д. Шарынино Ординского р-на, от Мелкозеровой Л. Я., 1909 г.р., родом из д. Колоба Уинского р-на.

Запись 1997 г. Собиратели Черных А. В., Базанова Е. С.

СУС 880

66. Про Степана-царевича

д. Шарынино Ординского р-на, от Мелкозеровой Л. Я., 1909 г.р., родом из д. Колоба Уинского р-на.

Запись 1997 г. Собиратели Черных А. В., Базанова Е. С.

СУС соотносится 300А+–650*С

Афанасьев 134, 136–138

67. О вишерских богатырях

п. Мутиха Красновишерского р-на, от Филиппович Т. Е., 1921 г.р., родом из д. Акчим.

Запись 2002 г. Собиратели Черных А. В., Муруева Т. В.

68–71. Продолжают сюжеты, посвященные вишерским богатырям.
Чердынский р-н, Красновишерский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, НВ 1110/578.

72–78. Цикл сюжетов о чердынских богатырях.
Чердынский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, НВ 1110/578.

Социально-бытовые сказки

79. Про нужду

с. Купчик Чердынского р-на, от Васюковой Афанасии Павловны, 1929 г.р.
ФА ПГУ № 343. Запись 1988 г. Собиратель Шумов К. Э.

СУС 735А

Афанасьев 303, 304, 574

Ранее варианты не публиковались.

80. Ножик

г. Пермь. ГАПО, ф.973, оп.1, д.413.

СУС 1654+1654**

Афанасьев 452

Ранее варианты не публиковались.

81. Марко Скоробогатый

д. Асюл, Бардымский р-н, от Петуховой П. П.

Запись 1997 г. Собиратель Крысова М. В.

СУС 461

Афанасьев 305–307

Пермский вариант сказки см.: Зырянов, № 7.

82. Лиза и разбойники

с. Советная Суксунского р-на, от Мосеевой Марии Васильевны, 1920 г.р.

Запись 1993 г. Собиратели Базанова Е. С., Кучевасов С. В.

СУС 955+956Б

Афанасьев 342, 343, 344

Сюжеты о разбойниках характерны для пермской сказки, см., например, Подюков, с. 47.

Схожий вариант отмечен в с. Верхнее Мошево Соликамского р-на:

«Жил отец с матерью. Была у них дочь Марфита Прекрасная. Приехали сватальщики свататься. Потом еще поехали свататься за другую. Только Марфита спросила:

– Где вы живете?

– Вот туда-то дорога к нам, – говорят они.

Марфита Прекрасная пошла во двор, обседлала лошадь и поехала по этой дороге. Ехала-ехала и видит: в лесу стоит дом, а вокруг него костры горят. Около дома много дров. Поставила она коня за костры и пошла по лесенкам, а на них кровь. На мост зашла, там туши висят человечьи. Пошла к печке, достала, там титки пекутся женские. Обратно пошла, а они уже идут, шумят. Она под глухую кровать-то забилась. А те привезли невесту, говорят:

– Клади руки на плаху.

Та отвечает:

– Я у матушки не клала, и у батюшки не клала, и у вас не буду класть.

Они положили ей руки на плаху и отрубили. А руку с кольцами под кровать бросили. Девушка ее себе в карман спрятала. А те снова говорят:

– Клади голову на плаху.

– Я у матушки не ложила, и у батюшки не ложила, и у вас не буду класть.

Сами положили они ей голову на плаху и отрубили. Наелись из печки и спать легли. А за дверями лев был. И стал он скакать: чует русский дух. А они думают: это он девкиного духа нанюхался, вот и скачет. Когда они уснули, Марфита на лошадь села и уехала. Пустила во двор коня и легла спать. А отец ничего об этом не знал. Пошел он утром во двор, говорит:

– Какая у нас лошадь сырая.

– Она не по двору, то и сырая, – говорит Марфита (суседко ее гонял).

Приехали женихи по невесту, она говорит, что видела сон. А гости торопятся, говорят:

– Нам быстрее надо ехать.

Отец говорит:

– Пусть расскажет.

Невеста рассказывает:

– Будто выехала я на коне. Ехала, ехала и вижу: в лесу стоит дом, а вокруг него костры горят. Около дома много дров. Поставила я коня за костры...

Гости говорят:

– Нам быстрее, быстрее надо.

Отец говорит:

– Пусть все расскажет.

Невеста продолжает:

– Пошла я по лесенкам, а на них-то кровь. На мост зашла, там туши висят человечьи. Пошла к печке, достала, там титьки пекутся женские. Обратно пошла, а они уже едут, шумят. Я под глухую кровать забила. А те привели невесту. Говорят: «Клади руки на плаху». Она отвечает: «Я у матушки не клала, и у батюшки не клала, и у вас не буду класть». Они положили ей руку на плаху и отрубили...

Гости говорят:

– Нет, неправда это.

Тогда она вынула руку с кольцами. Их забрали. Поехали в их дом. Все разоблачили. Их расстреляли.

Вот и сказке конец, кто слушал – молодец».

с. Верхнее Мошево Соликамского р-на, от Филипповой Александры Павловны, 1907 г.р.

Архив ФА ПГУ.

83. О царе Петре

д. Усть-Гаревая Добрянского р-на, от Чирковой Н. Б., 1918 г. р.

ДКМ. Запись 1993 г.

СУС сходство 952

Афанасьев 340

84. Сварливая жена

г. Добрянка, от Вялых Д. Н., 1922 г. р.

ДКМ. Запись 1993 г.

СУС 1429*

Пермский вариант сказки см: Зырянов, № 33.

85. Про зеркало

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС прямого соответствия нет

86. Ленивая жена

с. Кишертъ Кишертского р-на, от Колесниковой Марии Ильиничны, 1929 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Жданова Н. В.

СУС прямого соответствия нет, по типу **1288***

Афанасьев 458(У)

87. Как над мужиками подшутили

г. Пермь, от Козловой Полины Васильевны, 1929 г.р., родом из с. Курашим Пермского р-на.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

СУС 1275

88. Шут да Маришка

с. Советная Суксунского р-на, от Мосеевой М. В., 1920 г.р.

Запись 1993 г. Собиратели Базанова Е. С., Кучевасов С. В.

СУС 1539

Афанасьев 397–399

Вариант этой сказки отмечен в с. Юрла Юрлинского р-на.

89. Безаботный поп

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Базанов В. А.

СУС прямых аналогов нет, по типу **922**

Пермские варианты сказки неизвестны.

90. Поп и работник

с. Крылово Осинского р-на, от Чугаевой С. Е., 1912 г.р.

ФА ПГУ № 142.

СУС 1000+1006*+1012+1132+1120

Афанасьев 150, 152

91. Иван-дурак и поп

с. Советная Суксунского р-на, от Мосеевой М. В., 1920 г.р.

Запись 1993 г. Собиратели Базанова Е. С., Кучевасов С. В.

СУС 1004+1045+1072+1132+1120

Афанасьев 150–152

92. Про Игнашку вора

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Базанов В. А.

СУС 1525А+1525*СІ

Афанасьев 383–389

Известны другие пермские варианты сказки: Зырянов, № 24; Подюков, с.53–56.

93. Удалой Савва

с. Карагай Карагайского р-на, от Шабуровой П. Г., 1910 г.р.

ФА ПГУ № 829. Собирант Бычкова Е.

СУС 1535

Афанасьев 387, 397–400

94. Шел солдат со службы

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиранты Черных А. В., Базанов В. А.

СУС 664В*

Афанасьев 375, 377

Пермский вариант сказки см.: Зырянов, № 31.

95. Солдат и шанги

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиранты Черных А. В., Базанов В. А.

СУС аналогов не выявлено

96. Я молодец – с того света выходец

д. Осинка Юрлинского р-на, от Сакулиной Ксении Григорьевны, 1927 г.р.

Запись 2003 г. Собиранты Черных А. В., Хоробрых С. В.

СУС 1540+1540А*+1528

Афанасьев 391

Схожие варианты сказки записаны в д. Балда Юрлинского р-на, с. Купчик Чердынского р-на:

Хитрый солдат

«Жили-были старик со старухой. Вот шел служивенькой со службы, попросился ночевать. А старика дома не было. Старуха одна дома-то была. «Непустишь ли ночевать служивенького человека?» – «Пошто не пустить-то, пушшу, пушшу. Давай». Он, служивенькой-от, выпросил все у старухи-то, а потом говорит: «Бабушка, я ведь жениться лажу». А он вышел во двор, за сарай. А там у них свинья лежит в гнезде-то, пестрая, большущая. Она: рю, рю, рю, рю. А старуха любопытная была, двери-те открыла и слушат. «Служивенькой, ты че с моей-то дочкой (то есть свиньей – прим. ред.) разговаривашь тамо-ка? Че с моей-то дочкой говоришь?» – «Да, бабушка, твоя-то дочка пестра мне мать и хресна, я жениться лажу, не отдашь ли мне ее в свахи?» – «Так пошто не отдам-то? Отдам. Отдам». Старуха давай смеяться. Говорит: «Дак ить сваха, дак ить надо ее средить, как положено. Я надену на нее кашомировую кофточку». Надела на дочку чулочки капроновые, башмачки

сафьяновые, косынку шелковую надела. Срядила дочку. Сваха настояща получила, говорит: «А, служивенькой, пойдешь свататься, дак ать пешком-то не ходи, я дам подводу, подводу сделаю. Запрягу». Ну ладно, в подводу запрягла старуха пару лошадей, на дугу колокольчики подвесила, и поехали они. Старика дома не было. А без старика все это старуха скомандовала. Когда-то уехал служивенький-то жениться с дочкой на паре лошадей. «До свиданья, бабушка». – «До свиданья. Идъ давай. Хорошую бери невесту-ту. А хорошую берите». Когда-ко приходит старик домой. Приходит, он на этой, на охоте ли где ли был, не знаю где. «Смейся, ты смейся, старик». – «Над чем смеяться, старая ты карга? Над чем?» Он уж чувствует. «Ведь эта служивенькой был. Ведь наша-та дочка пестра ему мати хресна была. Ведь я отдала, старик, дочку-то». Давай старик старуху ругать, чуть не бьет. «А че ты еще, старая дура, че еще отдала?» – «Я пару лошадей запрягла, колокольчик на дугу повесила. Уехал свататься. Велела хорошую брать-то». Теперь ездит где-ко свататца служивенькой-от.
Вам сказка, мне кринка масла. Кто слушал, тот молодец, сказке конец».

с. Купчик Чердынского р-на, от Васюковой А. П., 1929 г.р.

Запись 1988 г. Собиратель Шумов К. Э.

97. Про золотую голову

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 2001 г. Собиратели Черных А. В., Суханова М. Е.

СУС 1415

Афанасьев 407–409

Другие пермские варианты сказки неизвестны.

98. Кобылы яйца

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В, Базанов В. А.

СУС 1319

Другие пермские варианты сказки неизвестны.

99. Как Иван-дурак за счастьем ходил

с. Усть-Гарева Добрянского р-на, от Чирковой Н. Б., 1918 г.р.

ДКМ. Запись 1993 г.

СУС 1696+1653А, В, С

Афанасьев 403, 404

100. Про Ивана-дурака

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Базанов В. А.

СУС 1681А+ 1009+1691+1006*

Афанасьев 401, 409, 152

Один из распространенных сюжетов пермских сказок. Варианты сказки отмечены в с. Ошья, с. Урталга, д. Никольск Куединского р-на; опубликованные тексты: Серебренников, № 28.

101. Про Солнышко

Чердынский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, № 10 ИБЭ4 1996 г., п/о 412,

9 НВ. Записано Спириным А. И.

СУС 552В

102. Мужики-тасимичи

д. Нижний Шакшер Чердынского р-на.

ФА ПГУ № 346. Запись 1989 г. Собиратель Шумов К. Э.

СУС 1277***

Схожий вариант опубликован: Подюков, с. 60–61.

103. Глупые люди

с. Кишерт Кишертского р-на, от Колесниковой М. И., 1929 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Жданова Н. В.

СУС 1263+1210

Афанасьев 405

Достаточно распространенный сюжет пермских сказок. Отдельные сюжеты неоднократно записывались в Чердынском р-не, в д. Носкова Юрлинского р-на.

104. Солдат и черти

с. Русский Сарс Октябрьского р-на, от Трясциной Е. Н., 1922 г.р.

Запись 1996 г. Собиратели Черных А. В., Базанов В. А.

СУС 1060*

Афанасьев 153

105. Чертова невеста

д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой А. Ф., 1913 г.р.

ПОКМ, НВ 5060/13.

106. Баба и черт

Кунгурский р-н, ФА ПГУ № 562

СУС 1164

Афанасьев 433–437

107. Охотник и леший

п. Мутиха Красновишерского р-на, от Филиппович Т. Е., 1921 г. р., родом из д. Акчим.

Запись 2002 г. Собиратели Черных А. В., Муруева Т. В.

СУС 1115

108. Мужики и леший

с. Купчик Чердынского р-на, от Васюковой А. П., 1929 г. р.

Запись 1988 г. Собиратель Шумов К. Э., ФА ПГУ № 343.

СУС 19204* так же входят сюжеты небылиц **1889Р, 1892, 1900**

Афанасьев 418, 421, 422

109. Фома-старичок

д. Городище Осинского р-на, от Чеклиновой Е. Г., 1895 г. р.

ФА ПГУ № 451.

СУС 333В

110. Норушка

д. Усть-Уролка Чердынского р-на, от Сторожевой А. Ф., 1913 г. р.

ПОКМ, НВ 5060/13.

СУС 333В

Сказки-притчи

111. Мужик на небесах

п. Мутиха Красновишерского р-на, от Филиппович Т. Е., 1921 г. р., родом из д. Акчим.

Запись 2002 г. Собиратель Черных А. В.

Вариант сказки отмечен в Чердынском р-не, ЧКМ НВ 1110/578.

СУС 471+804

112. Почему у кукушки своего гнезда нет

с. Бигичи Чердынского р-на, от Зайковой О. Ф., 1908 г. р.

ФА ПГУ № 151

113. Почему пчелку убивать нельзя

д. Ярушино Суксунского р-на, от Ярушиной Т. Н.

Запись 1995 г. Собиратель Базанова Е. С.

114. Почему у павлина красивый хвост

с. Красный Ясыл Ординского р-на, от Байдиной Анны Максимовны,
1910 г.р.

Запись 1997 г. Собиратель Черных А. В.

115. Почему куры все время едят

д. Ярушино Суксунского р-на, от Ярушиной Т. Н.

Запись 1995 г. Собиратель Базанова Е. С.

116. Почему рябчики маленькие

Чердынский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, НВ 1110/578.

117. Почему воробей на земле все время прыгает

Пермская область, ФА ПГУ.

118. Почему канюк все время кричит «пить-пить»

с. Токари Очерского р-на.

Запись 2003 г. Собиратель Черных А. В.

119. Почему зерно на колоске только на самом верху

Чердынский р-н, ЧКМ, архив И. А. Лунегова, НВ 1110/578

Список сокращений

Афанасьев – Народные русские сказки
А. Н. Афанасьева. М., 1957. Т.1–3.

Вологдин – Материалы для этнографии Закамья.
Из сборника П. А. Володина: Сказки, говоримые
детям // Пермские губернские ведомости, 1863 г.
№ 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44.

Зеленин – Великорусские сказки Пермской
губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Записки
Императорского Русского географического об-
щества по отделению этнографии. Пг., 1914. Т. ХLI.

Зырянов – Старикова тайна: Сказки Прикамья
в записи И. А. Зырянова. Пермь, 1981.

Ончуков – Северные сказки (Архангельская и
Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского географиче-
ского общества по отделению этнографии. СПб,
1908. Т. XXXIII.

Подюков – Пермские сказки: Современный
фольклор Прикамья /Сост. И. А. Подюков/. Пермь,
2000. С. 3.

Серебренников – Меткое слово. Песни. Сказки:
Дореволюционный фольклор Прикамья: Собрал
В. Н. Серебренников /Сост. Т. И. Вершинин/.
Пермь, 1964.

Спешилов – Сказки Прикамья /Собрал и обра-
ботал А. Спешилов/. Пермь, 1971.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов:
Восточнославянская сказка. Л., 1979.

ГАПО – Государственный архив Пермской области.

ДКМ – Добрянский краеведческий музей.

ПГУ – Пермский государственный университет.

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей.

ФА ПГУ – Фольклорный архив лаборатории «Фольклор
Прикамья» Пермского государственного университета.

ЧКМ – Чердынский краеведческий музей.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

г. **ПЕРМЬ** присказки 2, 4, 5, 3П*,
21, 22П, 45П, 49, 80, 87

д. Нижняя Курья 23, 26П

Бардымский район

д. Асюл 22К, 81

Верецагинский район

п. Зюйка 9П

Добрянский район

г. Добрянка присказки 1,3,5,
14, 15, 41П, 84; послесказка

с. Усть-Гаревая 83, 99

Еловский район

д. Коптелы 32П

д. Невolino 22П

д. Плишари 57

Карагайский район

с. Карагай 30П, 93

с. Козьмодемьянск 41П

д. Кормино 42П

Кишертский район

с. Кишерт 86, 103

Красновишерский район

д. Акчим 63, 67, 107, 111

д. Бычина 22П

п. Мутиха 63, 67, 107, 111

д. Потоскуево 22П, 54П

п. Сылучи 22П

Кудинский район

д. Никольск 100П

с. Ошья 100П

д. Покровка 19П

с. Урталга 31, 100П

Кунгурский район

с. Бым 35П

с. Насадка 48П

Нытвенский район 6, 9, 10, 11,
12

д. Филинцы 43

Октябрьский район

с. Русский Сарс 2, 3, 8, 9П, 13,
15, 22П, 25, 26, 27, 30, 32, 35,

40, 41, 42, 43П, 44, 47, 48, 51П,

52, 53, 54, 56, 58, 59П, 85, 89,

92, 94, 95, 97, 98, 100, 104

Ординский район

с. Ашап 4

с. Красный Ясыл 114

д. Шарынино 61, 62, 65, 66

Осинский район

д. Городище 109

с. Крылово 7, 90

с. Кузнечиха 46, 50

Очерский район

с. Токари 14П, 20, 22, 29, 36,
51, 118

Пермский район

с. Курашим 87

с. Юг 23, 26П

Сивинский район

с. Буб 42П

д. Дмитриево 28П

д. Седуны 54П

Соликамский район

д. Верхнее Мошево 82П

с. Касиб 41П

д. Половодово 25П

д. Хохлово 35П, 46ПК

п. Черное 17

Суксунский район

с. Советная 82, 88, 91

д. Ярушино 113, 115

Уинский район

с. Воскресенск 1

д. Колоба 61, 62, 65, 66

Усольский район

д. Ощепково 25П, 59П

Чайковский район

с. Вассята 57

д. Чумна 22П

Чердынский район 28, 68–78,

101, 103П, 116, 119

с. Бигичи 18, 25П, 34, 59, 112

с. Камгорт 13П, 45П

с. Купчик 79, 96П, 108

д. Нижний Шакшер 102

д. Петрецово 64

д. Усть-Уролка 35П, 37, 38, 45П,
105, 110

с. Цыдва 19, 24, 25П

Чернушинский район

д. Емаш-Павлово 54П

Юрлинский район

с. Юрла 88П

д. Носкова 103П

д. Балда 96П

д. Ефремова 19П, 55, 60

д. Таволожанка 32П

д. Осинка 96

д. Елога 19П, 22П, 24П, 28П,
41П, 45

* Здесь и далее –
обозначение сказок,
помещенных в примечаниях

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

5

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

21

1. Жили два братца...

23

2. Жил-был, жила-была...

23

3. Жили-были старик со старухой...

23

4. Жили-были два мочала...

24

5. Жил-был царь...

24

6. Жил-был царь, у царя был двор...

24

7. Жил-был карась...

24

8. Надо ли сказку страшную...

24

9. Дело было вечером...

25

10. Я сидела на пенёчке...

25

11. Сидели два медведя...

25

12. Мы с тобой шли...

26

13. Надо вам сказку...

26

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

27

14. Звери в яме

29

15. Лиса и тетерев

31

16. Волк и баран

32

17. Про горшок

32

**18. Михаил Потапович и Лиса
Патрикеевна**

34

19. Котик и петушок
35
20. Лиса и заяц
38
21. Петух, гусь, баран и бык
40
22. Медведь – липовая нога
41
23. Мужик, медведь и лиса
43
24. Волк и лиса
45
25. Коза-дереза
47
26. Старуха с лаптем
50
27. Жадный волк
53
28. Медвежья яма
56
29. Про котишку и парнишку
58
30. Про курочку Рябу
59
31. Коза
63
- ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ**
65
32. Про горох
67
33. От Понедельника до Субботы
69
34. Про купца и его волшебную птицу
72
35. Отдай, чего не знаешь
73
36. Иванушка и его невеста
83
37. Два брата
86
38. Как царь сыновей женил
92
39. Фифилисто ясно перышко
95

40. Ореховая веточка
99
41. Сивка-бурка
100
42. Про Буренушку
105
43. Иван Мельников
108
44. Про Иванушку
112
45. Морозко
116
46. Про Ягишну
119
47. Семеро братьев и людоед
119
48. Сестра и семеро братьев
123
49. Жадный бобыль
125
50. Чудесные санки
127
51. Чудесные жернова
129
52. Как ветер муку унес
131
53. Скатерть, развернись!
133
54. Лутонюшка
135
55. Ваня-полешко
138
56. Бисдунок
139
57. Глинышек
140
58. Нюрочка-снегурочка
141
59. Анна-снеженичка
144
60. Девочка-курочка
145
- БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ**
147
61. Добрыня и сорочинская змея
149

62. Исцеление Ильи Муромца
150
63. Про Илью Муромца
151
64. Смерть Ильи Муромца
152
65. Про князя Владимира и
Ставра Годиновича
153
66. Про Степана-царевича
154
67. О вишерских богатырях
156
68. Полюд и Пеля
156
69. Полюд и Ветлан
157
70. Как Полюд и Пеля врагов
победили
158
71. Полюд, Ветлан и Вишера
158
72. Кар-богатырь и девушка
159
73. Ветлан, девушка и Полюд
159
74. О чердынских богатырях
159
75. Полюд и Кичимовы ямы
160
76. Богатство Полюда
161
77. Следы Полюда
161
78. Пеля и русский царь
162
- СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ СКАЗКИ**
163
79. Про Нужду
165
80. Ножик
166
81. Марко Скоробогатый
170
82. Лиза и разбойники
173

83. О царе Петре
176
84. Сварливая жена
177
85. Про зеркало
178
86. Ленивая жена
179
87. Как над мужиками подшутили
179
88. Шут да Маришка
180
89. Беззаботный поп
183
90. Поп и работник
185
91. Иван-дурак и поп
187
92. Про Игнашку вора
190
93. Удалой Савва
192
94. Шел солдат со службы
194
95. Солдат и шаньги
195
96. Я молодец – с того света выходец
196
97. Про золотую голову
197
98. Кобыльи яйца
200
99. Как Иван-дурак за счастьем
ходил
202
100. Про Ивана-дурака
203
101. Про Солнышко
208
102. Мужики-тасимичи
208
103. Глупые люди
209
104. Солдат и черти
210
105. Чертова невеста
212

106. Баба и черт
213
107. Охотник и леший
214
108. Мужики и леший
215
109. Фома-старичок
217
110. Норушка
217

СКАЗКИ-ПРИТЧИ

- 219
111. Мужик на небесах
221
112. Почему у кукушки
своего гнезда нет
224
113. Почему пчелку убивать
нельзя
224
114. Почему у павлина
красивый хвост
225
115. Почему куры все время едят
225
116. Почему рябчики маленькие
225
117. Почему воробей на земле
все время прыгает
226
118. Почему канюк все время
кричит «пить-пить»
226
119. Почему зерно на колоске
только на самом верху
227

ПРИМЕЧАНИЯ

228

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

271

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

273

Литературно-художественное издание

**Русские народные сказки
Пермского края**

Составитель

Александр Васильевич Черных

Литературная обработка текстов
и редактирование

Ольга Данилова

Художественное оформление издания

Ирина Лаврова

Компьютерное исполнение и макет

Лидия Носкова

Корректор

Галина Борсук

Подписано в печать 00.06.04.

Формат 60х90 1/ 16. Бумага ВХИ.

Гарнитура «Елизавета».

Усл. печ. л. 17,5. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1909-к.

ОГУП ИПК

«Пермское книжное издательство».

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 16.

